

Зона поражения

Хелен

Когда тебя понизили на работе и бросила жена, самое время побыть «плохим полицейским». Так считал Кирилл, отправляясь на задание в монастырь, где недавно обнаружили три трупа. Монастырь организовала самодельная секта во главе с подозрительным старцем. Да еще помощник этого самого старца какой-то мутный, скользкий, одно слово — хтонь...

Глава 1. Посреди нигде

— Молитвами святых отец наших...

В разошедшуюся дверь настойчиво стучали, а молитва звучала как скандальное поторапливание: «разоспались тут». Мужики заворочались, поднимаясь, кто-то хрипло отругнулся:

— Аминь!

Стук прекратился. Вот и еще одно доброе утро.

До нормального утра было еще часа три как минимум, но в «монастыре» на утреннюю молитву поднимали ни свет, ни заря.

— Поторопитесь, братия, поторопитесь! — подгонял сутулый парень с давно немойтой головой — дежурный по кельям.

Кирилл поежился, натянул куртку и побрел к выходу. Мимо тянулись сонные паломники, некоторые бормотали молитвы, кто-то зевал, торопливо крестя рот. Основным контингентом тут были женщины и в будочку «ж» выстроилась очередь. Возле умывальников было свободней. Вода стучала в ржавую раковину, вентиль прокручивался, оставляя на ладони кусочки краски. Кирилл обтерся мокрой рукой и передернулся от озноба: днем было еще тепло, а по утрам уже чувствовалась осень, и холодная вода в кранах не вдохновляла на подвиги. Хотя были и тут свои герои. Например, Александр.

Каким-то бесом занесенный в это убогое место, он не желал покрываться пылью и щетиной, как прочие мужики, ежедневно вставал на полчаса раньше, чтобы побриться и вымыть голову.

Вот и сегодня — они выползли из корпуса и встретили его, возвращающегося.

— Саня! — загудел Серега. — Чистюля наша!

Чистюля пробормотал «добрутро» и шмыгнул внутрь.

— Да не цепляйся ты к нему, — одернул Серегу Семеныч. — Он артист, ему положено.

— А что ему тут надо, артисту? — не успокаивался Серега. — Чего ему дома не сидится?

— А тебе чего?

— Известно чего — жена заставила, — подначил Кирилл.

Хоть проснутся, пока ругаются. Хотя тему эту обсуждали каждое утро. И не надоедало же Сереге цепляться.

— Так и его — жена. Ну или кто она ему там, — отмахнулся Семеныч.

Александр был артистом городской филармонии, а его почти жена работала в администрации, так что пара в городе на виду, и про запой и скандалы, говорят, даже с драками, не знал только ленивый. Вон, и Кирилл что-то слышал.

Он однажды спросил, что Александр забыл в монастыре, получил агрессивное: «А тебе не пофиг?» в ответ, и решил не додумать человека. Тем более, ему могли задать встречный вопрос.

— И ведь все вертится вокруг этого их монастыря! Ну нет там больше ничего — лес и поле, а за полгода — три трупа. Иванов — местный, официант из ночного клуба, Петров — бухгалтер из Питера, а Крылов — давний московский знакомец старца. Его нашли в лесу за скитом, под лопаткой — «торпеда», а в желудке коньяк, причем в такой дозе, что можно троих уморить. Не мог он не знать, что кодированному нельзя пить, да еще одному в лесу,

где «скорой» нет.

Руслан тоскливо глядел в окно на пустую площадь и вводил в курс дела извиняющимся тоном. Ну да, орал-то он грозно, вон, аж курящий на крылечке народ разбежался за углы от греха.

— Думаешь, напоили?

— Почти уверен. Бутылка без отпечатков, протер кто-то. Кроме старца он там никого не знал. И самое противное: намекнули мне тут, что монастырь трогать не надо. Бухгалтер от сердечного приступа помер, алкаш сорвался, несчастный случай, и нефиг копать. Только первый похож на криминал, да и то пока не до конца ясно. Не нравится мне все это, Кир, вот прямо очень не нравится. Мужики ездили, беседовали с сектантами. Игнатов даже самого этого их старца вызывал.

— И явился?

— Явился. Скромно, но с достоинством погоревал. Помню, говорит, сего блудного сына, как жаль, как жаль.

— Ясно.

— Допросами там ничего не добьешься. Отмалчиваются все, глаза в пол, морды постные. Но и новых трупов дожидаться не хочется. А ты только приехал, никто тебя особо не знает, слухи ходят. Даже легенду придумывать не нужно. Прости, конечно...

Ну да, конечно. Слухи ходят: про перевод с понижением, уход жены, недельный запой, а теперь еще про угрозу уволить к херам, озвученную Русланом прямо на крыльце УВД при куче народа. Как оказалось — предусмотрительно и с дальним прицелом.

— Заодно и подлечишься там по профилю. Курс детокса бесплатно. Да шучу я, шучу, не зыркай, я тебе все же начальник.

С начальником они в одну секцию в школе ходили и в одной академии учились, с разницей, правда, в четыре года. Руслан карьеру делал по месту жительства, а Кирилл на последнем курсе женился и остался в Москве. Теперь вот вернулся к истокам.

— Ладно, иди. Отпуск у тебя еще месяц, а там поглядим, что и как. Давай, вали в монастырь, грешник!

Кирилл растянул губы в улыбку, типа, оценил шутку начальства, выругался про себя по-матушке и отправился в стан врага.

«Монастырь» располагался буквально посреди нигде — в тридцати километрах от ближайшего города, в леске, неведомо как сохранившемся между голых полей. Когда-то тут была деревня, рядом с ней построили пионерлагерь для местных и городских детей, но деревня сгорела, лагерь забросили, а потом как-то незаметно туда вселилась «Община верных».

Сперва на нескольких человек власти не обратили внимания. Заинтересовались, правда, когда в «монастырь» к «старцу» стали приезжать паломники и желающие исцелиться от хворей, но подозрительно быстро отстали, словно не замечая на своей территории странной организации, которая тоже старалась не высовываться из своего угла и не отсвечивать чудесными исцелениями, скромно обещая вылечить только от алкоголизма и прочих нехороших зависимостей.

Секту явно поддерживала чья-то мохнатая лапа: им дали разрешение использовать бывший лагерь, построить в лесочке за ним скит, а городская администрация даже приезжала на освящение церкви, устроенной в бывшем главном корпусе. А теперь вообще кто-то давит на следствие. Вот же суки. Интересно, кому этот старец так помог и в чем.

Старец Кирилл интересовал особо. Очень уж выбивался из образа лохматого православного батюшки: стригся прилично, бороду имел модную и ухоженную, а очки дорогие. И вообще по документам Евгений Виленович Вайс был молод для старца. Сорок двух лет, разведен, ранее не судим. Что понесло бывшего учителя создавать секту и рядиться в духовное лицо — в деле не объяснялось. По упорным слухам — Вайс творил чудеса, исцелял больных и спасал заблудших. По фактам — написал «Истинный завет», собрал вокруг себя группу сторонников и назвался старцем Зосимой.

Кирилл, перекормленный в детстве воскресной школой и фанатичной мамой, к таким относился со злостью и недоверием с двух сторон: идиотский микс христианства с буддизмом раздражал — все-таки что-то из уроков он помнил, а стремление командовать стадом вызывало брезгливость.

Как и само стадо. В монастырь съезжались какие-то растрепанные женщины в изношенной одежде, с орущими или больными детьми, странные испитые мужики в колтунах, штопанных тряпках, с колким взглядом. Среди них попадались прилично и даже дорого одетые мужчины и женщины, но они не выделялись из толпы страждущих, так же стремясь к чему-то обещанному, но пока невыполнимому, ожидая чуда и не получая его.

Глаза паломников были беспокойными и настороженными, голоса — глухими и настойчивыми. И получая в ответ «старец благословил» или чаще «не благословил», они угасали, становились мутными, тихими и бесцветными. Но не уезжали. Все еще на что-то надеясь, селились в кельях для трудников, работали на кухне или птичнике, ждали истово — непонятно чего, позабыв разумность и здравый смысл.

В «скит» — добротный корпус в роще за огороженной территорией — пускали только избранных. Там же жил старец. Его Кирилл пока видел только издали: старец редко появлялся в монастыре. Говорили, что на большие праздники он сам проводит моления, а в скит, кроме «верных», допускали только по благословению, Кирилл пока не мог придумать, как туда попасть.

Иногда старец принимал кого-то из больных — настоящих больных. Из автобусов вынимали коляски или выходили люди на костылях. Правда, никто из них пока не ушел обратно своими ногами. Наверное, до такой степени святости старец еще не дорос.

Вроде бы случались и «чудеса». По монастырю об этом ходили восторженные и очень расплывчатые — без диагнозов и имен — слухи. Некоторые трудники не хотели покидать монастырь и становились «послушниками». Эти Кирилл пугали — улыбочивые, с горящими глазами, они говорили цитатами из Библии и, если приглядеться, напоминали зомби. Таких ставили работать с паломниками и отмахаться от их заботы можно было только лопатой.

После комковатой каши и омерзительного чая на завтрак трудники двинулись на «послушания». Мужики из соседней кельи что-то строили в другом конце монастыря, а их бригада, наоборот, ломала. Разбирали старый корпус и стаскивали мусор и доски к дровяному складу. Кирилл это занятие ужасно раздражало. Работа была грязная, а мыться полагалось раз в неделю, в таком же тухлявом помывочном корпусе. Стирались там же. От невозможности смыть пыль и лечь спать в чистом Кирилл тихо бесился и сам же себя высмеивал: ишь, москвич! Набаловался, забыл, как у бабки в деревне на полу спали, баня — только по субботам. А грязь «станет толще — сама отвалится». Потерпишь.

В кельи сползались после вечерней молитвы в церкви, благословленные на добрую ночь. Ага. Вот сейчас не успеешь уснуть, как прибежит этот, немый, с «молитвами отец», чтоб ему. Добрая ночь, прерываемая каждые три часа молитвой, добрее никого не делала. Да

и скудный ужин из размазанной чечевицы — тоже.

— О! Ты чего здесь шарисься?

Сергеа загоразивал дверь. Кирилл протянул руку над его плечом и включил свет. На угловой койке, прижимая к себе набитый рюкзачок, вытянулся пацан лет шестнадцати, точно не больше. В белой рубашке, аккуратно причесанный, он жмурился на лампу, а казалось — от страха. Как будто ждал, что его съедят. А Серега и рад выместить раздражение.

— Ты кто? Новенький? — преувеличенно дружелюбно спросил Кирилл, пихая Серегу в бок, чтоб заткнулся.

Пацан поморгал и ответил:

— Да. Здравствуйте.

Он спохватился, спихнул рюкзачок на пол и встал.

— Меня зовут Яков. Мне сказали ложиться на свободную кровать. Эта же свободна?

— Свободна, — буркнул Серега. — Ночью чтоб ни звука, понял? А то придушу.

Все уже укладывались. Семеныч, громко зевнув, прекратил запугивание молодежи веским:

— Спать!

Кирилл щелкнул выключателем одновременно с рухнувшим по команде на койку пацаном.

— Молитвами святых отец наших...

— Аминь, твою мать!

Свет включился. Дежурный подождал, когда они сползут с кроватей и выпрямятся, блеющим голосом затянул:

— Господи, Боже спасения моего, во дни возвах и в нощи пред тобою...

Кирилл прислонился к стенке и прикрыл глаза.

Глава 2. В чужой монастырь

— Ну и как он?

Неопрятный парень согнулся в поклоне и прогундел:

— Работает. Молится. Как все.

— Разговаривал с кем?

Ох, ну можно же иногда мыться! Припираются в кельи к старцу как к себе в сарай!

— Как все, — повторил парень.

Как же его? Иван? Петр?

— Скажи мне, чадо, ты ведь усердно исполняешь послушание?

— Да, Господи! — «чадо» хлопнулось на колени и теперь бубнило в пол.

— Встань. «Когда молишься, не будь, как лицемеры. Ибо знает Господь все нужды твои!» Продолжай наблюдать за порученным тебе рабом Божиим. Ну все, все, иди.

Старец торопливо благословил «чадо», постаравшись не коснуться немых волос, и скривился только когда дверь закрылась.

— Полдня теперь проветривать! Еще и навозом от него несет. Вот откуда?

— На птичник бегают, — сообщили из угла. — К Ольге.

— Вот это — к Ольге? Это ж какое самомнение надо иметь! — восхитился старец. —
Окно открой.

Келейник выскользнул из-за стола, перетек к окну и потянулся к высоко расположенной ручке. Не знай его старец несколько лет, подумал бы: рисуется, а то и завлекает. Но нет, просто наградила природа такой вот кошачьей грацией. И не на радость — сколько получал тумачков и кличек. Весь монастырь был уверен в его — той самой — ориентации, а старец только посмеивался, замечая, как «не такой» ловко скашивает глаза на Ольгину или Дашину грудь.

— Нужно заповедью запретить вход к Богу немыхим.

— И в непраздничных ризах, — хихикнул келейник. Он растекся по подоконнику, подставляя лицо сквозняку. — А еще можно проповедь про «мойте руки перед едой». Таким все надо в стихах и с картинками.

— Каким «таким»? — рассердился старец. — Слезь!

Чуть было не сказал «брысь» и за это отвесил подзатыльник. Потому что рука сама потянулась — то ли почесать за ухом, то ли пригладить вихры.

Келейник спрыгнул на пол и тут же привычно ссугулился.

— Не смей возноситься! Ничем ты не лучше этого...

— Иоанна, — подсказал келейник.

— Иоанна. Иди отсюда. И Ваську не пускай: проповедь писать буду. Про чистые помыслы. И одежды.

Келейник испарился, а старец еще постоял, глядя на дверь, тряхнул головой и уселся за проповедь. Но писалось почему-то про борьбу с искушениями. Тут ему было что сказать, как любому святому.

За дверью препирались келейник с Васей, тикали напольные — в рост человека — часы, проповедь получалась вдохновенной и грозной. Главное — не отвлекаться, не думать, зачем здесь этот Кирилл из полиции. Сам приехал или по службе? Тоже вот искушение... И не знаешь, что с ним делать: выгнать? поговорить? Что?

— Берешь доску и несешь вон туда, в угол, понял?

Яков послушно кивнул.

— А можно мне какие-нибудь перчатки?

Сергея остановился, почуяв новый повод потыкать мальчишку. Почему-то тот ему не нравился.

Семеныч немедленно уселся прямо в траву. Все использовали любую возможность передохнуть, а тут как раз куда-то унесло надсмотрщика. Кирилл прислонился плечом к будке, которую они курочили, посматривая, не идет ли кто, и только Александр изображал деятельность, уныло таскаясь к забору и обратно.

— Какие перчатки?

— Для рук, — пояснил Яков, протягивая свои белые аккуратные ладони.

— Яшенька, — завелся Серега, — ты тут у кого-нибудь видишь перчатки?

— А у него?

Яков кивнул на бродившего с куском фанеры Александра.

— А ему невеста привозит, — сообщил Семеныч, хихикая.

Действительно, рыжая невеста приезжала каждый третий день, вытаскивала жениха за ворота и по часу миловалась с ним в машине. В келью Александр возвращался счастливый, мечтательный, с пакетами, из которых доставал чистую одежду, постельное белье и, что особенно бесило Серегу, всякие кремчики-масочки и шампуньки.

«Лучше бы жратвы привезла», — как-то выступил он. Александр демонстративно отпил воды из пятилитровой канистры и умелся на улице с полотенцем и косметичкой.

— Вот у тебя есть невеста? — не унимался Серега. — Нет? Значит, проживешь без перчаток.

— Я не могу, — озабоченно нахмурился Яков. — Мне надо руки беречь.

— Это почему? Ты у нас что, скрипач-виртуоз?

— Ага. Только не виртуоз. Просто скрипач.

— Ну надо же! Эй, Саня! Сань, хватит бродить, как хомяк по клетке. Иди сюда!

Александр подошел. Фанерку свою он так и не бросил, Кириллу показалось, даже перехватил поудобнее.

— Чего надо?

— А ты что грубый такой? Я вот тебя обрадовать хотел. У нас тут еще один артист образовался. Коллега твой.

Александр обернулся, едва не заехав фанеркой Сереге в живот.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич! — затараторил мальчишка. — Вы меня помните? На дне города... Вы тогда с нами, в филармонии...

— Вторая скрипка? — припомнил Александр.

— Ага!

— Такой молодой и уже алкоголик.

Александр сунул Якову в руки свою фанерку, подобрал кусок доски и пошел к забору. Ребенок остался хлопать глазами.

— Я не алкоголик... Я...

— Работаем! — скомандовал Кирилл, заметив спешащего к ним дежурного.

Семеныч подхватил ломик, Серега загремел топором по доскам, Кирилл поволок по

земле кусок отломанного крыльца. Передышка закончилась.

Собак, значит, на ночь, спускают? Ай да скит святой! Ай да старец! Зря, конечно, полез, но сколько можно ждать у моря погоды? Он тут девятый день, а старца только дважды издали видел. Братья тоже не особо разговорчивы, да и как их расспросишь? Если насторожатся — сразу из монастыря выкинут. И хорошо если живого. Нет, всерьез Кирилл за себя не боялся: какой дурак будет убивать полицейского? Только если он наткнется на старца с присными, зарывающих трупы, тогда могут. Но пока кругом божья благодать и сплошные доски. Они уже стояли перед глазами, стоило Кириллу улечься в кровать. Хотя... Вон, соседи выгребные ямы чистят. От них даже в церкви все норовили подальше встать, и ладан не помогал. Так что доски — еще ничего, нормальное послушание.

В кустах рядом с крыльцом кто-то разговаривал. Ну-ка, ну-ка, что это за ночная жизнь?

— Какого хрена ты тут забыл, скрипач сопливый?

Ух ты, а Александр у нас и так умеет? Когда на него наезжают, значит, отмалчивается, а на ребенка можно бычить? Ай-яй-яй, Сашенька, как некрасиво.

— Мама привезла, — доверчиво отозвался Яков.

Ты гляди, Кирилл думал ребенка спасать, а ребенок спокоен, как дома.

— Весь ее коньяк выпил? — с издевкой хмыкнул Александр. — Или ты наркоша?

— Я... нет, я...

— Ну?

— У меня рак. Недавно нашли. Ну и... вот.

Господи, ужас какой. В шестнадцать лет. И что он здесь...

— И что ты здесь забыл?

— Старец же.

— Старец? — издевался Александр. — Может, он над тобой молитвы читал? Руки возлагал? Зельем поил? Ты здесь сколько уже, а его видел вообще?

— Нет.

— Значит так! — голос Александра стал угрожающим, и Кирилл на всякий случай подобрался. — Завтра автобус с паломниками придет, чтобы собрал свои шмотки и — домой. Увижу на ужине — руки переломаю! Понял?

— А-а...

— Что за народ, блядь! Лечиться надо у докторов, а не здесь говно таскать, пока поздно станет! Ты меня понял? Домой, мать — нахуй, сам — в больничку! Дебил малолетний, откуда вы беретесь такие вообще!

Тут Кирилл был с Александром полностью солидарен. Вот только бушевал бы потише, еще поднимет дежурного, а они тут хором режим нарушают. Как бы на выгребные ямы не перевели.

— Понял?

— А у меня денег нет.

— Твою мать! — простонал Александр. — Спать пошли, завтра выдам. И чтобы...

— Я понял, — тихо ответил Яков. — Спасибо вам.

— Нахуй, — буркнул Александр.

Кирилл подождал, пока они дойдут до кельи и улягутся на кровати, прокрался следом.

— Ты где вчера гулял? — тихо спросил Семеныч, набивая карманы хлебом. Ужин опять

был из чечевицы, нормальному мужику — ни о чем. — Молодежь ночью шастала, и ты туда же.

— А молодежь чего? — прикинулся незнающим Кирилл.

Вчера, когда он вернулся, все тихо сопели по койкам, а, гляди-ка, оказывается, тут каждый под колпаком.

— Да чего-то делили в кустах, — отмахнулся Семеныч. — Видишь, малого-то нет.

После вечерней молитвы в церкви паломники толпой повалили к автобусам, а трудники в трапезную. Видимо, Александр оказался убедителен — на ужин мальчишка действительно не пришел.

— А чего делили?

— Да, мало ли. Ты разговор не переводит. Нашел где-то?..

Семеныч, хоть и приезжал сам, отсутствием выпивки тяготился, все время надеялся найти кого-нибудь, кто продает запрещенное зелье из-под полы.

«Потому что спрос рождает предложение — помнишь, в институте учили? Значит, должны и тут быть умные люди. Только, небось, боятся, по своим толкают»

— Нашел?

— Да нет! — огорчил его Кирилл. — Я, это, в гости ходил. К соседкам.

— А-а... — Семеныч тут же потерял интерес и поднялся. — Пошли, что ли, пока не выгнали.

Он запихнул в карман оставшуюся в тарелке горбушку и поплелся к выходу. Кирилл зевнул и двинулся за ним. Спать хотелось ужасно.

Бани Кирилл не любил. Не то, чтобы брезговал или стеснялся, просто толкаться в горячем пару и мыться в тазике с его ростом ужасно неудобно. С другой стороны, почувствовать себя чистым было прекрасно. Хоть день, а как белый человек, и даже побрился.

— Ну, где ты ходишь?

Александр успевал в баню первым, мылся по-военному быстро, остаток вечера обычно тратил на маски, кремы и ногти, а тут накинудся на Кирилла, как будто они опаздывали в театр.

— Что?

— У тебя полчаса. Собирайся.

— Куда?

Вот уж никуда не тянуло. Только свалиться на кровать и задряхнуть на пару часов раньше. Кирилл даже на ужин не собирался.

— К старцу!

— Куда-а?

Семеныч подтвердил: пока Кирилл плескался, прибежал надсмотрщик и сообщил, что их с Александром старец призывает на субботнюю молитву в скит.

— Счастье вам привалило.

Кирилл уже влезал в чистые штаны. Действительно, привалило. Вот только счастье ли? И с чего это вдруг? Александр нахмурился и поправил Кириллу завернувшийся воротничок.

— Причешись.

— Да, мамочка.

Было как-то волнительно. Вроде бы не первоклассники на линейку, а все равно что-то

скало внутри, какой-то азарт.

В скит шли через небольшую рощу. Кирилл вчера уже тут полазил, поэтому головой не крутил, сосредоточившись на предстоящем. Интересно, у них вечернее моление такое же, как в монастыре? Будет возможность осмотреться? А подобраться к старцу? Нужно же как-то обратить на себя внимание, а то так и зимовать останешься, а начальство уже торопит. Так что надо понравиться старцу, Кирюша. Давай, включай свое обаяние или что там у нас есть.

Скит был обнесен вполне современным забором: без колючки по верху, конечно, но внушительным. Камер Кирилл не заметил. Может быть, их и нет, все-таки не Форт Нокс. Собаками обходятся.

Ворота тоже приличные, не плетень.

Внутри оказался райский садик, особенно по сравнению с разрухой в основном монастыре. Клумбы с цветами, газон, дорожки. Посреди рая возвышался терем: деревянный, в три этажа, с высоким крыльцом и двумя лестницами от него, вправо и влево, украшенный резными кружевами. Все — натурального дерева, никакой краски, только благородный лак. Ну ни фига ж себе устроился старец! Прямо, как в сказку попали.

Их проводник быстро взбежал по лестнице, перекрестился и первым открыл тяжелую дверь. Кирилл привычно ткнул себя пальцами в нужном порядке, Александр креститься не стал — мамкин бунтарь, блин. А ну как выгонят сейчас? Но вошли.

За дверью было что-то вроде тамбура с тремя дверями: прямо, справа и слева. А охраны что, нет? Интересненько. Кирилл уже приготовился встретить пару громил в подрясниках, но из правой двери выглянула женщина в фартуке и пахло едой. Столовка? Кухня?

За центральной дверью оказался холл, две лестницы на второй этаж и молитвенный зал — большая комната с возвышением вроде низенькой сцены. Стул, пара аналоев, скамейки у стен и снова две двери: глухая слева и наполовину стеклянная справа. Сквозь стекла Кирилл разглядел накрытые клеенкой столы и скамейки. Два небольших подсвечника у сцены поблескивали в полутьме золотым.

Пока никто не пришел, он осматривался и запоминал расположение, но вскоре по лестницам застучали шаги, и в зал повалили люди.

Их было человек тридцать, все в темненькой гражданской одежде, а думал, они тут ходят в мантиях или еще какой форме. Ага, и на метлах летают. Кирилл фыркнул и сам себя призвал не отвлекаться.

Все привычно встали рядами, они с Александром оказались в последнем. Очень удобно: никто не пялится и все видно. Хотя тут была пара человек с него ростом, но впереди.

Левая дверь открылась и вышел старец со свитой. Кирилл вытянул шею и сосредоточился. Рядом со старцем, одетым в светлое, шел молодой парень в черном подряснике, следом — две женщины и коренастый мужик. Парень влез на сцену, придвинул стул и ссутулился за его спинкой. Кириллу он не понравился: суетливый, прилизанный, движения нервные, улыбка как у блаженного. Бывший наркоша или алкаш, излечившийся и приближенный к старцу?

Вот этого бы потрясти, наверняка слабое звено.

Паства немедленно освободила проход, старец прошел на сцену, оглядел всех и улыбнулся.

— Еще один день прожит, дети мои. Помолимся!

Голос у старца был ласковый и певучий, выглядел он, как добрый волшебник, а Кирилл с детства корежило от таких вот добреньких, глядящих в душу поверх очков.

Старец присел на стул, на середину сцены выдвинулись женщины и блаженный. Зажглись свечи, душно запахло ладаном, Кирилл приготовился слушать надоевшие усыпляющие псалмы, но читать ничего не стали.

Блаженный вдохнул и запел, глядя поверх голов. Пел что-то красивое и мелодичное на латыни.

Рядом подавился воздухом Александр.

— Ничего себе!

— Что? — не понял Кирилл.

— Неожиданно в этом сарае.

— Чего?

— Потом объясню.

Потом так потом, тем более что на них уже косились сектанты. Кирилл состроил благочестивое лицо и продолжил рассматривать паству. Все замороженно внимали. Лица разгладились, а улыбки показались Кириллу пугающе беззаботными. Александр тоже включился: пялился на поющего парня и едва не покачивался в такт. Вот же его нахлобучило, сразу видно — творческий человек. Нет, пел парень вполне ничего так, но Кириллу больше понравилось, когда две женщины стали подпевать. Получилось вообще классно.

Закончив, блаженный скромно отполз за спину старцу, а женщины с залом затянули заунывное «помилуй нас, боже». Старец, не вставая, протягивал руку, сектанты по очереди подходили ее целовать. Закончив, он все-таки отлип от стула, пожелал всем «пережить эту ночь» и скрылся со свитой за той же дверью, через которую вошел. Кириллу немедленно представилось что-то вроде «Десяти негрят»: десять сектантов, и проснутся завтра не все. Он задавил смешок и вернул себя на грешную землю. Вечерня явно заканчивалась.

«... яко благословен еси во веки веков. Аминь»

Ну наконец-то всё. Как эти зомби часами на молитве выстаивают? У него и то подготовка хуже. Очень хочется есть и спать.

Интересно, когда тут кормят? Или их голодными обратно отправят? Пока они тут духовно просвещаются, в монастыре ужин давно прошел. К сожалению, здесь, очевидно, тоже: сектанты двинулись вверх по лестницам, а двери в трапезную так и остались закрытыми.

— Братья... — подошел к ним проводник.

— Тут туалеты есть? — перебил его Кирилл: надо же осмотреться.

Туалеты, конечно, были. И охранник был, оказывается: за той самой левой дверцей напротив кухни; смотрел очень недружелюбно, как будто читал кириллово личное дело и заранее готовился хватать и вязать. Похоже, бывший коллега.

Александр мыл руки и задумчиво пялился в зеркало.

— Так чего ты там трепыхался? — поинтересовался Кирилл.

— Тебе не понять.

Александр уже восстановил свое самомнение и морду кирпичом.

— Тоже мне, сложности. Парень поет лучше, чем ты, да? Или просто запал? Ты у нас не из этих? Которые хоть куда?

Александр ловился на раз. Покраснел, оскалился, как бы плевать не начал.

— Быдло полицейское! Алкаш, а туда же, изображаешь из себя...

— Так ты тоже алкаш.

— У меня мозгов хватает «В лесу родилась елочка» от «Panis Angelicus» отличить!

— Чего-чего?

— Того! У парня явно образование. Тенор, и не хилый такой тенор. Школа видна.

— Да? — интересненько. — А как ты определил?

— Слышно же. Дыхание, опора, звук. Что он тут забыл, в этой помойке?

— Может, тоже алкаш, как мы с тобой?

А может и похуже. Во всяком случае, Кирилл бы за ним приглядывал и за спиной не оставлял.

— Наверное.

Александр как-то скис, может быть, задумался о собственном будущем. Оно и на пользу. Глядишь, выводы сделает.

— Пойдем, а то подумают про нас нехорошее. В святом-то месте.

За дверью их ждал уже другой мужик, коренастый, полуседой, похожий на физрука.

— А где этот наш? — удивился Кирилл. — Ну, этот...

— Иоанн? Завтра после службы за вами вернется, — отмахнулся мужик.

— Как завтра? А сейчас нам куда?

— Вас старец зовет. Идемте.

— Какая честь!

Кирилл сам себя заткнул, едва успел тон сменить с издевательского на восторженный. Не время психовать и выпендриваться, Кирюша, вот оно, соберись. Пора поработать, дружок.

Мужик еще раз оглядел их и повел за собой.

Глава 3. В скиту

На третий этаж вела еще одна довольно крутая лестница, «физрук» по ней топал вполне бодро. Пройдя приемную, он тихонько постучал в дверь.

— Господи, благослови.

— Входите с богом.

Кирилл едва не хихикнул: из них троих на бога точно никто не тянул. За дверью был светлый, просторный кабинет с книжными полками, компьютером на столе и горящей в углу у икон лампадкой. Старец поднялся из кресла и приглашающе указал на приготовленные стулья.

— Здравствуйте, дети мои, садитесь. Андрей, иди отдыхать.

«Физрук» бесшумно испарился, они уселись. «Дети»! Ладно еще Александр, а Кирилл: этот «старец» старше всего на семь лет.

— Вот, наконец-то поговорим, а то раньше как-то времени не находилось!

Старец радостно улыбался, как будто всю жизнь мечтал с ними встретиться, и вот повезло. Он вообще располагал к себе. Ласковый, милый, эдакий добрый доктор, но и не пересахаривал пока, всего в самый раз.

— Как вам у нас?

— Прекрасно! — заверил Кирилл, старательно изображая восторг.

Не переборщить бы.

— А вам, Александр?

— Да.

Даже вежливость не заставила Александра соврать. Тоже мне, артист. За спиной что-то скрежетнуло и бумкнуло. Кирилл подпрыгнул и развернулся на одних инстинктах. Массивные, в рост человека часы принялись отбивать время. Ого, десять?

— Стали вот заедать, чинить пора, — посетовал старец. — Ах, как поздно уже! Вы, наверняка, устали... Кирилл, давайте с вами завтра поговорим? Отдохнете, осмотритесь...

— Я провожу.

В темноватом углу зашевелились, и Кирилл чуть не выругался: оперативник, блин, не заметил в комнате постороннего. Не за шторой же парень прятался. Размяк тут на мягком стуле, немедленно соберись!

Дерганый неожиданно плавным движением вытек из угла и остановился не то в полупоклоне, не то просто ссутулившись, чтобы не возвышаться над старцем. Глазки уставил в пол, и вообще с зализанными тонкими волосами и острым носом выглядел натуральным лакеем из книжки.

— Совсем я растерялся, — расстроился старец, — забыл познакомить. Это наш Константин. Костя, Васеньку позови, а сам останься пока.

Костя утек за дверь. Александр проводил его заинтересованным взглядом, а Кирилл ждал, какого Васю еще принесет и зачем.

— Васенька...

Васенька оказалась девицей выдающегося роста, со спортивной фигурой и совершенно детским лицом. Эдакая лошадка, очень миловидная и порывистая.

— Проводи, пожалуйста, Кирилла в келью. Александр, вы, конечно, тоже устали, но задержитесь на пару минут. Кирилл, ступайте с богом. Ангела в ночь.

Васенька подставилась под благословение, звонко чмокнув поданную руку. Кирилл приготовился не скривиться, но ему старец не стал ничего пихать в лицо, просто дотронулся до головы. Тактичный какой! Или просто умный? Интересно, Александра тут оставлять безопасно? Как бы еще на одного потерпевшего не прибавилось. С другой стороны, вдруг эта Вася — тайный агент, и свернет ему шею, как только выведет за порог?

Они опять полезли вниз. Что за маньяк строил эти лестницы? Никакие колени не выдержат. На втором этаже было много дверей. Васенька исполнительно объясняла:

— Слева — братские кельи, справа — сестринские. Туалеты — вот, душ тут. У вас все удобства в келье.

— Это за какие такие заслуги? — удивился Кирилл.

Он думал, их с Александром опять запихнут в общую, чтобы были под надзором.

— Гостевые. К нам много кто приезжает, — бесхитростно болтала Васенька. — Мэр, господни знакомые из Москвы, пару раз даже артисты были.

— А сейчас, значит, мы.

Комната оказалась похожа на маленький номер в гостинице, туалет и душ действительно внутри. Лампочка, тумбочка, икона в изголовье кровати.

Кирилл не справился с искушением и полез в душ, просто чтобы вспомнить, как живут нормальные люди. Когда он одевался, в коридоре послышались голоса.

— Я вообще все по слуху подбираю. Ноты можно наугадить. Фоно у Веры стоит, попросимся, она пустит, раз отец сказал.

Дерганый Костя торопился и захлебывался, но старался говорить тихо.

— Я — только с листа, — ответил Александр гораздо дружелюбнее, чем обычно. — Как вообще это можно по слуху?

— Не знаю. Как-то.

Скрипнула дверь. Значит, Александра провожал Костя, и поселили его в келью напротив. Дождавшись, когда дерганного унесет по коридору, Кирилл вломился к товарищу и застал его стоящим посреди комнаты в задумчивом обалдении.

— Ну, чего он тебе говорил?

Александр перевел затуманенный взгляд с кровати на Кирилла.

— Старец попросил спеть на праздничном молении вместе с Костиком. У них голосов не хватает.

— А он уже Костик?

Александр оскалился, и Кирилл поспешил отступить:

— И ты согласился? Когда праздник?

— Конечно согласился, — хмыкнул Александр. — Тут кровать с бельем, даже душ есть. Что я, дурак — отказываться?

— Тем более петь — не доски ворочать.

— Вот именно. Жрать только хочется. Интересно, на завтрак у них тут, как нам, кашу на воде дают?

Жрать Кириллу тоже хотелось. И спать. А надо бы, когда все уснут, поразведать, что тут и как. Главное — осторожно, чтобы не выгнали. Пожелав Александру спокойной ночи, он ушел к себе, присел на кровать и позорно отрубился до самого утра, благо, тут с «молитвами отец» ночью не бегали.

Бегали утром, но без монастырского фанатизма. На стук в дверь Кирилл привычно рявкнул «аминь!», и стучащий двинулся дальше по коридору. Преимущество жизни в скиту были налицо: никто не врывался, чтобы выволочь его из койки, сектанты тихо переговаривались где-то в районе туалетов, и Кирилл спокойно умылся и причесался лежащей на полочке у раковины расческой. Новые щетку и пасту он опробовал уже вечером. Надо же, какой сервис. И непонятно, почему их поселили сюда. Чай, не высокие гости из Москвы. Ладно еще Александр им для чего-то нужен, а пьющий мент зачем? На глазах держать?

В дверь сунулся Александр.

— Чего копаешься? Народ уже вниз потянулся, поближе к кухне.

— Сперва молитва, брат.

Оба синхронно скривились.

— Так, когда праздник? И какой?

Мало ли, может они тут по праздникам певцов в жертву приносят, а своего жалко.

— Какой — я не уточнял. Старец сказал «моление», то ли «великое», то ли «большое».

Вроде через неделю.

В зале уже молились. Старца и свиты не наблюдалось, просто одна из вчерашних певиц читала, а остальные крестились и кланялись. Кирилл подстроился к коллективу, Александр стоял столбом. Ох, выгонят идиота взащей, а Кирилла — с ним.

— Кланяйся давай! Вдруг ты не один тут такой солист филармонии. Вылетишь обратно — будешь опять дрова таскать и с Серегой лаяться.

Александр угрюмо зыркнул и перекрестился. Вот и ладушки. После молитвы, наконец, открылись двери в столовую. Все расселись, притянули к себе тарелки.

— Ух ты!

Вместо размазанной перловки на тарелках лежали оладьи с ляпнутой сверху ложкой варенья. Царское угощение, целых четыре штуки! Кирилл набросился на еду, запивая оладьи чаем. Были они, если честно, жирные и клекловатые, как в институтской столовке, но перебирать харчами после двух недель каши не хотелось.

Александр отодвинул тарелку, не доев.

— Ты чего?

— Хватит.

На тарелке лежали два с половиной оладья, а глаза у Александра были голодные и тоскливые.

— Не дури, ешь.

— Наелся. — Он отхлебнул чай и вздохнул, отставляя. — С сахаром.

Кирилл припомнил канистру с водой и чуть не заржал.

— Что, невеста толстых не любит?

— Я артист! — вполголоса рявкнул Александр. — Я должен...

— Да тебя за пюпитром не видно! Ладно, ладно! — на них уже поглядывали, а Александр покраснел и надулся, как бы не лопнул. — Тогда я за тобой доем, если ты не против. Я ж не артист, могу себе позволить лишний блинчик.

Александр двинул тарелку к нему.

— С твоим ростом — конечно. Живот, правда, вылезет, но вам же так и положено. Вон,

у гаишников так прямо стандарт.

Живот был кирилловой головной болью: только расслабишься, он тут же норовил появиться. Вот же, артист подколодный! Кирилл отодвинул его тарелку, но свои олады упрямо доел.

После еды к ним подошла Вася.

— Братья! Вас, — повернулась она к Кириллу, — Господь примет попозже, сейчас он занят.

Кирилл невежливо хрюкнул: вот прям таки «Господь»? Нихрена себе монастырь.

— Саша, пойдете, я провожу, там Костик уже по потолку бегают.

— Чего же сам не прибежал? — искренне поинтересовался Кирилл.

На завтраке ни старца, ни Костика не было. У себя, что ли, едят, отдельно от коллектива?

— Он Господу помогает, — пояснила Вася.

— В чем? Он вообще кто?

Как вовремя Александр включился. Кирилл, конечно, мог спросить и сам, но так даже лучше.

— Он господень келейник.

Какие тут замудренные термины. Келейник — это кто? Прислуга? Доверенное лицо?

— А чем келейники занимаются?

— Чем Господь скажет.

Точно прислуга. Из трапезной, кстати, явно пора выметаться.

— А что мне делать, пока не позовут?

Кириллу интересно было проверить, насколько он тут может передвигаться, ну и вообще. Сейчас вот скажет «сидите в келье» — придется изобретать причины везде полазить.

Васенька пожала плечами:

— Я не знаю. Погуляйте пока. Можете помочь кому-нибудь. Или помолитесь.

— Замечательно! И погуляю, и помолюсь.

Для начала Кирилл помог собирать тарелки и попросился помыть руки. Кухня как кухня. Небольшая, чистая. Поварих две, обе — тучные женщины среднего возраста. Стукнуть, конечно, могут, но ни на одном трупе не было повреждений от ножа или колотушки.

Охранника снова не было видно. Кирилл специально постоял на крыльце, любуясь окрестностями: ждал, не погонят ли назад, но никто не вышел. Ладно, осмотримся на местности, вдруг опять придется через забор.

За сказочным теремом располагались не сказочные постройки: вольер с собаками, какой-то хозблок и гараж. Возле собак суетился угрюмый мужик в затасканной клетчатой рубашке поверх майки. Он зачем-то лупил палкой по сетке, а собаки лаяли и кидались, пытаясь его достать. Прямо иллюстрация из хоррора — мужик и поджарые черные псы.

— А-а-а! Не нравится, сволочи!

Окно третьего этажа открылось, оттуда свесилась женщина и прокричала:

— Марат, уйди, Христа ради! Вот нажалуюсь Господу! Выгонит он тебя!

Марат бросил палку и отскочил за угол дома, прямо под ноги Кириллу.

— Нажалуется она! Стерва! — выскочил обратно и помахал кулаком. — Стерва ты, Наташка, так и запишем!

И снова спрятался за угол.

— Ее, небось, не выгонят!

— А почему? — спросил Кирилл.

— Ты ее сиськи видал? — продолжал в запале Марат. — Кто ж такую выгонит?

Сиськи Кирилл разглядеть не успел, а вот первый скандал его очень порадовал.

— А что, старец с ней?.. — он намекающе повел бровями.

— А я знаю? Может и нет, может и да. Вот ты бы что, отказался? А ты вообще кто? — наконец очухался он.

— Трудник.

— А чего не трудишься? Пошли-ка в гараж, мне там надо...

Кирилл пошел следом за Маратом. Проходя мимо клетки, тот погрозил кулаком успокоившимся собакам.

— У, дряни!

— Чего ты их так не любишь?

— Чего-чего, — пробурчал Марат. — Уродов этих. Развели. На людей спускают.

Что? Кирилл споткнулся и осторожно спросил:

— На каких людей?

Но Марат отвечать не стал.

Подавая ключи, Кирилл продолжил расспрашивать. Марат оказался гастарбайтером и работником «за все».

— Ну, типа завхоз, понимаешь?

— Угу. И давно тут?

— С зимы. Прошлый хозяин с работы выгнал, а тут взяли.

— За что выгнал-то?

— А ни за что!

— Ты, небось, без регистрации? — догадался Кирилл. — А тут как? Платят хоть хорошо?

— Куда там!

Марат помолчал, справляясь с особенно тугим болтом.

— Сплю в подсобке, кормят, не дергают. А работа всегда есть.

Кириллу все не давали покоя собаки.

— А свору эту тоже ты кормишь?

— Ну уж нет! — возмутился Марат. — Еще не хватало.

— А кто?

— Федор. Не видал еще? Невысокий такой, кучерявый. Покажу потом. Вот он над ними трясется, кормит, поит, они слушаются его. Представляешь — четыре адские твари, а ластятся, как к мамке.

— А кого еще слушаются?

И нельзя ли как-то приручить на всякий случай? Не дворняжки, обученные собаки, просто так с куском колбасы не подойдешь.

— Да никого, пожалуй. — Марат выбрался из-под машины и вытер руки тряпкой. — Костика терпят вроде. А больше к ним никто и не суется. Кому они нужны, уроды эти. Ладно, давай пока мусор уберем, а то я один полдня таскать буду.

Мусорные баки стояли в дальнем углу у забора. Оттуда Кирилл разглядел вторые ворота и прямо рядом — гараж. А у дома второй выход был как раз на эту сторону. Удобно: тебя у парадного входа ждут, а ты — по черному, и был таков, в машину или пешком в лес.

Обедать собралось неожиданно мало народу, как раз вся «элита», как для себя окрестил их Кирилл, и несколько человек «рядовых».

— А где все? — спросил он у Марата.

Тот тоже пришел и уселся рядом с Кириллом.

— На послушаниях. В монастыре, на птичнике, в трапезной, кто где. К вечеру соберутся.

Кирилл припомнил, что в монастыре действительно бродили разные «братья и сестры», занимались паломниками, торговали в лавке, надзирали за послушаниями.

— Гляди, гляди! Наташка! Вон, видишь, блондинка такая, суп ест? — подпрыгнул Марат.

Кирилл оглянулся. Действительно, примечательная дама. Высокая, худая, с пухлыми губами. И не только губами.

— Шикарная женщина.

— Ну, а я про что?

Шикарная женщина ела суп, не обращая внимания на глазающего Кирилла.

В трапезную влетел Костик, таща за руку Александра.

— Не опоздали! Налетай, а то потом не дадут!

Александр с Костиком подсели к ним. Следом в дверь скользнул коренастый мужик с прической престарелого рокера.

— Это тот? — уточнил Кирилл.

— Он.

— Кто? — закрутил головой Костик. — А, Федор? А чего «он»?

— Да, я тут собачек ваших рассмотрел, — пояснил Кирилл. — Хорошие такие собачки.

— А, — рассеянно мыкнул Костик. — Сащ, ты всегда так ешь?

Кирилл приготовился успокаивать Александра. Тот вопросы о еде воспринимал, как личное оскорбление. Но нет, Александр ограничился «всегда», а Костик просто кивнул и продолжал запихивать в себя еду совсем не по-монашески, да и порция у него была побольше, чем у остальных. Видимо тощий и вечно голодный, такие обычно в любимчиках у поварих.

Марат ушел, Наташа тоже, Костик лопал, мечтательно глядя в пространство, Александр снова погрузился в себя, и Кирилл решил было свалить, пока никому не нужен, но к ним подошла Вася.

— Кирилл, вас Господь ждет.

Вот и хорошо, давно пора повидаться.

Глава 4. Не отец

Старец улыбался Кириллу ласково, как психиатр пациенту.

— Здравствуйте, Кирилл. Как вам у нас я уже спрашивал, теперь спрошу: что вас сюда привело?

А то ты не знаешь! Или правда, не знает? «Легенда» у Кирилла была до смешного простой.

— Как у всех, святой отец, алкоголизм.

— Я не отец, — возразил старец с улыбкой, — сана не имею,

Похоже, вывести его из себя удавалось нечасто, и не всякому грешнику.

— А как же вас тогда называть?

— Старец Зосима. Ну, или Евгений Виленович.

— Ух ты, а так можно разве?

— Можно. Скажите, Кирилл, вот вы у нас тут уже давно...

— Две недели.

— Помогло ли вам пребывание в общине?

— Да как сказать...

Старец сложил руки перед собой и поощряюще кивнул. Один в один — добрый доктор.

— Пока купить негде, так, может, и помогло. А вот когда домой вернусь, у меня там ларек прямо под окнами.

— Понятно. С такой тягой хорошо помогает справляться новая цель в жизни. Любовь, может быть?

— Спасибо, — передернулся Кирилл. — Обойдусь.

— Работа?

— Вы серьезно? С моей работой и ангел запьет.

— А где вы работаете? — убедительно заинтересовался старец.

— В полиции.

— Да-а... Чтобы помочь, мне нужно узнать о вас побольше. Не хотите поговорить подробнее?

Вот это уже наглость. Исповедаться тебе, да? Уже бегу, сволочь хитрая.

— Тайнство без сана, Евгений Виленович?

— Конечно нет. Знаете, что такое «откровение помыслов»? Если в монастыре нет священника, при нужде можно посоветоваться с опытным братом. Это не тайнство, просто беседа. Очень помогает, если с молитвой.

— А молиться должны вы или я?

— А вы веруете?

Хороший вопрос. Врать не хочется, а не соврать — выгонят.

— Трудно сказать, — промямлил Кирилл, изображая замешательство. — Не знаю. Наверное...

— Не мучайтесь, — тихо засмеялся старец. — Понятно.

— А вы знаток человеческих душ или образование имеете? — решил обнаглеть Кирилл.

А то разговор тек как-то слишком плавно, надо бы подтолкнуть.

— Кое-какое имею, конечно, — снова не обиделся старец. — Но главное тут — слышать слово божие. Тогда видишь человека и понимаешь, что ему сказать. Правда, не все

хотят услышать.

— А вам прямо бог говорит?

Старец промолчал, проникновенно глядя на Кирилла, и сомнения в его глазах не было абсолютно. Так он сумасшедший фанатик? Или все-таки хороший актер? Первый вариант совершенно не радовал.

За дверью загрохотало и влетел Костик.

— Там Вера нас выгоняет! А нам репетировать! А Саня не может на слух! — протараторил он прежде, чем разглядел Кирилла. — Ой.

— Кто будет стучаться? — нахмурился старец. — Орешь, бежишь. Как на базаре.

— Простите.

Он подался к двери, но старец остановил:

— Стой уж теперь. Кирилл, я помолюсь о вас. А пока ступайте. С богом!

Кирилл склонился под благословение и вышел. За дверью помолчали, потом проскрипел стул и старец вздохнул:

— Все буйствуешь. Ничто тебя не берет.

По лестнице кто-то поднимался и пришлось перестать подслушивать.

Александр задумчиво топтался в коридоре.

— Как дела? — спросил Кирилл.

Что-то он потерял парня из виду, а тот как раз заобщался с недоступными Кириллу людьми, так пусть приносит пользу.

— Норм. Представляешь, у них тут вай-фай есть. Только у меня телефон в келье остался. Если не сперли уже. Ты ведь тоже вещи не брал?

Кирилл не брал: их же никто не предупредил, какие тут все гостеприимные и пустят пожить в королевских апартаментах.

— А ты пароль знаешь?

— У Костика спрошу.

— Так и про телефон у него спроси. Он тут свой, может сбегает. Просто скажи: вещи нужны, одежда чистая к празднику. И мой рюкзак пусть прихватит, а то не переодеться даже.

— И правда, спрошу. Или, может, нас самих отпустят сходить.

Понятно, чего он задержался: завтра должна приехать невеста, а выпустят ли их из скита, неизвестно.

— Может отпустят, — кивнул Кирилл. — А вообще как тебе тут? Люди как?

— Они все такие классные! Вера, Даша, Леночка.

— Костик...

— Костик, — повторил Александр задумчиво. — А? Что?

— С Костиком, говорю, вы прямо слиплись.

— Мы репетируем.

— Можно подумать, там двухчасовой концерт! — подначил Кирилл.

— Что б ты понимал.

Ссориться сейчас было глупо. Но наблюдать, как Александра засасывает в секту и ничего не делать, тоже как-то нехорошо.

— Мне завтра надо домой смотаться. Твоя приедет? Может, подбросит меня до города?

Взгляд Александра сделался мечтательным. Интересно, кто пересилит? Рыжая или здешние Костики с Леночками?

— Я спрошу. Только она вечером...

— И нормально. К ночи приеду, утром на работу схожу, и обратно.

Из-за угла снова вырулил Костик.

— О, за тобой. Про вещи узнай, — напомнил Кирилл и ушел к себе.

До ужина лучше не отсвечивать, а после вечерней молитвы по коридорам уже никто не шарится.

Кирилла очень интересовал ноут старца. Интересно, у него запирается кабинет? И до скольки у святых нынче рабочий день? Не ночует же он там, на столе.

— Никакого сладу с тобой. Вроде не дите уже.

И действительно: вырос-то как, голову задирать приходится.

— Сядь!

Вместо того, чтобы подтянуть к себе стул, келейник опустился на пол. Позер и выпендрожник. Стёк, как вода, удобно устроился, подперев щеку рукой.

— Как поговорили?

— Как... — старец потер лоб, собираясь с мыслями. — Никак, в общем-то. Если он тут по работе, конечно не расскажет. А если просто алкоголик...

— Можно же и проверить.

Можно, конечно. Но как же это все раздражает. Отвлекает. Досаждает, как гвоздь в сапоге.

— Леночку к нему послать. Или Веру.

Вера, наверное, справится. Но как-то это... некрасиво все.

— Уймись! Искуситель нашелся. Гляди, тебя вот пошлю. Нравится?

— Могу.

Плечом повел, бровями дернул. Ну вот откуда в нем это плавное? Может, стоило на борьбу какую-нибудь отдать? После школы не в колледж пихать, а в армию?

Ну да, этот бы навоевал. Сидит, улыбается, словно ангелов видит. Дал же бог такое обаяние. Неудивительно, что все женщины от него млеют, все балуют, даже Вера, а уж Вера — ледокол в юбке, гоняет весь монастырь, только старец ей и указ.

— Что ты можешь, бестолочь? Александром, вон, занимайся. Сам же ныл, что скучаешь тут, вот и друг тебе.

Смотрит. Вот уж не действует за столько-то лет. Или действует? Другого кого давно выгнал бы. К Ольге на птичник, в помете возиться. Или полы мыть.

— Хватит штаны протирать, иди отсюда. Наташу позови, что-то ноет опять.

Старец потер грудь и откинулся в кресле. Хлопотно становится. Растет община, прибавляется духовных детей. На кого все оставить, если что? Не на этого же? Людям нужен Бог, сами они ни на что не годятся. Ни на кого нельзя положиться. Все сам.

— Наташенька, что-то я опять.

— Все будет хорошо, Господи. Сейчас отпустит.

Руки у нее золотые, уколы делает почти незаметно. Хороший доктор и человек хороший Наташа. Вот уже и отпустило почти.

После вечерни Кирилл отсиделся в келье, следя за временем. Наконец все успокоились, кто-то напоследок прошлепал по коридору и стало тихо. На этажах очень удачно не было дежурных и никто не охранял святая святых — третий. А, нет, на ступеньках сидела Вася, ужасно похожая на васнецовскую Аленушку, так же эпично кручинилась.

— Что-то случилось?

Как джентльмен, Кирилл не мог пройти мимо очевидного горя дамы, а как опер понимал, что на сегодня розыскные мероприятия придется свернуть.

— Господь...

— Отругал? Выгнал?

Приставал?

— Заболел!

— Ох, ох, — посочувствовал Кирилл. — Скорую вызвали?

Вася утерла нос рукой.

— Нет.

— Ну, значит, ничего особо страшного.

Вася просияла. Кирилл никогда еще не встречал настолько незамутненную наивность в возрасте... ну, лет двадцати пяти точно. Или она отстает в развитии?

— Василиса, вы где живете? — радушно улыбнулся он. — Вас проводить?

— Нет, я здесь!

Она вскочила и потащила Кирилла за руку по коридору. Тут было гораздо меньше дверей, и Васина в самом конце.

— Вот! Проходите.

В открытую дверь виднелись две кровати.

— А ваша соседка не будет против?

— Наташа? Нет, она ночует у Господа.

Ясно. И, главное, никого ничто не смущает. Вот такой монастырь. Вот такой старец.

— А она всегда у него ночует? — осторожно спросил он.

— Иногда Костик еще.

Ну конечно. Кирилл вспомнил текучего Костика и почему-то совсем не удивился.

— А вообще кто на этом этаже живет?

Вася старательно наморщила лоб и принялась перечислять:

— На этом — апостолы и мироносицы. На втором — братья и сестры. Вот это — господня келья, тут — Андрей с Сашей, Федор с Костиком, Вера Сергеевна, мы с Наташей. Ростик.

Так, главное — не удивляться. Подумаешь, мироносицы и апостолы, это пусть психиатры лечат. А вот кто тут людей с лестниц спихивает — это по кирилловой части, туда и будем копать.

— А Вера Сергеевна кто? Столько про нее слышу, а ни разу не видел.

— Видели, она с Костиком и Дашей вечером пела.

Кирилл припомнил двух девушек в белых платочках. Обе были приятными, но он тогда интересовался старцем.

— Это такая...

— Да, красивая! — закивала Вася. — Наша бухгалтер.

Ладно, потом проясним бухгалтера.

— А Ростик?

— Ростик — артист, он сейчас на гастролях. Скоро вернется.

Еще один артист. Зачем им понадобился Александр, если своих хватает?

— Понятно, — кивнул Кирилл и попрощался.

При неспящей деве лезть в кабинет старца он не рискнул. Вдруг она снова выbredет страдать под дверью. Досадно, но делать нечего.

Следующим утром Кириллу нашлось послушание: Марат позвал его в гараж мыть машины и Кирилл подробнее изучил здешний автопарк. Машин было четыре: потрепанная Kia, навороченный черный джип, грузовая газелька и шикарная спортивная BMW.

— Ух ты! Это чья же такая красotka?

Машина хищно переливалась стальным оттенком серого и выглядела новой или очень ухоженной.

— Эта? Веры Сергеевны.

Что-то ему мироздание все время эту Веру Сергеевну подсовывает, надо бы познакомиться. Интересно, откуда деньги на тачку? Хотя, учитывая ее должность, не удивительно. Люди квартиры продают и тащат деньги старцу на монастырь, а уж опытный бухгалтер сумеет и рыбку съесть, и на елке не оцарапаться.

— А джип — старца?

— Нет, джип Федора.

И явно не новый. Либо Федор владел им еще до секты, либо купил подержанный — так или иначе, четвертый Range Rover был машиной не для среднего класса.

Интересные тут собрались люди. Очень хотелось познакомиться с ними поближе, но кто знает, сколько его еще будут терпеть среди святых и апостолов?

Он все-таки покрутился возле вольера, пытаясь подружиться с собаками, но на протянутую руку те класали зубами и мрачно следили за перемещениями Кирилла вдоль сетки, хотя так яростно, как на Марата, все же не кидались.

— Зря ты, — покачал головой Марат, когда Кирилл вернулся в гараж ни с чем. — Они только Федьку слушаются. Пока он не скажет «свой», даже не думай соваться.

Кирилл и не думал. Федьку этого он видел всего один раз и «своим» для него точно не был. Придется, в случае чего, собак усыплять. Если, конечно, он вообще вернется и его допустят сюда еще раз.

— Кир!

Александр выловил его в коридоре за полчаса до обеда и потянулся в комнату, а потом в ванную, наблюдая, как Кирилл отмывается после гаража.

— Твои вещи.

— Спасибо. Костик сбегал?

— Нет, Андрей принес. Ну тот, который нас к старцу провожал.

Ясно: «физрук»-апостол. Был еще второй, похожий на этого, только постарше.

— Я после обеда пойду в монастырь, часа на два. — Александр светился в предвкушении, и Кирилл мысленно закатил глаза: надо же так в бабу втрескаться. — Ты поедешь?

— Да, конечно. К сколько мне подваливать? И куда?

— К воротам, к пяти.

— Спасибо, Саш.

Александр упорхнул. Из коридора донеслось: «Ну все? Идем?» — звонким костиным голосом. Совсем келейник с парня не слезает. Пасет неусыпно. Интересно, что старец думает по этому поводу? Только рад, небось, отвязаться от чудика.

После обеда Кирилл собрал вещи, побродил по молитвенному залу и думал уже пойти на улицу, но его окликнула девушка, которую вроде бы звали Леночкой. Кирилл видел ее пару раз издали, но запомнил: округлая аппетитная фигурка, темные локоны и задорно вздернутый носик. Она просительно улыбнулась.

— Кирилл, поможете мне?

— В чем дело?

Кирилл готов был помочь, но вдруг ей требуется замочить старца и поджечь монастырь. Хотя, когда Леночка улыбнулась чуть шире, он решил, что старцем готов пожертвовать.

— У меня сломался замок на двери. Можете починить?

Они поднялись на второй этаж. Леночка, похоже, не мироносица: комната была общая, дверь, на первый взгляд — в полном порядке.

— У вас есть какие-нибудь инструменты?

— Не зна-аю.

Похоже, с ним флиртовали. Не то, чтобы Кирилл был сильно против, но — в монастыре?

— А что вообще сломалось?

— Давайте, я покажу. — Леночка зашла в комнату и поманила его за собой. — Заприте. А потом она заорет, набегут братья и его линчуют прямо во дворе между клумбами? Нет уж.

— Давайте, я поищу отвертку, — заторопился он.

Леночка нахмурилась, затеребила ворот блузки, но тут явилось спасение в виде еще одной феи. Темноволосая красотка была слегка похожа на Леночку, но повыше, точнее и спокойней. Плавными движениями и синими очами она напоминала русалку. Откуда старец набрал этот парад супермоделей? Кирилл вздохнул и покорился судьбе. Однако, русалка не стала его зачаровывать, а спросила у Леночки:

— В чем дело?

Та сразу ошетижилась и потеряла половину своего очарования, зло заявив:

— А что? Замок сколько уже не работает, а попросить некого.

— Сашу, Андрея? — подсказала русалка.

— Чтобы доломали?

— Марата?

— Этого... — Леночка сдержалась, но Кирилл примерно догадался, что она думает о гастарбайтере. — Что за мужики? Как Ростик уехал, гвоздь забить некому!

— Давай, я забью, — улыбнулась русалка. — А Кирилла Господь ждет. Вася... А вот и она.

Вася вывернула из-за угла и спасла Кирилла от нашествия супер-русалок. Кирилл радостно потрусил за ней, подальше от медовых ловушек.

— Ты тут посыльная, что ли? — спросил он, незаметно переводя дух.

Девушка поднималась по ступенькам легко и непринужденно, а ему было тяжело с

непривычки. Интересно, старец останавливается передохнуть или тоже спортсмен?

— Что? Нет. Я просто рядом живу.

«И постоянно отираюсь под дверью, так что стоит только выглянуть» — додумал Кирилл.

Старец на этот раз разговор не затягивал.

— Так что вы решили? — бодро поинтересовался он, едва Кирилл показался на пороге. — Хотите остаться у нас?

— Конечно хочу! — искренне ответил Кирилл. — А можно? Только мне надо на работе отпуск взять.

— Поезжайте. До города доберетесь?

— Да, меня подвезут, спасибо.

Старец озабоченно покивал и благословил с напутствием возвращаться.

Глава 5. Светлый инок

Уходил Кирилл с отчетливым чувством «жучка», прицепленного к загривку, а еще было немного приятно от заботливости сектантов. С ним прощались как с родным, его обещали ждать, скучать, желали всего хорошего. Даже Александр выкрутился из хватки Костика и протянул руку.

— Вернешься?

— Попробую, — не стал обещать Кирилл. — А ты не хочешь домой? Или не пускают?

Александр, пришедший со свиданки намного раньше, чем обычно, нахмурился, но спорить не стал, только помотал головой и отошел обратно к Костику, который немедленно вцепился в его рукав и что-то зашептал на ухо.

Рыжая уже сидела за рулем и была очень расстроена, поэтому Кирилл не решился расспрашивать, а молча влез на заднее сиденье и пристегнулся. Поехали.

Минут через десять она все же не выдержала.

— Я закурю.

Кирилл кивнул, хотя его и не спрашивали. Рыжая достала электронную сигарету, по салону поплыл запах яблок.

— Я была в скиту, — заговорила она. — Год назад, с мэром и журналистами. Мне показалось, там больше сестер, чем братьев.

— Ну да.

И каких сестер! Видимо, Рыжая тоже их разглядела.

— Саша говорил, вы жили в одной комнате?

— Жили.

— И чем занимались? Я имею в виду, что можно делать в скиту? Там уже год назад было все очень мило устроено.

Кирилл думал: ревнуешь? И правильно. Вот понравится твоему Сашеньке у старца — и останешься с носом.

— Не хотите сами там пожить?

Холеными своими ручками полы помыть и тряпье с насельников постирать? А то мужика можно сбегривать в любую помойку. Хотя мужик тоже хорош. На вид боевой, а как до Настеньки доходит — веревки вить можно.

— Я? — рассеянно переспросила она. — У меня работа.

— Вот и у меня работа, — вздохнул Кирилл, но, выходя, все-таки посоветовал: — Заберите его оттуда. И поскорее.

— Думаете? — отозвалась Рыжая. — Так что он там делает?

— Поет.

Хлопнув дверью, Кирилл перебежал дорогу и пошел к магазину. Дома точно есть нечего, да и пузырь купить надо для конспирации. Алкаш он или не алкаш? Завтра к начальству, потом обратно в скит, лучше подышать перегаром для правды жизни. А сегодня Кирилл предвкушал нормальный сон в удобной кровати. Как же все-таки дома хорошо!

— Интересно, вернется?

Старец пожал плечами.

— Что гадать? Скоро увидим.

Келейник скрутился в ногах кровати. Не спится ему. Опять будет всю ночь в телефоне торчать. Лучше бы у себя лег.

— Леночка ему тут глазки строила, чуть не окосела. А лучше бы все-таки Веру.

— Без тебя разберутся, что лучше. Нашелся вершитель судеб! Иди отсюда!

— Наташка придет — и уйду.

Ну что с ним сделаешь? Так и будет полночи сидеть. Перепугался тогда, после больницы первое время вообще не спал, все боялся инфаркт проглядеть.

— Тогда не мешай. И слезь уже.

Старец не сдержался, легонько пихнул ногой. Келейник, конечно, просто слезть не мог, целое представление устроил: свалился на пол, заохал, изобразил возмущение. Ну, хоть хмуриться перестал.

— Святой отче, не стыдно малых сих обижать?

— Обидишь тебя. Свет выключай, спать хочу.

На самом деле давно что-то не спится, а вроде не старый еще. Заботы, заботы... И этот Кирилл... Если вернется, значит точно по службе. И что с ним делать тогда? Еще один грех на душу, где уж тут спать.

— Живой — и хорошо, — встретил его Руслан. — Узнал что-нибудь? Планы какие?

Тут не поспоришь: живой — всегда хорошо. Жаль, ненадолго, лет восемьдесят от силы. Кирилл уселся и посмотрел на часы.

— Думаю, дня три еще «попью», потом вернусь. Чего-нибудь новенькое нарыли, пока я прохлаждался?

Руслан развернул к нему монитор.

— Оказывается наш старец уволился не просто так. Там очень некрасивая история была, но школа замяла. Смотри.

Кирилл вчитался. История, действительно, была. В школе, где работал Вайс, учились дети из детского дома, к одному учитель литературы, по слухам, относился слишком внимательно.

— Дополнительно занимался? Готовил к олимпиадам? И что?

— Ты дальше читай, — посоветовал Руслан. — Одежду свою отдавал, кроссовки купил, подарил телефон. А потом парень вообще сбежал и ночевал у нашего старца несколько дней. Как тебе?

— Уже хуже. А почему сбежал?

— Ну, был там какой-то конфликт, не суть. Не к директору же побежал, не к однокласснику.

Тут Руслан поморщился, понимая, видимо, что сказка, в которой детдомовцу есть куда пойти, в жизни встречается редко. А у Кирилла что-то забрезжило.

— А его не Костиком случайно звали? Где тут вообще про него поподробнее?

— Нет, вроде не Костиком. Посмотри в деле. Там фамилия какая-то заковыристая, не помню.

Парня звали Ярославом Баяринцевым. До фото Кирилл не долистал, снова отвлекся на Руслана.

— Мы про него и не копали. Говорю же, замяли все. Вайс уволился по собственному,

парень через пару месяцев выпустился. Там все на уровне слухов. А что за Костик?

— Да так, есть там один. Особа, приближенная к императору. Но он взрослый уже. Это все в каком году было? И я, наверное, не смогу оттуда часто сбегать. По телефону будем, ну или если какой форс-мажор.

Руслан отправил его домой, пообещав держать в курсе расследования.

Кирилл вылез из такси, не доехав пару километров. Решил прогуляться и посмотреть на место, где нашли москвича, с которого все и началось. Ну, мало ли? Вдруг там еще один подарочек подвезли, или убийца, по классике, вернулся на место преступления. И погода прекрасная, солнышко, не жарко, почему бы и не пройтись.

В подлеске ничего крупного не валялось, да Кирилл и не надеялся. Брел, загребая ногами начавшие опадать листья, пытался вернуться к образу алкоголика. За спиной, как в плохих детективах, хрустнула ветка. Ох, Кирюша, огребешь ты сейчас по кумполу, и коллеги нескоро найдут. Он быстро обернулся.

В пяти шагах, прислонившись к единственной среди осин березке, красиво стоял Костик. Черный прямой силуэт на белом фоне, как брызгами покрытый солнечными пятнами, был таким ярким, что резал глаза. Чистый Васнецов, хоть ставь в рамочку.

— Возвращаетесь? — улыбнулся Костик. — Отец будет рад, он за вас молился.

— А ты? — ухмыльнулся Кирилл.

Костик не ответил. Оттолкнулся от березки, шагнул в тень, сгорбился, потух, так что Кирилл удивленно заморгал. Как можно из светлого инока за пару шагов превратиться в скользкую нечисть? Не видел бы сам — не поверил.

— Ты чего тут бродишь? — слегка надавил он.

Нечисть дернула подбородком и угодливо улыбнулась:

— Гуляю. Вы сейчас в скит? Желаете, провожу?

Именно этого Кирилл и желал. Хотя беседа не складывалась. Но, может быть, по пути разговорится?

— Ты как в скит попал?

— Уверовал.

— И давно?

Костик задумался, то ли подсчитывая, то ли прикидывая, как соврать.

— Давно.

— Кто у вас там вообще с самого начала? — настаивал Кирилл. — Старожилы?

— Я.

Это немногословие уже начинало бесить. С Александром он молол языком без многозначительных пауз.

— Один ты?

— Вася еще.

Ух ты. Вася? Неожиданно.

— И давно у вас это все? Ну, община ваша?

Монастырь они заселили года полтора назад, но ведь откуда-то приехали, уже организованным роем. Где-то же начинали.

— Пять лет. А вас правда жена бросила?

Спрошено было легким тоном, Костик изображал наивность, но в глазах отражалось

любопытство совсем не невинное, сродни экспериментаторскому «а попробуем-ка вот так»

— Правда. А тебя кто бросил? Родители? А старец подобрал?

Опять не пробил. Костик сорвал ветку и принялся методично обрывать листочки.

— Отец нас всех подобрал.

— И вы его во всем слушаетесь?

— Конечно.

— А если он прикажет... что-нибудь ненормальное?

Костик снисходительно улыбнулся и затормозил, вынуждая Кирилла повернуться к нему. Глаза снова не улыбались, но каким-то образом сквозь хтонь просочился пресветлый инок.

— Не беспокойтесь, Кирилл, вас никто не обидит. Бог всех любит и всем желает добра. Не нужно бояться.

Он отбросил ветку и быстро пошел к забору. Оказывается, они подошли к задним воротам скита, а Кирилл, раззява, и не заметил.

Пискнул электронный замок — Костик открыл калитку. Кирилл негромко позвал:

— Ярослав!

Келейник медленно обернулся. Сквозь благостную улыбку явственно просвечивал острый оскал нечисти.

— Я Константин. Вы перепутали, Кирилл.

— Да. Наверное. Простите, — машинально извинился Кирилл, даже не заметив, как потерял вальяжное «ты».

— Если вы принесли с собой спиртное, лучше вылейте здесь, — посоветовал Костик через порог. — Отберут.

И пропал за дверью.

Кирилл притормозил, раздумывая. Его что, обыскивать станут? Может быть не явно, но в вещах пороются. Спасибо, Костик, предупредил.

Кирилл взял с собой пару стограммовок коньяка, он же алкаш, должен был запастись. Отберут — так только на пользу легенде.

За калиткой по-прежнему цвел райский сад, посреди него сидела Леночка и пропалывала клумбу.

— Кирилл, вы вернулись!

Даже ее кудряшки выражали радость от встречи, как будто Кирилл был пропавшим родственником или давно потерянным женихом.

— Я же обещал.

На крыльце мелькнул Костик, исчез, больше кругом никого не было. Только он и она — как и полагается в настоящем раю.

— Вас все ждали.

Кирилл присел на корточки рядом с Леночкой и потянул из земли ближайший сорняк.

— А вы?

— И я.

Она засмушалась. Прядь вьющихся волос выбилась из-под платка и упала на нос. Леночка чихнула и тихо рассмеялась.

— Помогите, пожалуйста.

Кирилл чистой рукой заправил волосы за аккуратное леночкино ушко и уселся поудобнее.

— С удовольствием помогу.

Сорняки закончились как раз перед обедом. Кирилл подобрал рюкзак и пошел туда, где его так ждали. Придержал двери Леночке и окунулся в водоворот братской и сестринской любви по самые уши.

Ему радовались, сияли восторженными улыбками, мужчины хлопали по плечам, девушки обнимали. Он вернулся в любящую семью. И только каким-то седьмым чувством, как музыкальным слухом, улавливал даже не фальшь — отсутствие нужной ноты то в одном, то в другом месте радостного хора. С ним как будто играли отточенную мизансцену, в должную секунду перемещаясь, меняя места, подавая реплики, обнимая и уступая следующему. «Бомбардировка любовью» — так это называлось в сводке по сектам. Прекрасный метод. Кириллу хотелось вытряхнуть из головы зудящего комара интуиции и рухнуть в этот поток доброты и радости с головой.

— Спасибо! Спасибо! Да, на месяц точно...

Александр еще не успел изучить здешние течения и пробился к нему, нарушая всю стройность танца.

— Хорошо, что получилось вернуться! Привет!

Он тоже выглядел по-другому. Уже не супился, не играл желваками, ожидая подвоха, а радостно улыбался Кириллу и остальным сектантам.

Всего-то пять дней прошло, парень. Вот это терапия, всем бы такую. Ладно, главное самому не протечь крышей. Любовь, это, конечно, прекрасно, но в голову к себе Кирилл предпочитал никого не пускать.

Наверх они с Леночкой поднялись вместе, там разошлись по комнатам, умыться перед обедом.

В келье поменяли постель, остальное осталось. Видимо, на его возвращение надеялись. Кирилл пристроил рюкзак в тумбочке, огляделся, прикидывая, чем бы заняться, как в комнату постучали.

— Войдите.

Старец скромно прикрыл за собой дверь. Он выглядел бодрее, и все так же сиял глазами сквозь дорогие очки.

— Вы вернулись. Я рад.

— Я тоже, — выдавил Кирилл, внутренне собираясь.

— На работе проблем не было? Нет? Вот и хорошо. Кирилл, чем бы вы хотели заняться тут?

А действительно, чем?

— У вас же вроде послушания... Куда пошлете, туда и пойду.

— А что вы умеете делать?

Обыски, отчеты, допросы. Не надо? Кирилл все-таки сдержал смех. Ему тут тоже нервы подрасшатала своей любовью. Одна Леночка чего стоит. Нежный цветочек.

— Вы в компьютерах разбираетесь?

— Немного. — Ну, соврал чуток, а к чему такие вопросы? — Могу собрать — разобрать, почистить. А что? Нужно?

— Да у меня ноутбук барахлит, — пожаловался старец. — Вроде не старый еще.

— Посмотрю. Только я в программах не понимаю. Чисто железо. В мастерской

подрабатывал, пока учился.

— Вот хорошо! Тогда сегодня уже отдыхайте, а завтра с утра...

— Хорошо, батюшка.

Старец поднялся со стула, всмотрелся Кириллу в глаза, и тому почудилось, что видно его насквозь со всем содержанием черепушки.

— Кирилл, вы ничего не хотите мне сказать?

После пары секунд ступора, Кирилл вытянул из тумбочки рюкзак, порылся в нем и протянул старцу обе бутылочки коньяка, не забыв громко выдохнуть. Пусть думает, что от сожаления, не показывать же, как перетрухнул от неожиданного вопроса.

Старец светло улыбнулся и благословил свободной от выпивки рукой.

— Господь с вами.

— Спасибо, — неловко ответил Кирилл и, дождавшись, когда дверь закроется, присел на кровать. — Вот же, блин.

Интересно, старец у нас пьющий? И вообще — вменяемый? С какой стати подпускать Кирилла к компьютеру? Тупой? Хитрый? Там ничего нет?

С трудом успокоив скачущие мысли, Кирилл поднялся и пошел вниз. Надо к Марату заглянуть, поздороваться. Хоть этот не будет обниматься и лыбиться. Приятное разнообразие.

— Молитвами святых отец наших...

— Аминь! — проскрипел Кирилл, просыпаясь.

Как быстро оно стало привычным. Еще чуть-чуть — и он тут будет совсем своим.

Александр не зашел и Кирилл провозился дольше, чем надо. Коридор был пуст, пришлось поспешить и тут же затормозить: на лестнице разговаривали.

— А ты, значит, уверен, что все под контролем, — давил незнакомый мужской голос.

— Абсолютно, — спокойно подтвердил невидимый Костик.

— Ну-ну.

Кто-то ушел вниз, кто-то остался. Заговорила женщина, и Кирилл заслушался: глубокий грудной голос лился, будто она пела:

— Опять ругаетесь. Ну ты-то умней, перестань с ним зацепляться.

— Для Феди это вопрос престижа, — возразил Костик.

Неожиданно. Кирилл был уверен, что она говорит про Костика. Так кто тут умней? Он вышел из-за угла.

На лестнице чуть выше него стояла обыкновенная и не слишком эффектная, женщина. Не то училка, не то бизнес-леди из средних. Вроде ничего особенного — русые волосы до плеч, острый профиль, очень прямая осанка. Почему-то Кирилл ее раньше не видел ни на молитвенных собраниях, ни в трапезной.

— Здравствуйте.

— Доброе утро. Вы, наверное, Кирилл? — спросила она и улыбнулась. — Я Вера.

Кирилл кивнул, краем сознания отметил, что Костик тихо слинял, и засмотрелся в светло-голубые глаза, обведенные темными ресницами как косметикой. Вера казалась обычной — на первый взгляд, со второго же притягивала внимание, завораживая.

— Очень приятно, Вера! Я... а, да, вы уже знаете...

Вера молча улыбалась, не делая попыток уйти, но тут за спиной Кирилла раздались еще

шаги. Сегодня, похоже, все дружно проспало утреню.

— Ой! — воскликнула Леночка, и глаза Веры словно отпустили Кирилла, опустив ресницы, как шторы.

— Доброе утро.

В молельню они спустились втроем и там разошлись: Леночка — читать молитвы, Кирилл — слушать, а Вера просто куда-то исчезла, словно привиделась.

Глава 6. Темный бес

В кабинете не было видно камер, но Кирилл решил допустить, что они есть, поэтому действовал строго по плану: раскрутил корпус ноута, снял нижнюю крышку и с умным видом уставился внутрь.

Руки чесались ползать по папкам, но он исправно чистил внутренности и не озирался по сторонам.

— Что делает?

— Чистит.

— Включал?

— Нет.

— Ладно. Дальше смотри.

Федор дождался, пока закроется дверь, и снял очки. Как же он бесит! Сделали своими руками, посадили себе на шею, везут. Вера, конечно, права, без него ничего бы не было. Но все равно бесит: слушаться и улыбаться. Федор ведь не злой человек, но все чаще ловит себя на том, что, кормя собак, представляет не говядину, а эти вот руки-ноги. И голову с неизменной улыбкой, да еще и поддает ногой, как футбольный мяч. Доведет до греха его этот святоша, ой, доведет...

— Посидишь, посмотришь. Поговорите. Вообще, подружись с ним.

— Ок. Подружусь.

Это старца совесть мучит, а этот — как будто так и надо — кивнул и снова в телефон уткнулся.

— А вдруг не получится?

— Получится.

Ни капли сомнений: если захочет — получится. Александр вон ходит, как на веревочке. А ведь не самый приятный тип, недоверчивый и упрямый.

— Ты не возносись! — прикрикнул старец беспомощно. — Больно будет падать!

— «И падение его было великое». Помню — помню.

— Вот и помни!

А чем его теперь удержишь, если что? Не ребенок. Иногда даже хочется, чтобы ушел. Снять ответственность. Не видеть, не слышать. Не пропадет. Но прогнать не мог, а сам келейник уходить не спешил. Да и куда ему?

— Кирилл, вы машину водите? — спросила на другое утро Даша.

— Вожу.

— А права есть?

Права были, он сбегал за ними в келью и был отправлен разогревать машину.

Марат дал ключи от КИА, посуетился вокруг для вида, махнул тряпкой по фарам и боковым зеркалам, и распахнул двери гаража.

Через черный ход из терема степенно вышел старец. Келейник бережно поддерживал его под руку и нес плоский, слегка потертый портфель. Оба были в гражданском: старец в костюме, Костик в огромной толстовке с какими-то покемонами. Кирилл на манер личного водителя открыл двери, дождался, когда оба устроятся, закрыл, сел за руль.

— Куда едем?

— В город, — ответил Костик. — Бушуева, семь.

Старец улыбнулся ему и задумался о чем-то своем, Костик уткнулся в смартфон дешевой модели. Общаться явно никто не хотел, поэтому ехали молча.

Бушуева, семь — адрес частной клиники. Кирилл крутил руль, а сам думал, удастся ли позвонить Руслану. В скиту его почти не оставляли одного, да и нечего было докладывать. Но вдруг у начальства есть новые распоряжения. Или передать чего, пока он в пределах досягаемости.

— А Марат не водит? — решил спросить он, когда старец зашевелился.

— Марату в городе лучше не показываться, — ответил тот.

— А Костик?

Костик вынырнул из сети и фыркнул:

— Он со мной не ездит.

— От греха берегу, — улыбнулся старец.

— От какого? — не понял Кирилл.

— От смертоубийства. Себя, меня, невинных пешеходов, а также гаишников.

— Гаишников-то почему?

— С ними удар приключается, когда он за рулем, — рассмеялся старец. — А вы, Кирилл, аккуратный водитель.

— Спасибо.

Костик скорчил рожу и снова нырнул в смартфон. Старец тоже замолчал, да и Кирилл уже не отвлекался: въехали в город.

Костик помог старцу подняться на крыльцо, и Кирилл опять задумался: как он в тереме по всем этим адовым лестницам лазит? Под размышления поудобнее припарковался, достал телефон, нажал вызов и сразу же отключился: в дверцу стучал Костик.

— Чего вернулся?

Костик неловко влез на переднее сидение. Портфеля с ним не было, зато в обеих руках — по стакану кофе. Одним он ткнул в Кирилла.

— На. Да там надолго. Скучно.

— А здесь веселее? Какая разница, где в телефон залипать?

— А ты тут молиться собрался? — Костик ткнул стаканом в телефон Кирилла.

— Думал жене позвонить, — соврал Кирилл, просто чтобы посмотреть на реакцию.

— Извини. Мне выйти?

Выгонять его совсем не хотелось. Вполне уютно сиделось тут, в теньке, с кофе, с собеседником.

— Да сиди! Это я так... Мимолетная слабость.

— А у вас совсем все? — поинтересовался Костик. — Или надежда есть?

В сочувственном взгляде и мягком тоне Кириллу снова почудился светлый инок, и, неожиданно для себя, он выложил то, что никому, в общем-то, не рассказывал: как застал с

другом, как сразу после развода тесть-генерал позвонил куда надо — немедленно отыскиались жалобы и вспомнились проебы. И поехал Кирилл в родные пенаты с понижением в звании за халатность. Остановил этот позорный поток нытья только тихий вздох:

— Да, хреново.

— Еще как, — пробурчал Кирилл, захлопывая пасть.

Вот это провел беседу с подозреваемым. Вот это молодец, профессиональный опер. И самое гадкое — он все еще чувствовал доверие к этому Костику. Тот смотрел с таким пониманием и сочувствием, что хотелось жаловаться дальше. И чистой голубизны глазищи немного напоминали верины, но были красивее, что ли? Больше? Ласковее? Да блядь, он что, серьезно пялится в костиковы гляделки?

Капец, усмехалось в мозгу, ну ты нытик. Дожил, первому, кто спросил, готов душу изливать. Вот, что теперь делать?

— Слышь, Костик? Тут в двух шагах ларек. Давай смотаемся? Что-то душа просит.

Душа просила выговор с занесением, но экспромт сработал: Костик перестал тарашиться и покачал головой:

— Нам же еще обратно ехать.

— Так мы не сейчас. Вечером, после молитвы.

— У меня Федор не даст.

— Я один живу.

Костик посомневался, поглядел в телефон, на купюру в руке Кирилла.

— Только немного, чтоб не заметили. — И спохватился, — А ты не запойный?

— Нет.

Обернулся он быстро, припрятал бутылку в багажнике, ссыпал сдачу Кириллу в руки, нырнул в дверь центра и вскоре появился оттуда вдвоем со старцем, так же бережно придерживая его за локоть.

Обратно снова ехали молча.

В дверь поскреблись, когда Кирилл уже думал, что Костик не придет. Зажилил бутылку, или поймали и отобрали, а диверсанта высекли. Нет, просочился в комнату, задрал толстовку и вытащил из-за пояса плоскую бутылку коньяка.

— Стаканов нет, — сообщил Кирилл.

— Не страшно.

Костик шмыгнул в ванную, погромел там и вышел со стаканчиком из-под щеток.

— Помыл.

— А тебе?

— А я прямо так могу.

Умно, оценил Кирилл. Не видно, сколько отпил и пьешь ли вообще.

— Ладно. Закусь есть?

Костик вытащил из кармана пакетик с арахисом и шоколадный батончик.

— Ужремся, — констатировал Кирилл.

— Да с чего тут!

Разложили на тумбочке закуску, Кирилл налил в стаканчик, мельком заметив, что бутылку не открывали; можно надеяться, что никакой дури Костик туда не подлил.

— Ну, будем.

Коньяк оказался неожиданно приличным, прокатился по горлу, ухнул внутрь, согрел. Костик тоже выпил и машинально обтер горлышко рукавом. Прямо как в общаге, когда посуды нет и все пьют из горла. Опыт, значит, есть.

Помолчали. Кирилл спохватился и подвинулся на кровати.

— Садись, не торчи.

Костик отклеился от подоконника и сел неприятно близко. У Кирилла даже волоски на руках встопорщились от ощущения чужого тепла. Не вызывала у него человеческая близость чувства комфорта, хотелось отодвинуться, но тут было некуда, и он откинулся к стене, уходя от контакта.

— Еще?

— Давай.

У Костика были маленькие аккуратные руки, тонкие пальцы твердо держали бутылку. Кирилл покосился на свои с обломанными ногтями и не успел остановить Костика, щедро булькнувшего ему полстакана.

— За здоровье?

— Ага.

Кириллу вообще-то было уже впритык, дальше — пьянка, но он же алкаш, нужно соответствовать. Тем более Костик тоже слегка расслабился и поплыл.

— Ты говорил, что здесь давно, — начал Кирилл. — А до этого чем занимался?

— В школе учился.

— А потом?

— В музучилище. Не доучился, выгнали.

— А меня чуть с работы не выгнали, — поддержал тему Кирилл. — А тебя за что?

— Практику не прошел. Давай!

Он выпил, не дожидаясь Кирилла, и тоже прислонился к стене, снова задевая руку острым локтем.

— А к старцу-то как попал?

— Как-как, — огрызнулся Костик. — Жить негде было, вот и попал.

— А старец, значит, всех бездомных подбирает?

— Нет, только молодых и красивых!

Костик опять выпил и, кажется, даже не жульничал: задрал голову и по тощей шее отчетливо прокатился глоток.

— А ты, значит, чем можешь за доброту платишь?

Костик прищурился и отставил коньяк на тумбочку. Кирилл напрягся. Он, конечно, бесил намеренно, но мало ли во что выльется: пока не виделось в нем ни лица, ни рыла, но Кирилл о них помнил. И ждал, что вылезет из пьяного. Не угадал.

— Ты это о чем?

— Ну, так. Слухи разные ходят.

— А, — протянул Костик. — Ты проверить решил? Без проблем, Кирюш!

И одним движением уселся Кириллу на ноги, а вторым — молниеносным — содрал с себя толстовку, прижался и зашептал:

— Ты же красивый такой. Гляди, глаза какие зеленые, брови вразлет. Губы луком изгибаются, родинка эта. Кто же тебе откажет, Кирюш? Только скажи!

Он был горячий и костлявый, а руки — холодные. Гладили Кирилла по лицу и по губам

недрожжащими пальцами, как будто расправляли на стекле препарат — четкими, продуманными движениями.

— Если тебя сейчас перекрестить, ты зашипишь или рассыплешься?

Костик расхохотался, мстительно поерзал, прежде чем слезть, и снова плюхнулся рядом.

— А у кого-то встал.

— У кого-то секса толком уже полгода не было. Тут и на Марата встанет.

Костик заржал еще громче, от избытка чувств тыкаясь лбом Кириллу в плечо.

— Что ж так? Обаяй вон Леночку, и вперед.

— Что ты тут местная оторва — я понял. Но все-таки — монастырь?

Костик перегнулся через него и ухватил бутылку.

— Монастырь — там, — неопределенно махнул он рукой. — Тут — община. Избранным все можно.

— Что, правда?

— Что Бог благословит — то не грех. Вон же Ростик живет со своей Венерой.

Кирилл допил коньяк и замотал головой на попытку налить ему еще.

— Что, прям Венера?

— Мне пофиг. Так что по Леночке?

Он все еще пил, и даже язык не заплетался. Силен мужик, а на вид — эльф эльфом.

— Не. Слишком мою бывшую напоминает.

— Ладно... А Вася тебе как?

Кирилл подавился зевком:

— Это дитё?

— Ей двадцать пять, между прочим. И она в разводе.

— Вася была замужем? — в голове не укладывалось. — Не за тобой, случайно?

— Нет, мое сердце совершенно свободно.

— То-то ты посторонним мужикам на коленки прыгаешь.

— Разве тут устоишь? — захихикал Костик, закручивая бутылку и пристраивая ее за пояс.

Вечеринка явно заканчивалась, а Кирилл только начал входить во вкус.

— Помню, как же: брови, глаза...

— Родинка! Ну, ты выбирай пока, а то так и спятить недолго.

— Тебе не влетит?

— Мне? — расхохотался Костик.

Так с хохотом и вымелся за дверь, и ведь не ответил.

Ну, и что мы узнали? Кирилл бы сто лет так работал: кормят, поят, сказки рассказывают. Толку только чуть. У Костика пока получается лучше. Вон, как вербует в секту: и девушек на выбор, и еще чего — только попроси, все для тебя, дорогой Кирилл, обращайся.

Наутро голова, конечно, гудела, но в рамках. Хотя, помня, что он алкоголик, Кирилл «проспал» завтрак, не стал бриться и соорудил задумчивое лицо.

Собутыльника не встретил: из трапезной вообще все уже разошлись. Ему выдали стакан чаю с хлебом, и то из жалости. Оказывается, опоздавших тут не кормили без благословения.

Только Кирилл уселся почитать сообщения, как нарисовалась недовольная русалка Даша и заявила:

— Отдайте мне телефон.

— С чего это? — обалдел Кирилл.

Она сбавила тон и сочувственно защebetала:

— У нас тут не принято... Мирская суeta и всякие искушения... Очень отвлекает от молитвы...

— А Костик из него не вылезает, я видел. Ему почему можно?

Кажется, девушку это тоже расстраивало. Она вздохнула и развела руками:

— Только тем, кому благословили.

— А вас благословили?

Даша поджала губы.

— Нет. И вас не благословили. Так что отдавайте.

— Еще чего! А где вы их храните? — завредничал Кирилл. — А сейф у вас есть? А вдруг пропадет, кто возмещать будет?

— У нас не пропадает!

— А вдруг...

— Знаете, что, — не выдержала Даша, — Искушение с вами! Или отдайте, или идите за благословением.

— А вот и пойду!

Кирилл на кураже взлетел по лестницам и ворвался в личную келью старца, забыв постучаться. И остановился в дверях: во-первых, поняв, что переборщил, во-вторых, испугавшись, что сейчас спровоцирует скандал. В келье было полутемно, и Кириллу сперва показалось, что любимый ученик лежит на груди учителя, но, когда оба обернулись, он понял, что они что-то смотрят, склонившись над экраном смартфона. Костик оглянулся и тихо сполз на пол, чтобы не перекрывать обзор.

— Кирилл? — удивился старец. — Что-то случилось?

Извиняться было глупо, сзади топталась Даша, и Кирилл решил продолжать, будь что будет.

— У меня тут Даша телефон хочет забрать.

Старец ждал продолжения.

— Мне не сказали, что нельзя с телефонами!

— Простите, это мой недосмотр.

— Я ей не доверяю!

— Мы тут все семья, — вздохнул старец. — У Дашеньки сложное послушание, но она с ним прекрасно справляется.

Даша расцвела. Старец с некоторым трудом сел прямо.

— Иди, Дашенька, иди. Кирилл...

Вот и первая выволочка от старца. Сейчас и за Дашу, и за кашу, и за пьянство попадет. Этот, небось, уже все выложил и уточнил, на чьи деньги был вчерашний банкет.

— А мне вы доверяете?

— Да, — не понял Кирилл. — А что?

— Можете оставить телефон мне? Вон, видите, полочка?

Кирилл огляделся. В келье было бедновато, узко, как у него. Кровать, стол у окна, шкаф у двери и полки напротив кровати. Под полкой с иконами — еще несколько, с какой-то

мелочью и одна — с книгами.

— Положите туда своей рукой. Понадобится — своей же рукой возьмете. Никто не тронет. Там даже пыль никто не протирает, хотя просили.

Старец покосился на келейника. Тот закатил глаза.

— Так годится?

— А зачем вообще сдавать? — заупрямился Кирилл, уже выключая телефон.

Хрен вы в него залезете без пароля.

— У нас так принято, — мягко пояснил старец. — Чтобы не смущать ближнего. У нас и спиртное запрещено, а ведь запои бывают разные.

— А, понял.

И вот, вроде, ни словом не укорил, а все понятно. Больше не пей, Кирюша, козленочком станешь.

Кирилл положил телефон рядом с короткими плетеными четками и коробочкой с ладаном, мазнул взглядом по корешкам книг. Библия, Добротолубие, Лествица, Настольная книга... кого? — буковки с корешка стерлись. О, Достоевский.

— Любите Достоевского?

— Особенно «Братьев Карамазовых», — тихо засмеялся старец. — Это понятно, да? Ладно, идите, Кирилл. Нужно будет позвонить, скажите Костику, он проводит.

Костик угукнул. Он так и просидел на полу весь разговор, головы не поднял, и Кирилл внезапно испугался: а вдруг ему за вчерашнее влетело так, что он теперь и смотреть в сторону Кирилла боится? Кириллу что старец сделает? А вот своему подчиненному... Бля, что ж тут все не как у людей? Нет бы вызвать всех, допросить нормально, откатать пальцы; нет, изволь изгаляться и дурачком себя выставлять, чтобы разговорить свидетелей. Да у них тут через одного мозги протухли, только старца своего слушают да аминькают и кланяются на всё, а у него, между прочим, три трупа. Некогда ему тут молитвы петь и замки чинить.

Даша поджидала его внизу.

— Простите меня, Христа ради, я вас смутила.

Кирилл думал, она на него обиделась, и теперь растерялся.

— Да ладно. Я просто не знал. Меня простите. Мне сегодня куда?

Дашенька выдохнула, видно тоже хорошего от него не ждала, и радостно улыбнулась:

— Вы газнокосилку когда-нибудь видели?

По календарю уже наступила осень, но погоде об этом никто не сказал — днем солнце жарило, как в июле. Газон пер со страшной силой, косилка была хлипенькая, даже не бензиновая, а электрическая, вместе с ней Кириллу выдали целую бухту оранжевого провода и удлинитель.

Пока он прикидывал, как будет морочиться, с крыльца сбежала Леночка и удлинитель отобрала.

— Я помогу.

В стену была хитро вделана розетка. Леночка размотала удлинитель, а Кирилл провод; воткнули, проверили и пошли на первый газон. Помощь оказалась кстати: Леночка ходила следом, придерживая или отпуская провод, следила, чтобы он не лез под косилку и даже сделала попытку носить короб с травой на компостную кучу, но тут Кирилл, как джентльмен, не позволил, и как-то так вышло, что прогуливались до кучи они вместе.

— Леночка, а вы давно тут?

Кирилл сомневался, что давно: наращённые ресницы и маникюр требуют коррекции, да и в шоколадного цвета локонах не было непрокрашенных корней.

— Полгода, наверное, — она задумалась, подсчитывая. — Да, восемь месяцев.

— Вы тут живете постоянно? А кем раньше работали?

— Я не работала, — отмахнулась Леночка, лихо прилаживая короб на место. — Видите ли, Кирилл, у меня очень богатый муж.

Пока косили следующий участок, Кирилл обдумывал информацию. В принципе, это многое объясняло. Красота Леночки выглядела натуральной, что говорило об очень дорогих косметологах, а одежда — дорогой. Юбки в пол подчеркивали, а не скрывали фигуру, платочки и блузы — с длинными рукавами, но невесомые и игривые. Кирилл споткнулся о бордюр и понял, что уже пару минут возит косилкой по одному и тому же месту, рассматривая отвернувшуюся от солнца Леночку.

— А муж тоже здесь?

— Нет, он остался в Москве. У него партнеры, бизнес.

Как бы спросить?

— Но вы не...

— Не развелись. Зачем? Все эти адвокаты, раздел имущества, суды...

— Понятно.

Какой интересный муж. Сбагрил жену в секту, а у самого бизнес. Но деньги явно переводит — и неплохие. Только вот Леночке или старцу?

— А как вы узнали про общину?

— Подруга привела. Господь еще жил в Москве.

— А подруга тоже здесь?

— Нет, она не смогла уехать, у нее дети. А у меня нет.

Вот, значит, в чем дело. Каждого можно на что-то поймать. У кого-то детей нет, у кого-то — дома.

Леночка отвернулась и помахала рукой. Кирилл посмотрел туда же, куда и она, и увидел идущую к ним Васю.

— А вы не боитесь жить так далеко от города? Я слышал, тут кого-то нашли в лесу. Бомж какой-то. Не знаете?

— Нет, — покачала головой Леночка.

— Он не бомж, — возразила Вася, подойдя. — Леночка, тебя Даша зовет. Кирилл, если вы закончили, дальше работаете со мной.

Кирилл совершенно не возражал.

Пока они собирали и отвозили косилку, Вася озвучивала задание:

— Клумбы нельзя поливать из шланга, цветы ломаются. А лейки тяжелые, Костик велел самой не таскать. Поможете?

— Конечно, Васенька. А вот что вы говорили про бомжа?

— Он не бомж.

— А вы его раньше видели?

Он чуть не спросил «живым», но побоялся спугнуть первый звоночек.

— Ага. Он приходил к Господу.

— Они ссорились?

— Господь ни с кем не ссорится! — искренне удивилась Вася.

Кирилл покивал, соглашаясь: действительно, трудно представить благостного старца ругающимся или орущим проклятья. Но это не значит, что он этого не умеет.

— А вас полиция опрашивала?

— Нет.

Вася показала ему кран, притащила лейки, и разговор затух. Следующий час Кирилл бегал туда-сюда и поливал клумбы, а Вася наливала воду и говорила, куда тащить.

А пока бегал, думал. Что было в материалах? Крылова нашли как раз на той полянке, где Костик позировал у березки. Труп провалялся примерно сутки, при жизни был в дупель пьян, а в спине вшита ампула с дисульфидом. Классическое «алкаш зашился, а потом не выдержал», но почему в лесу, а не дома в городе? Старца вызывали к следователю, он признал, что потерпевший к нему приходил, жаловался на алкоголизм, но остаться в монастыре отказался.

Нашел его как раз Костик — К. Биевский. На вопрос, что сам делал в лесу, отговорился свиданкой. Девушка, якобы, не пришла. А была ли девушка?

Кирилл не запомнил фамилию предполагаемой пассии, его тогда больше интересовал вопрос, можно ли в монастыре напиться до чертиков. Теперь проверил — можно, главное, знать, с кем пить.

— Надо что-то делать!

Федор прямо сейчас бы что-нибудь сделал. Например, встряхнул бы эту спокойную улыбающуюся скотину, чтобы слетела вся наглая уверенность. Чтобы задумался и почувствовал, что тащит их всех не туда.

— Не нервничать.

— Ну конечно! Наш юный герой все берет на себя!

— Как обычно. А ты бы занялся делом. Праздник на носу, ничего не закуплено. Опять еды не хватит.

— Один мужик как-то двумя рыбами целую толпу накормил.

— Он плохо кончил.

Вера молчала все это время и заговорила только когда закрылась дверь:

— Успокойся.

Федора передернуло. Хорошо ей говорить. Ей эта дрянь не указывает, чем заниматься, не тыкает в промахи.

— Бесит. Какого хрена ты всегда за него?

— Привыкла ставить на фаворита. А он сейчас однозначный фаворит, согласись. — Она поправила волосы и поднялась. — Действительно, займись лучше закупками. Чудеса, конечно, случаются, но лучше подстраховаться.

Кирилл наткнулся на Костика утром, причем на их этаже. Тот летел по коридору и чуть не врезал Кириллу в живот пластиковой бутылкой с водой.

— Ох, извини. Привет!

— Привет.

После пьянки они окончательно перешли на «ты», но почти не встречались, а поговорить было нужно. Кирилл шагнул, тесня Костика в открытую дверь своей комнаты.

— Кого ты ждал в лесу, когда обнаружил труп?

— Васю, — не моргнув глазом ответил Костик.

— А почему в лесу?

— Чтобы жена не узнала.

— Ты что, женат? — оторопел Кирилл.

Костик посмотрел на захлопнутую Кириллом дверь и вопросительно приподнял брови.

— Уже нет.

— То есть?

— Мы развелись.

— Когда?

— Да вот сразу, как она узнала про Васю — подала на развод.

— Погоди. Биевская Наталия Александровна — это Наташа?

— Да. Но мы совсем-совсем развелись, ты не думай.

— Сядь!

Костик послушно плюхнулся на кровать, не выпуская из рук бутылку, и сочувственно улыбнулся:

— Кирюш, я понимаю, тебе невтерпеж, но я сейчас никак не могу. И у отца надо благословение взять.

Кирилл помечтал, как перекидывает паразита через колено и лупит веником. Костик как будто прочитал мысли и пакостно заухмылялся.

— Ты алкаша, которого в лесу нашел, знал?

— Видел один раз. О чем они с отцом говорили — не знаю.

Разговор можно было заканчивать. Костик отвечал слово в слово то, что говорил в прошлый раз. Придется опять приставать к Васе. Кириллу было неловко ее допрашивать: как будто ребенка маленького дуришь. К Наташе, что ли, сходить?

— Ты Александра давно не видел? Он куда-то пропал.

— Не пропал. — Костик встряхнул бутылку и встал с кровати. — Он у себя, к посвящению готовится.

— К какому посвящению?

— В избранные. Соблюдает пост и молится, два дня уже. Посвящение в субботу. Я, вообще-то к нему шел. Хочешь, пойдём вместе.

Разумеется, Кирилл пошел с ним.

В комнатке Александра все было так же аскетично и пустынно, как у него самого. Хозяин сидел на кровати и читал толстую книгу. Костик приветственно потряс бутылкой:

— Я тебе водички принес! Есть точно не хочешь?

Александр покачал головой:

— Нет, не хочу. Я ту еще не допил.

Кирилл обошел Костика и присел рядом с Александром.

— Ты как сам?

— Все хорошо. Готовлюсь вот.

Показал книгу. Молитвы какие-то.

— Не торопишься?

— Нет. Тут хорошо. Мне даже жрать теперь не хочется, представляешь? всю жизнь смотрел на еду и страдал, а теперь — не хочу, и все.

— Класс. — Тебя бы, парень, проверить на препараты. — А Настя сегодня ведь должна приехать?

— Я написал, что пока не надо приезжать.

— Расстроится.

— Она поймет. Рассердится, но поймет.

Кириллу очень не нравилось то, что он видел: счастливая улыбка, слегка заторможенная реакция, чуть плывущий взгляд.

— А что за водичка?

Костик повернул ярлыком: «Шишкин лес», открутил крышку и сделал глоток.

— Будешь?

— Спасибо, не хочу.

И залип на руки Костика: как пальцы левой крепко держат бутылку, как он натягивает рукав на правую и машинально протирает рукавом горлышко. Он поднял голову и заметил, что Костик поймал его взгляд, тоже посмотрел на бутылку и поспешно закрутил крышку.

— Так, мне надо... — Кирилл выскочил за дверь.

Александр снова уткнулся в книгу. Костик зажмурился и потряс головой. Глотнул всего-ничего, но мало спал последнее время.

— Сань, ты пить не забывай, ок?

— Ок.

— Паш, бутылку трупа отправляли на экспертизу? Понятно. А на наличие посторонних волокон не проверяли? Ну, если кто-то с ним пил и потом протер. Паш, надо. Особенно горлышко. Да есть тут одна идея. Все. Давай. Пока.

Глава 7. В тьму кромешную

Посвящение, чем бы оно ни было, назначили на субботу. К вечерней службе все спустились радостные и нарядные, пришли незнакомые Кириллу братья и сестры из внешнего монастыря. В общем, народу набралось достаточно. Даша, Вера и Леночка выстроились на сцене. Сперва читали попеременно, потом вышел старец в светлом подряснике, поднял руки — и все запели что-то бодрое на церковнославянском. Кирилл разбирал через два слова на третье: «грядет», «аллилуйя», «просвети», что-то еще. Впрочем, он даже не вслушивался, только вертел головой.

Торжественный Костик ввел Александра. Тот был тих, сосредоточен, причесан и в белой рубашке. Они прошли от дверей по оставленному для них коридору, подошли к сцене, и Костик отступил назад. Александр преклонил колени и голову перед старцем. Тот возложил на него руки, поднял, поцеловал в лоб и торжественно провозгласил:

— Братья и сестры! Брат наш был мертв, и ожил! Пропадал и нашелся!

Радостный хор разразился очередной «аллилуйей», потом запели что-то нежное и спокойное. На этот раз солировал Костик. Вера подпевала ему глубоким, низким голосом, остальные тянули одну ноту и создавали фон. Кирилл заслушался и едва успел заметить, как старец подал Александру руку и они удалились в молельную комнату, в ту, что слева. Она почти всегда стояла закрытой, и Кирилл так и не смог там побывать.

— Куда это они? — спросил он у стоящего рядом парня.

— Первая исповедь, — благоговейно шепнул тот.

— Ясно. А что потом?

— Праздничная трапеза.

Кирилл прислонился к стене и настроился ждать. Первая исповедь, ты гляди. Ему бы и полдня не хватило. Но заскучать никто не успел: на край сцены вышел Костик, простер руки над толпой и снова запел.

Что было на этот раз, Кирилл опознать не смог. В музыкалку он не ходил и пением не интересовался, но явно что-то из разряда «откуда в этом сарае». На этот раз вроде бы не латынь, а греческий, протяжно, плавно, и так нежно, словно им всем тут обещали личное облако после смерти, да еще по пирожку от самой Богородицы. Кирилл снова наблюдал, как лица слушающих разглаживаются, в глазах появляется мечтательно-умиротворенное выражение. Он и себя-то поймал на том, что улыбается и начинает любить всех вокруг.

Дверь открылась как раз когда Костик замолчал. Старец не появился, но вышел смущенный Александр. Его тут же окружили с поздравлениями, заобнимали и увлекли в трапезную.

Кирилл проводил толпу глазами, отвернулся и наткнулся на задумчивый взгляд так и стоящего на сцене Костика. Тот улыбнулся, неприятно и как-то сыто, и Кирилл не выдержал:

— И зачем?

Костик пожал плечами и спустился со сцены.

— Он счастлив.

— Ты уверен?

Костик повел подбородком: в открытые двери виден был сидящий во главе стола Александр. Он сиял непривычной улыбкой, смеялся, с кем-то весело спорил, и выглядел действительно счастливым. Кирилл даже на мгновение позавидовал. Захотелось так же

сидеть и трепаться с друзьями.

Костик за плечом понимающе хмыкнул.

— И прииде жених, и готовые внидоша с ним на браки, и двери затворились. Идем?

Кирилл еще раз оглядел пирующих и пошел к лестнице.

За спиной прошелестело:

— И изыдут праведники в свет, а грешники в тьму кромешную.

Свет, бьющий из двери, прорисовывал силуэт четкой острой гранью, не видно было ни лица, ни рук — только абрис, темный, почти черный, а нимб воображение дорисовало. Кирилл тряхнул головой и отошел подальше. Костик постоял еще пару секунд, шагнул назад и двери закрылись.

Кирилл сразу пожалел, что сбежал, все-таки его задачей было слушать и спрашивать, а в веселой толпе это делать даже удобнее. Но не было сил изображать веселье. Вроде Александр ему никто, а такое чувство, что бросил раненого.

Чтобы успокоить совесть, Кирилл решил поговорить с Наташей. Ее трудно было заставить одну, всегда или со старцем, или у себя в комнате с Васей. Кириллу нужны были обе, но желательно поодиночке.

— Можно?

Наташа сняла очки и отложила книгу. Кирилл незаметно оглядел комнатку. Побольше и поуютнее, чем у старца; две кровати, кроме тумбочек — шкаф, столик, а на нем — электрический чайник.

— Я не помешал?

— Нет, проходите, Кирилл.

У себя она сидела в спортивном костюме, и Кирилл постарался не пялиться. У гражданки Биевской Н. А., сорока пяти лет, фигура была покруче, чем у многих двадцатилетних.

— Что-то случилось?

Видимо, привыкла, что все к ней бегут за помощью.

— Голова болит. И сплю плохо, — пожаловался Кирилл.

— Температуры нет?

Она потрогала лоб и достала из тумбочки тонометр.

— Сегодня магнитные бури. У вас какое давление обычно?

— Да вроде нормальное.

— Пили давно?

— Давно.

Кирилл отвечал на вопросы и прикидывал, как бы начать задавать свои, и тут Наташа ему помогла.

— У вас немного пониженное давление. Проверить бы кровь... Давайте попьем чаю? У меня есть шоколадка, вам не повредит.

Может быть, ей самой скучно сидеть тут с книжкой и хочется поговорить, а может не у одного Кирилла поручение присмотреться. В конце концов она старцево доверенное лицо.

— Вы не на празднике, — закинул удочку Кирилл.

— И вы тоже.

— У меня голова.

— Ничего, если не пройдет, найдем вам таблетки. — Она развернула шоколадку и теперь ломала на ровные аккуратные кусочки. — Я устаю в шумных компаниях. Да и лучше быть недалеко, если вдруг понадобится Господу.

— А чем он болеет? То есть, я хотел спросить, это опасно?

— При спокойном образе жизни — не очень. Но где мы, а где спокойствие.

— Не слушается? — посочувствовал Кирилл.

— Как все мужчины. Пока копье не мешает спать... Берите шоколадку, советую, как врач.

Шоколадка была вкусной. Наташа не настаивала на разговоре, и молчать с ней было неожиданно уютно, но нужно было говорить.

— Ребята на службе, когда узнали, куда я еду, всякими байками стращали. Что тут людей убивают. Уже несколько трупов. Это правда?

— Я видела только один. И умер он от остановки сердца. Я даже пыталась реанимировать, но было поздно. И вокруг не валялись кровавые топоры, я бы заметила.

— А этот умерший был из ва... наших? Он же тут жил?

— Он тут ночевал. Две ночи. Приехал откуда-то издалека. Кажется, знакомый Веры... Сергеевны.

Скорее коллега. И нашла его умирающим именно Вера Сергеевна, что ставило под вопрос мирную кончину от сердечного приступа. Но патанатом ничего криминального не обнаружил, а подозрения не подошьешь к делу.

— Вас поздно позвали, вы говорите?

— Его поздно нашли. Вера Сергеевна вышла покурить. У нас не приветствуется, вот она и старается прятаться. Зашла за угол, а он там лежит и уже не дышит. Вера сразу позвонила в скорую, потом мне, но он был уже мертв, когда она на него наткнулась.

— Ужасно. А болтают, что попало. Как будто его отравили и еще того, который в лесу. В лесу же двое было? Или один?

— Один. Его нашел Костик, поговорите с ним.

— А правда, что вы были за Костиком замужем?

Наташа была, наверное, уже не рада, что пустила его на порог, но совесть Кирилл заткнул подальше, ему она по должности не положена.

— Недолго.

— А я не верил! Такая роскошная женщина — и Костик... Что вы в нем нашли? Ой, простите, это не мое дело.

Блин, Большой театр отдыхает. Таким слогом как раз там всякие записные соблазнительницы выражаются. Кирилл был готов к тому, что его вышвырнут, но Наташа, видимо, спокойствию училась у старца.

— Да, не ваше. У Костика много достоинств. Целеустремленность, например.

То есть он просто ее достал? Занятно. И переключился на Васю? Вряд ли. Скорее нашел предлог развестись, когда получил мечту и наигрался в мужа.

Какие интересные повороты. Впору кино снимать: «Семейные тайны сектантов». Вот только нафиг ему это знать?

— Как голова? — спросила Наташа.

— Полегче. Спасибо огромное! Не буду больше вас отвлекать. Хорошего вечера.

Наташа улыбалась ему, пока не закрылась дверь.

Сон снился гадкий. В световых всполохах Кириллу чудились черные тени, из углов странные голоски шелестели: «в тьму крошечную!». Эта тьма подбиралась все ближе, и прогнал ее тихий стук в дверь.

— Кто?

Кирилл с силой потер лицо и вздрогнул: свет из открытой двери обрисовывал силуэт из сна, только теперь в нем не было ничего inferнального. В дверях стоял Костик. В спортивных штанах вместо подрясника он выглядел спустившимся ночью пожрать подростком. В довершение образа в руках у него был термос и какие-то пакеты.

— Спишь уже?

— Это ты? Заходи.

Кирилл сел в постели и понял, что раскалывается голова. Клонило книзу, пришлось опереться о кровать, чтобы не клюнуть носом.

— Ты что не спишь?

— Так рано еще.

— А ко мне чего? В тьму крошечную?

Костик засмеялся и ногой захлопнул дверь. Стало темно.

— Буду твоим светом.

Лампочка зажглась неожиданно. Кирилл даже застонал, прикрывая глаза.

— О, а ты хуже, чем Наташа говорила.

Уж не Наташин ли чаек ломал кулаком мозги?

— Если я сейчас кровь сдам, что там найдут? — прямо спросил он.

Костик плюхнул пакеты на тумбочку и откручивал крышку термоса.

— Ментовскую вредность и недоверчивость. Жрать чаще надо. На, пей.

Кирилл понюхал крышку. Пахло чаем. В пакетах оказались бутерброды с колбасой и пирожки.

— С мясом. Ты чего к моей жене лезешь?

Кирилл медленно жевал, размышляя. Чего приперся? Где Кирилл ему хвост прижал? Ладно, послушаем.

— К бывшей жене.

— Ты настолько ревнивый? Я же поклялся, что мы развелись. Паспорт показать?

— Нафига мне твой паспорт, — пробормотал Кирилл, тем более, скан он видел. — Таблетку приходил попросить.

— На, страдалец. С доставкой на дом.

Костик выудил из кармана толстовки упаковку анальгетика. Кирилл выпил сразу две таблетки.

— Теперь ложись на больное место.

— Ты-то откуда знаешь? От жены набрался? Это передается?

— Можно подумать, у тебя одного мигрень! — фыркнул Костик, ловко укладывая Кирилла в кровать и накрывая одеялом.

Сам уселся на пол и достал телефон.

— Засыпай.

— А ты чего тут сидишь?

— Скучно мне. Одиноко.

Издевается, поганец. Ладно, поддержим.

— Я бы рад развлечь, но не по этой части.

— Ой, Кирюш, что мы про себя знаем?

Голову чуть отпустило, но шевелиться и ругаться Кирилл опасался. Да и вообще: зверь прибежал на ловца, нужно ловить.

— Даже если вдруг, — усмехнулся он, — точно не с тобой. И...

— Не на работе, — тихо засмеялся Костик. — Конфликт интересов, да?

Ну разумеется, он не дурак. Что могло привести мента в общину, рядом с которой находят трупы? Подлечиться приехал?

— Я девушка романтичная, без любви не могу.

— Тебе повезло! — засиял глазами Костик. — Я знаешь какой романтик? Могу тебе серенаду спеть, а ты поноси меня на руках.

— Мы слишком мало знакомы. Расскажи мне побольше о себе. Ты с потерпевшим пил?

— Нет.

— А сегодня утром куда ездил?

— По магазинам. Время новых коллекций. Жаль, здесь выбор так себе. Вот, помню, в Москве...

На нем и правда была новая толстовка, тоже черная, но с другой картинкой.

— Модник, да? А старое куда деваешь?

— Бедным раздаю.

— Вы в Москве где жили?

— Где мы только не жили. — отмахнулся Костик. — Ну как, полегче?

Кирилл осторожно покрутил головой.

— Вроде полегче.

— Давай инструктаж проведу, а то удивишься, как Саня. У нас самообслуживание. Полы моешь сам, белье раз в неделю относишь в цоколь, новое получаешь у Даши. Коридоры и лестницы — по очереди, списки тоже у Даши. Швабры и ведра — в каптерке, завтра покажу или еще кого спроси. Уйти-прийти, позвонить, погулять — по благословению. Если очень нужно — можно через меня, будет быстрее. Чего непонятно, спрашивай, любой тебе объяснит.

— А что Александр?

— Саня завтра переселяется в общую. Ты пока остаешься здесь, там мест нет.

— Ясно.

— Ну ладно, спи. Термос я унесу, в кельях есть нельзя.

— А у девочек?

— А что у девочек? Ничего не видел. А ты?

— Не видел, — кивнул Кирилл. — Ясно.

Все как везде. Нельзя, но если очень хочется, то можно, особенно некоторым. Наверняка у этого в келье если не бар, то кофемашинка и свой холодильник стоят.

— Спокойной ночи, больной. Полы завтра вымой, пора уже.

Свет погас, дверь тихонько щелкнула. Кирилл нащупал на тумбочке еще один бутерброд и машинально начал жевать. Голова, и правда, прошла.

В воскресенье, видимо, был день уборки. После молитвы и завтрака часть сектантов ушла в монастырь, оставшиеся же принялись греметь ведрами, хлопать дверями и наводить

порядок. Швабры тут же расхватили, поэтому Кирилл шатался по коридору, ожидая, какая раньше освободится, и под этим предлогом заглядывал то в одну, то в другую келью. В ближней к нему женской намывала полы Леночка; в той, что подальше — малознакомая, но очень дружелюбная Вика; в мужских — Александр и Эмиль. Александр покивал Кириллу пообещал побыстрее освободить швабру и отвернулся, пытаясь достать дальний угол под кроватью. Леночка поулыбалась. Она подвязала волосы косынкой от Шанель (у бывшей жены была такая же, стояла ахово) и тоже махала шваброй. Вот что вера с женами олигархов делает.

Лестницу мыла Вера, а вот Костика нигде не было видно. Интересно, он в этих воскресниках участвует или освобожден по здоровью?

Скит сейчас напоминал муравейник. Каждый муравей знал свое дело, все деловито и споро передвигались, перестилали кровати, выносили белье, открывали и закрывали окна. И при этом совсем не было обычного для общей работы шума. Переговаривались вполголоса, ведрами не гремели, швабрами не размахивали.

Интересно, что их заставляет? Богатая Леночка снимает белье с чужих кроватей, Александр забыл про перчатки и возится голыми руками в грязной воде. «Физруки»-апостолы ходят с большим мешком и собирают мусор на всех этажах.

Сектанты напоминали рекламный ролик о счастливой семье: молодые, красивые, ни одного старика или склочной бабы. Все улыбаются, милы и предупредительны. Чистый рай на земле, прямиком с протестантских картинок. Кирилл себя чувствовал недостойным этих небожителей, как древний грек, случайно попавший на Олимп в своих обносках и с драной козой под мышкой.

— Кирилл!

Вера подошла неслышно. Как ей это удалось с ведром в одной руке и шваброй в другой?

— Поможете мне?

— Конечно. А что случилось?

Оказалось, заело окно. Кирилл поднялся по сохнувшей лестнице, Вера открыла дверь своей комнаты. Тут он был впервые и заметил, что замок на двери — не простая задвижка, как в женских кельях, а очень приличный Abus, да и комната напоминала не келью, а студию. Туалет с ванной, как у Кирилла, высокий шкаф справа от двери, за шкафом — кровать, полки для документов; слева, ближе к окну — компьютерный стол с геймерским креслом, а рядом с дверью — электрическое пианино.

— Вот. Ни открыть, ни закрыть. Перекосило.

Кирилл подергал створку.

— Я сейчас инструменты принесу и поправлю.

— Хорошо. — Вера снова взялась за ведро и швабру. — А я пока у вас пол помою.

— Зачем! Я потом сам! Неудобно! — попытался поспорить Кирилл.

Но Вера Сергеевна одним взглядом могла остановить танк, не то, что слабые возражения. Он заставил себя оторваться от прозрачных голубых глаз и пошел в гараж к Марату.

Вера дождалась его возвращения и оставила одного в комнате. Что ж, есть время осмотреться.

Ноутбук, стоящий на столе, Кирилл трогать не стал. Вряд ли он успеет посмотреть что-

нибудь, а вот попасться на шпионстве совсем не хотелось.

В полке за стеклом стояли папки с документами без вмятых подписей, так: 1–2, 44–12 и прочее. Стопкой лежали листы и файлы. Чтобы тут разобраться нужен бухгалтер из налоговой. Кирилл сфотографировал парочку каких-то листов, чтобы Руслан там прикинул, кому показать, и закрыл шкаф.

Створку он починил за пару минут, от нечего делать потыкал пальцем в клавиши пианино и призвал демона: в дверь сунулась любопытная физиономия Костика.

— Ой. А я думал, что это с Верой, а тут ты. — Он нахмурился. — А ты чего тут делаешь?

— Произвожу следственные действия, — оскалился Кирилл. — Обыск. Понятым будешь?

— Тебе Вера за эти действия такое устроит... А она сама где?

— Моет мне полы.

На лице Костика отобразилось такое глубокое изумление, что Кирилл не выдержал и расхохотался.

— Окно я ей чинил. А ты чего не работаешь? Пыль под моим телефоном протер? А полы у старца помыл? А в кабинете?

Костик уселся в кресло и принялся вертеться туда-сюда.

— Класс! Там Вася убирается. А в комнате сегодня — Федькина очередь.

— Так что ты ничего не делаешь? Молодец. Мастер откосить от работы, да?

— Я ценен не этим.

Чем же ты ценен? Старцу, пожалуй, можно предположить. А остальным? Наташа дурного слова про бывшего не сказала. Вася в рот смотрит, даже поварахи подкармливают. Что ты тут делаешь, мальчик? И откуда взялся такой дружелюбный?

Вера приняла работу, поблагодарила, и Кирилл с Костиком вместе пошли вниз. Костик забежал к себе и вынес охапку белья. Кирилл прихватил свое — ему наконец показали, где тут прачечная. В цокольном этаже еще была котельная, сушка, стояли две гладильные доски, а в соседнем помещении были сложены какие-то коробки. Тут труп спрятать — плевое дело, можно и не один.

В сушке раскрасневшаяся нервная Даша выдала им три комплекта белья и выставила вон. Костик сразу же убежал, а Кирилл побродил, изучая местность, порассматривал всякие счетчики и пробки. Интересно, здесь тоже главный — Марат? Или еще есть какой завхоз?

Кирилл застелил кровать, прикинул, мыть ли сантехнику и решил, что пока не будет. На этаже никого уже не было. Видимо, с большой уборкой покончено. Двери келий закрылись, настала обычная благоговейная тишина.

К обеду собрались все, радостно помолились перед едой и завели тихие разговоры. Кирилл попал между Александром и Васей и решил поинтересоваться:

— Ты как?

— Замечательно!

Прежний Александр бы удавился, но не стал так жизнерадостно восклицать. Да, пациента мы потеряли.

— А ты еще не решился?

— Думаю.

— Мы молимся за тебя.

Это больше насторожило, чем обрадовало. Кирилл предпочел бы, чтобы до него никому лишнему не было дела. Но, глядя в сияющие глаза Александра, поблагодарил.

Сидящий у двери Костик вытянул шею, к чему-то прислушался и выскользнул в зал. Кирилл поспешно доел и вышел следом.

— Говорит, что... Шум... Искушение паломникам, — докладывал охранник.

Костик что-то писал в телефоне, дождался ответа и распорядился:

— Открывай. О, Кирилл, как ты вовремя. Прогуляемся?

Кирилл был не против узнать, что у них случилось, поэтому кивнул и последовал за Костиком во двор. Охранник открыл им калитку.

— Что случилось-то?

— Небольшой инцидент. Приехала Сашина невеста, очень хочет его повидать.

— И что?

— Так хочет, что грозит вызвать МЧС с полицией и пробиваться с боем.

Они прошли рошу, оказались на территории монастыря и двинулись насквозь к главному входу.

— А почему Александр сам ее не встретит? Боятесь, сбежит?

Костик поморщился, но промолчал. У ворот собралась небольшая толпа братьев с сестрами. Паломников не было, видимо, увели обедать или молиться, подальше от скандала.

— Здравствуйте, Анастасия!

Костик ее не знал, но ошибиться было невозможно: рыжеволосая валькирия стояла возле своей машины и демонстративно держала перед собой телефон.

— Вы кто?

Костик подошел к ней и поклонился, на глазах перетекая в свою светлую ипостась.

— Раз познакомиться, Анастасия. Я друг Саши.

— А где он сам? — нервно спросила она, отступая к машине. — Я хочу его видеть!

— А в чем проблема? — сочувственно удивился Костик.

Он сделал еще пару незаметных шагов к немного расслабившейся Рыжей, а Кирилл, наоборот, напрягся, ожидая, что Костик сейчас начнет отбирать телефон или делать еще какие-нибудь глупости.

— Он не отвечает на звонки! Я хотела пройти в этот ваш скит, меня не пустили! И отсюда выгоняют! — ее голос снова обвиняюще зазвенел. — Не подходите ко мне!

Костик мгновенно отпрянул, поднимая руки.

— Если сейчас же меня к нему не пустят, я звоню в МЧС, в полицию, и заявляю, что в вашем скиту насильно удерживают человека!

— Настенька!

Она снова чуть сбавила тон, и Костик, воспользовавшись паузой, подтянул к себе Кирилла.

— Ну что вы, Настенька, не волнуйтесь! Вы же знакомы с Кириллом? Он полицейский и не допустил бы ничего подобного. Кир?

— Здрасьте.

— Я хочу попасть в скит, — упрямо заявила Рыжая теперь Кириллу.

— Конечно, — пропел Костик. — Пойдемте.

— Почему он не отвечает на звонки?

— Мы не пользуемся телефонами в скиту.

Кирилл почувствовал толчок в спину и вздохнул.

— Правда, Настя, пойдёмте уже, что толпу собирать.

Костик деликатно оставил их вдвоем и пошел вперед, паршивец. Настя еще пару секунд посомневалась и двинулась следом, не переставая спрашивать.

— Правда не пользуетесь?

— Правда. У меня тоже забрали.

— Дикость какая. А этот — он кто?

— Келейник старца. Ученик. Доверенное лицо.

— Что-то слишком молод для доверенного лица, — фыркнула она.

— Какое уж есть.

В роще пришлось придерживать ее, чтобы не навернулась на своих каблуках, зацепившись за корень, и в скит они вошли, как жених и невеста — в обнимку. И, разумеется, на крыльце стоял Александр и наблюдал торжественный вход.

— Саша!

Рыжая бросила Кирилла и устремилась вверх по ступеням.

— Какой рыцарь! — раздраженно фыркнул Костик.

— Что?

— Нет, ничего.

Парочка разбиралась прямо на крыльце, не обращая внимания на окружающих. Александр что-то виновато бубнил, Настя — наставительно втолковывала, приглаживая ему волосы, поправляя воротник и стряхивая что-то с рукава.

— Видите, жив и здоров, — улыбнулся Костик.

В улыбке опять сквозило что-то недоброе, но это если знать его обычного. Кирилл уже замечал. И недоумевал. Чего он, ревнует, что ли?

— Да-да, спасибо, — отмахнулась Рыжая, не отрывая взгляда от жениха.

— Саш, через полчаса поднимитесь к старцу, — звучало уже как приказ.

Саша кивнул и повел невесту вниз. Костик постоял, пока они не скрылись в беседке, и что-то застрочил в телефоне.

— Что будете делать?

— А? Отец решит.

— Как?

Да уж, проблема: в лесу не закопаешь, будут искать, из скита не выгонишь, вдруг правда притащит полицию. Вот кого надо было засылать, а не Кирилла. Она бы тут быстро шороху навела, все матрасы перетрясла и отыскала Ковчег Завета под половицей.

— Не мое дело, — отмахнулся Костик. — Пусть сам разбирается.

— А мне показалось, тут ты во всем разбираешься, — подколот его Кирилл и нарвался на задумчивый взгляд.

— Показалось.

О чем говорили старец и Рыжая, Кирилл не знал, но Александр, провожая невесту, был мечтателен и счастлив, да и она выглядела успокоенной. Кирилл как раз подметал дорожки, а Костик вышел вслед за парочкой. Контролировал, наверное.

— Не боишься, что она его запихнет в машину и увезет?

— Не поедет, — уверенно ухмыльнулся Костик.

— Ты ему дороже невесты?

— Мы.

— Мы — это кто?

— Семья.

— Он вас знает меньше месяца!

Костик не стал спорить, но высокомерная рожа дала понять, какого он мнения о сомневающихся недобратях.

И правда, Александр спустя полчаса вернулся, довольный и запыхавшийся.

— И чего?

— А? Она приедет на праздник.

— Здорово, — одобрил Кирилл. — А потом?

— Потом?

Александр явно ни о каком «потом» не задумывался. А стоило бы. У него с работой, к примеру, как? Или Рыжая будет содержать?

— Ты уволился?

— Нет, взял за свой счет. У нас сезон в конце сентября начинается. Репетирую тут, Костик, вон, помогает.

— То есть, все-таки планируешь вернуться?

— ...Наверное.

Подумай, Саня, подумай. С одной стороны — невеста, работа, зарплата. С другой — секта и Костик — великолепный, конечно, со всех сторон, но жениться на нем нельзя, и денюжки придется, наоборот, отдавать.

Великолепный снова воздвигся на крыльце, и Александр устремился к нему, сияя такой же улыбкой, какой улыбался невесте. М-да.

Глава 8. Праздник

Праздник приближался. Старец объявил строгий пост, ужины отменили вообще, в обед и завтрак кормить стали так же скудно, как в монастыре. Сектанты, с одной стороны, бегали быстрее, сустились, все больше времени проводили с паломниками, а с другой, наоборот, затихли, ушли в себя, почти не разговаривали и ходили с такими торжественными лицами, будто готовились ко всеобщей коронации или, не дай бог, массовому самоубийству. Кириллу было неуютно. Вроде бы что-то надо делать, а вроде и не надо. А потом будешь над кучей трупов стоять. Ясно представился окровавленный Александр, которого перешагивает довольный Костик. Кирилл затряс головой и напомнил себе не сходить с ума. Чай, не в Америке живем. Помолятся и разойдутся с миром.

В среду вечером почти все отправились в монастырь, Кирилла не взяли. Вернулись за полночь. Старец еле брел, Костик ругался под нос, Наташа вздыхала, остальные шуршали молча, и мгновенно испарились, едва войдя в дверь. В четверг картина повторилась. Как интересно.

В пятницу Кирилл уже думал напроситься сам, но его опередил Костик.

— Вечером идешь с нами.

— Ок. А что делать?

— Смотреть.

Посмотрим, конечно, посмотрим, чем они там занимаются, что старца приходится нести, а Костик все больше напоминает нечисть в подряснике.

К вечеру Кирилл был готов, торчал у двери и пристроился в хвост процессии, к «физрукам».

Церковь была разукрашена цветами, они стояли в вазах и венками окружали репродукции. На аналоях лежали свежие полотенца с вышивкой. Бабушка Кирилла называла такие рушниками и вешала на иконы. Народу было много. Нарядные паломники, обтрепанные трудники, братья и сестры из внешнего монастыря — все набились в немаленькое помещение. Горели свечи, к духоте добавлялся навязчивый запах ладана. У Кирилла немедленно зачесалось в носу.

Перед их шествием расступились. Народ зашептался, загомонил. Старец прошел на возвышение, заменяющее алтарь, кивнул расположившейся справа свите, те запели медленное и тихое. В перерыве старец сказал: «Покаемся же!» и ушел влево за загородку. Туда тут же выстроилась очередь.

Кирилл стоял рядом с поющими, ему было видно, как за загородку входили люди. Старец сидел на стуле и слушал коленапреклоненных исповедников. Те что-то торопливо говорили, показывали бумажки, кто-то даже плакал. Старец слушал с полузакрытыми глазами, кивал, рвал бумажки и торжественно отдавал обратно. Как Кирилл ни приглядывался, не заметил, чтобы старец читал молитву или изображал священника на исповеди. Просто слушал, советовал, сопереживал. Прямо прием у психолога какой-то, только в стиле «рюс».

Людей в очереди не убывало и каждый, кто выходил, совал в стоящий рядом ящик купюру. Неплохо они тут наварятся за праздник. Стоит того, чтобы жопу на стуле

отсиживать и слушать сопливый бред.

Кирилл быстро устал и закрутил головой: знакомых лиц не было. Поющие монотонно тянули микс из «господипомилуй», «господиочисти» и «господиисцели», и глаза немедленно стали слипаться. Если бы не голод, Кирилл так бы и задремал, но жрать хотелось по расписанию, а исповедь и не думала кончаться, и он начал пробираться на улицу — хоть подышать нормально.

— Кирилл Борисович!

Да что ж они все такие внезапные! Кирилл едва удержался и не гаркнул на подкравшуюся сзади девицу.

— Дарья!

— Здравствуйте, Кирилл Борисович.

— Ты что тут делаешь?

— На праздник посмотреть приехала.

Их бухгалтер, на вид — типичнейшая отличница: высокая, худая, со светлыми косичками, радостно ему улыбалась и хлопала ресницами.

— Тебе дома делать нечего?

— Так интересно же! — Она оглянулась и повела руками, приглашая его рассмотреть осточертевший монастырский двор с облезлым забором. — Мне и Руслан Анатольевич говорил, что вы здесь. Я смотрела-смотрела, а тут вдруг наткнулась. Подержите пожалуйста.

Дарья сунула в руки Кириллу сумочку и принялась перевязывать платок.

— За вами из дверей подглядывают, — тихо сказала она. — Начальству что-нибудь передать?

— Пока нечего. Ехала б ты отсюда.

— Я еще исповедуюсь пойду. И на праздник посмотрю, зря, что ли приезжала. — Она прибавила громкости. — Спасибо! Кирилл Борисович, а вам тут нравится?

Кирилл чуть не передразнил этот дебильный пионерский голос, но сдержался:

— Нравится.

— Мне тоже! Так все интересно! Я до завтра останусь.

— Ну и дура! — тихо буркнул Кирилл. — Зачем ко мне подошла? Что, теперь и тебя охранять?

Дарья хмыкнула и пошла к церкви. Кирилл шел сзади. Костик посторонился в дверях и смерил Дарью заинтересованным мужским взглядом.

— Знакомая?

— Коллега.

— Ничего так. Наташку напоминает.

Кирилл чуть не подавился. Дарья напоминала балерину, то есть ничего выпуклого в ней не было.

— Да в каком месте? Ростом, разве что?

— Блондинка. Добрая?

— Тупая.

— Так даже лучше.

— Что, Саня уже наскучил?

— Саня прекрасен, но я повыше люблю. Вот примерно с тебя.

— Что ты несешь? — разозлился Кирилл. Даже не разозлился, а испугался за Дарью. — В святом месте!

— А вот сейчас и покаюсь. Ты как, не решился еще?

— Нет! — рывкнул Кирилл в ухмыляющуюся морду.

— А что такой злой? Для себя девушку бережешь?

— Жрать хочу!

Костик перестал лыбиться, похлопал руками по бедрам и задрал подол подрясника.

— Ты чего?

— Где-то у меня тут... На!

Кирилл развернул шоколадку и благодарно пробубнил полным ртом:

— Спасибо. А сам?

— Доедай, — отмахнулся Костик, прислушался и нырнул в дверь.

Кирилл вошел следом, увидел где-то у загородки платочек Дарьи и недовольного Костика уже на клиросе. Видимо, что-то они не так спели, и господин солист разбушевался. Вон, даже Александр съезжился и покаянно кивает. Вера молча улыбается. Забавно как.

До конца Кирилл все равно не достоял, смылся в скит, рассудив, что там сейчас пусто. Как раз позвонит.

Разумеется, у Кирилла был второй телефон, с которого он и набрал начальство. Начальство что-то жевало.

— Рус!

— Ну наконец-то. Я уж думал, ты там пропал или просветился.

— Ты на кой сюда Дашку отправил? — рывкнул Кирилл.

— По твоим рассказам — там цветник. Вот и подумал, может Дарья старцу больше тебя понравится. Ладно, шучу. У нас новости: Крылов, который с торпедой, оказывается, работал в одной школе с Вайсом. У тебя что-нибудь есть?

— Нового нет. А Дарью отзови. Мне за ней смотреть некогда, мало ли что. Лешка тебя убьет.

— Она сама кого хочешь убьет, — хмыкнул Руслан. — Ладно, не пропадай.

Кирилл спрятал телефон и задумался. Значит, Костик на допросе врал: не мог он не узнать бывшего учителя. И старец ведь тоже ограничился «видел, разговаривал». И вообще, Крылов работал со старцем, бухгалтер Петров — с Верой. У них тут что, клуб отлова бывших коллег? Интересно, третий тоже с кем-то работал? Или его случайно на камни с лесенки уронили?

Если первые два случая готовились закрыть за «отсутствием состава», то третьему, бармену Иванову, точно помогли. Ну, или просто не удержали. В руках трупа остался кусок тряпки, эксперты написали: «предположительно часть верхней одежды из хлопка с добавлением полиэстра», но поврежденную одежду типа кофты или кардигана не нашли ни в монастыре, ни в скиту.

Рус как-то пожаловался, что ему очень намекают отстать от монастыря. Официально продолжали работать только по последнему делу. Собственно, поэтому Кирилл и торчал тут, как цветок в проруби. Ну и немножко — китайским предупреждением: мол, не зарывайтесь, товарищи сектанты, вы под колпаком.

Утром всех подняли ни свет, ни заря, и уже полным составом потащились в монастырь.

Старец для праздника приоделся в светлый подрясник с расшитым поясом, Костик и «апостолы» остались в черных, остальные были кто в чем, девушки в одинаковых белых платочках.

Ну, посмотрим на их долгожданный праздник.

Народ уже ожидал в церкви и вокруг, их колонну опять пропустили с почтением. Старец залез на свое место, хор выстроился, все затихли. После возгласа «Помолимся Господу!» снова запел Костик.

Кирилл никогда не был меломаном, но когда слушал Костика, ловил себя на каком-то подобии транса. Становилось легко, спокойно, мысли какие-то неуставные появлялись, мечты... Как будто обещание, что все будет хорошо. В общем, состояние, типа: «все стало вокруг голубым и зеленым». Он сам себя стебал, вспоминал модус «нечисти», и все равно от этого голоса не удавалось отвлечься. Остальным тоже не удавалось: толпень вокруг перестала толкаться и сопеть, и внимала с просветленными лицами. Кажется, он вообще мог что угодно сейчас запеть, «Прекрасное далеко» или попсу какую-нибудь, а все бы так и слушали, раскрыв рты. Кирилл в экстрасенсов не верил, а тут задумался, не попросить ли Руслана проверить, нет ли чего за Костиком по этой части. Может быть, где-то в сводках мелькал?

Потом вступил Александр. Кирилл его раньше не слышал, оценил голос, но в голубое-зеленое не улетел, значит, ничего интересного тут в кадилах не жгут, а он уже заподозревал. Остальные сопровождали артистов-солистов хором, и вроде ничего особенного не было на этом великом молении. Ну, поют, ну, взялись чего-то читать. Старец сказал речь.

Этот тоже умел: многие плакали. Говорил про спасение, про отречение от грехов, о мире, который лежит во зле. О любви тоже поговорил. «Бегите от мира! Не поддавайтесь его соблазнам! Не касайтесь его скверны и будете очищены от греха! Соберу верных своих со всех концов земли! Всякая слеза отрется, и смерти больше не будет! Спасу вас, если вы будете мне верны!»

Рядом всхлипнули. Какая-то женщина приподняла ребенка, пока старец благословлял толпу. Кирилла замутило и он полез к выходу. Оно, конечно, дежурный набор проповедника старец применял умело и с выдумкой, но отчего тут рыдать и плющиться, совершенно непонятно. Детей еще притащили, идиотки безмозглые. Денег опять насуют, целые очереди у трех ящиков.

Он как раз успел выйти, как из церкви повалила толпа. Ответственные за паломников направляли их в сторону трапезной. Рядом на улице были расставлены столы и скамьи, на столах — тазики с салатами, овощи, какая-то нарезка. Людей рассаживали, те, кто не уместились, стояли с тарелками наготове. Старец подошел к главному столу, запели молитву, благословили еду и начался пир.

Кирилл стоял поодаль и наблюдал, как народ метет со столов все, что не приколочено, прерываясь на бодрое пение чего-нибудь короткого, типа «Благодарим Господа», и принимаясь жевать опять.

Старец почти не ел. Апостолы рядом с ним вполне бодро питались, не забывая поглядывать по сторонам, остальные ближние — кто как. Костик притулился сбоку и жевал какую-то ветку, наблюдая за собратями по вере не слишком добрым взглядом. Но вдруг оживился и подсел к одному столу.

Кирилл присмотрелся, увидел знакомый платочек — и рванул туда. Не то, чтобы он не доверял Дарье. Как-то она приволокла свернутого в дугу пьяного мужика, сдала дежурным,

поправила волосы и процокала к себе в кабинет. Но после Александра он точно не доверял Костику, да и с мужем Дарьи они дружили, так что Кирилл чувствовал себя ответственным за девушку. А Костик так на нее пялился, что хотелось подбить восторженно поблескивающие глаза.

Пока Кирилл добирался, парочка уже вылезла из-за стола и направилась к воротам.

— Привет, — обозначился Кирилл.

— Ой, Кирилл Борисович, здравствуйте!

Костик зыркнул и продолжил болтать. Он совершенно точно был не рад и не собирался терять внимание девушки. Дарья ахала, изображала интерес, Кирилл плелся сзади, чувствуя себя третьим лишним.

— А это что? — Она указала на руину из красного кирпича, не доломанную и торчащую недалеко от стены бывшего лагеря, правее от входа.

Костик пожал плечами.

— Какая-то башня, то ли водонапорная, то ли еще какая.

— А что там внутри?

Кирилл знал, что там внутри: раздолбанная лестница, выводящая на пустую, полуосыпавшуюся площадку второго этажа. Как раз на этой лестнице нашли последний из трех трупов. Сам он навернулся или ему помогли — предстояло выяснить следствию.

— Не знаю. Там заперто.

— Жаль, — вздохнула Дарья. — А я бы посмотрела. Ужасно люблю развалины!

— А деревянное зодчество любите?

Кирилл едва сдержался, чтобы не ущипнуть слишком «хитрую» коллегу. Она, конечно же, выразила восторг, и Костик потащил их в обход монастыря к скиту.

Там Кириллу пришлось их оставить: таскаться следом и молчать было тупо, а говорить Костик ему не давал, да и Дарья не обращала внимания. Она идеально изображала блондинку, «не замечала» интерес собеседника и восторженно смотрела ему в рот.

Кирилл решил полить клумбы и не выпускал парочку из виду. В дом они не пошли, побродили по двору, посидели в беседке, а когда вышел Александр с рюкзачком, Костик познакомил их и пристроил девушку в машину к Рыжей.

Все попрощались, Александр заверил Кирилла, что будет приезжать каждый выходной, Дарья поулыбалась, калитка закрылась, и оба выдохнули: Кирилл с облегчением, Костик огорченно.

— Не такая уж она и тупая. И вообще — ничего.

— Она, между прочим, замужем, — злорадно сообщил Кирилл. — А муж работает в налоговой. Подумай еще раз, оно вам надо?

Видимо, представив последствия, Костик еще больше нахмурился и заторопился в дом.

Конечно, мужские кельи не запирались, но Кирилл точно помнил, что оставлял комнату закрытой. Он толкнул дверь, не спеша войти, и увидел Костика, сидящего на подоконнике и вертящего в руках телефон.

— Привет! — помахал Костик трубкой. — Нарушаем устав?

— Я никакого устава не подписывал, — возразил Кирилл. — Даже в глаза не видел.

Как неудачно. Придется отбирать или договариваться, не оставаться же совсем без связи. А что придет в голову этому гению угадать сложно.

— Какое упущение с нашей стороны, — вздохнул Костик.

— Я тебе больше скажу: кража личного имущества граждан — статья 158 УК РФ.

— Штраф. Думаешь, не наберу? А вообще-то я его нашел. В коридоре валялся. Как думаешь, чей? — Костик поерзал, усаживаясь поудобнее. — Попробовать включить? О, тут пароль! Любопытно, какой?

Кирилл рассматривал кривляющегося Костика с новым интересом. Надо же, язва какая, когда злится.

— Как думаешь? Наверное, «верастерва»? Нет? «Верасука»? Снова нет? А давай попробуем «верасолнышко» или «вералюбовьдогроба», а?

— Хватит.

Кирилл подошел и забрал телефон. Костик не пытался сопротивляться, только уставился испытующим взглядом.

— Жену мою зачем-то приплел, — упрекнул Кирилл, пряча трубку в карман.

— Но я же угадал, да? Ну скажи!

— Почти.

Пароль был «веранадеждалюбовь», еще с тех времен, когда Кирилл во всю эту муть искренне верил.

— Это ты мне так за Дарью мстишь?

— За крушение надежд. Почему бы не дать девушке самой решить?

— Ага, видел я, как Александру дали самому решить. И где он теперь?

— Дома, с невестой.

— То есть тебя больше привлекает процесс, а не результат? А звезды на чем рисуешь?

— Пожалуй, мы еще не настолько близки, — захихикал Костик. — Может как-нибудь покажу.

— Спасибо, не надо.

Кирилл подался назад, но Костик не отпустил, зацепил пальцами за ворот футболки, удерживая на месте.

— Результат я тоже люблю, но что-то в последнее время не получается.

Кирилл аккуратно вытащил ткань из хватки и отступил назад.

Получается. В том-то и дело: если держаться чуть дальше, в глаза не смотреть, все нормально, а когда он вот так впритык и смотрит, все опять голубое-зеленое, и что это значит, Кирилл обдумывать не хотел.

— А ты случайно не экстрасенс?

Костик бросил гипнотизировать его взглядом и расхохотался.

— Не совсем.

— А кто? Колдун? Чародей? Маг?

— Волшебник.

Посадить бы тебя на пару суток в предварилровку, волшебник, может наглость бы подрастерял, подумал Кирилл.

— Тренируйся на кошках!

Кирилл сделал еще пару шагов назад: Костик стек с подоконника и снова оказался вплотную.

— Зачем? Когда более интересные объекты есть.

— За Дарью точно морду набью, — предупредил Кирилл. — И если еще что-то замечу...

Тупой какой-то разговор. Нужно заканчивать, выставить ненормального и придумать, куда перепрятывать телефон.

— Не заметишь.

И выскользнул в дверь, непонятно как обогнув Кирилла, хотя тот загораживал выход и в тесной комнате было не разминуться. И как понимать это «не заметишь»? «Понял, не буду» или «буду, но похитрей»?

— Да что за хрень!

Утром, пронаблюдав за отъездом старца с келейником и Федором за рулем, Кирилл поинтересовался у Наташи, все ли в порядке. Оказалось, нет. Старца после трех дней выслушивания чужих грехов пришлось везти к доктору.

— Такое уже бывало. Полежит в стационаре пару дней, отдохнет от нас.

Кирилл сочувственно покачал головой и рванул на третий этаж.

Замки он научился открывать еще в академии, да и не очень-то сложный был механизм в кабинете у старца, у Веры куда круче. Кирилл включил ноут, полез в папки и был разочарован: ни одной запароленной. Файлы с черновиками, обрывки проповедей, какие-то церковные книжки, список лекарств, аудио с пением Костика. Браузеры, телега. О, Зума! Старец по-старперски поигрывал в шарики и скачивал книжки современных заумных писателей. Больше в ноуте не было ничего.

— А вы что тут делаете?

Кирилл сдержал первый порыв и не скрутил Васю только потому, что подсознательно воспринимал ее ребенком.

— Ноутбук чиню.

— А обычно Федор чинит.

Судя по голосу, Вася в версии Кирилла не засомневалась. Как она выжила с такой наивностью? Или все-таки с головушкой не все хорошо?

— Но он же с ними уехал.

— Да.

Вот что теперь делать? Она видела, как Кирилл шарил в ноуте. Возьмет и кому-нибудь расскажет. Похоже, его пребывание здесь закончится уже вечером. Или стоит воспользоваться методом Штирлица и заболтать?

— Василиса, вы ведь со старцем с самого начала?

— Почти, меня Костик привел.

— А с Костиком давно познакомились?

— Еще в больнице.

— Это в Москве?

— Да. Потом уехали в Питер, немножко пожили там, а теперь здесь.

— А почему так часто переезжали?

Вася безмятежно пожала плечами.

— Я не знаю.

— А кто с вами переезжал? Кто вообще был раньше?

Вася задумалась.

— Ростик. Ольга-первая и Ольга-вторая. Галя. Трое Саш.

Кириллу имена ни о чем не говорили. Похоже, эти были еще до приезда сюда.

— Потом Вера с Федором, Андрей и Саша-маленькая.

— Вера Сергеевна?

— Да. Она из Питера.

— А вы с Ростиком из Москвы, как старец? И Костик?

За разговором Кирилл вывел девушку из кабинета и прикрыл дверь. Нужно ее куда-нибудь спровадить.

— Я из Мытищ, а откуда Костик, не знаю. Он всегда у батюшки жил.

На лестнице Вася что-то вспомнила и, ойкнув, помчалась вниз. Кирилл сделал пару шагов за ней и вернулся. На площадку выходила дверь еще одной кельи, которую ему крайне надо бы посетить.

Комната Федора и Костика была широкой, светлой, с большим окном, и завалена разными шмотками — человеческими и собачьими вперемешку. Уборкой соседи явно не заморачивались. Кирилл даже с какой-то обидой вспомнил «пол вымой». Свой бы вымыли или хотя бы разгребли от культурных слоев.

Стационарник стоял у окна, ноутбук валялся на кровати. С чего начать? Кирилл уселся за стол и нажал на «вкл».

Он не был хакером даже близко, и сразу понял, что тут ему не стоит соваться. И все наглухо запаролено. Кирилл почитал матерное описание, куда пойти, во весь экран, и пошел, но не куда послали, а к ноутбуку. Раз уж так повезло, стоит пошарить и там.

Ноутбук был явно Костика. Почему Кирилл так решил? По кислотной заставке, набору аудио в папках, способному довести до приступа бывалого меломана, незапароленной коллекции порно и куче игр разной степени тяжести.

Кирилл полазил еще, не нашел компромата и документов, выключил ноут и осторожно вышел из комнаты.

Успел просто чудом: едва убрал отмычку в карман, как за спиной сварливо поинтересовались, какого хрена ему надо на чужом этаже и у этой конкретно двери. Похоже, Федор тоже водил как Шумахер, или выбросил пассажиров на полдороге и вернулся домой. Кирилл проигнорировал злобный тон и пояснил, что искал Костика.

— Его не будет два дня.

Опаньки. Где же он будет и что это нам дает? Кирилл еще хотел спросить про старца, но Федор уже хлопнул дверью. Ладно, подумаешь, царь. Найдем, у кого узнать.

Смысла сидеть в скиту не было. Можно, конечно, поприставать с расспросами еще к кому-нибудь, но тыкать пальцем в небо Кирилла уже достало. Связь, как назло, отрубилась, стоило включить телефон. Ладно. Раз начальство в отъезде, значит, некому запретить.

— Я срочно в город! — протараторил Кирилл, пробегая мимо Даши. — Соседи звонили, говорят, заливаю.

Девушка ошарашенно кивнула и посторонилась.

Руслан его тоже не ожидал. Подскочил, напрягся, всматриваясь.

— Все в порядке?

— Да.

— Тебя выгнали из секты? Даже там всех достал?

Руслан всегда туго шутил, когда волновался.

— Я в самоволке.

— Ладно. Слушаю.

Кирилл уселся и начал рассказывать.

— Да, не густо, — вздохнул Руслан.

— Рус, какого хрена я там сижу? — не сдержался Кирилл.

Накипело. Месяц почти впустую, молитвы, красотки в платочках, Костик этот.

— Тут нужно вызывать спецов и обыскивать этот гребаный терем Деда Мороза. Тряпку искать, компы потрошить!

— Ага, щас вызову бригаду спецназа, всех к стенке поставим и сразу — медаль! — ласково прошипел Руслан. — Устал наш герой? Домой захотелось? Жопу на родной диванчик пристроить и выпить, да? А вот с моей жопой каждый день неприличные действия производят! И если мы их прижмем, но ничего не найдем, знаешь, что с ней будет?

Где-то с середины монолога Русланчик уже орал. Спасибо, что слюной не брызгал. Видимо, действительно родимую припекло.

— Так закрывай дела.

— Когда надо, тогда и закрою! — он перестал орать, плюхнулся на стул и перевел дух. — У Петрова точно состава нет. А вот у Крылова... Посмотри, что мы тут добыли, пока ты в санатории отдыхал.

— Интересно.

Крылов оказался не просто коллегой старца, именно он распускал слухи об отношениях с учеником, даже грозился написать в прокуратуру, но по просьбе директора дело замяли. Вайс уволился за два месяца до конца учебного года.

— А спустя месяц парень сбежал и неделю жил у него.

— И куда дальше делся?

— Нашли, забрали. Он сдал ЕГЭ, а потом в больницу попал.

Кирилл поднял голову, расслышав неловкость в деловом голосе Руслана.

— В какую?

— В такую самую. Вроде вены резал. Подлечили, выпустили. Пока лежал, ему восемнадцать исполнилось, никто и не интересовался, куда он потом делся.

«А с Костиком давно познакомились?»

«Еще в больнице», — сказалось в голове голосом Васи.

О как!

Кирилл рассматривал фотографии Вайса: в паспорте, с классом, в компании учителей. Щелкнул дальше и замер: Вайс стоял рядом с лохматым подростком, тот держал в руках грамоту и тарачил довольные глаза в объектив.

— Это кто? — на всякий случай спросил Кирилл, хотя прекрасно разглядел подпись.

— Он и есть. Ярослав Баяринцев. А что не так?

— Ну, как тебе сказать... — Кирилл увеличил фотографию, зачем-то прочитал «Победителю регионального этапа по литературе», отложил мышку. — Этот Ярослав сейчас называется Константин. Биевский. Так что у нас теперь предположительно фальшивый паспорт и сразу два подозреваемых с мотивами, один, на минуточку, с психушкой в анамнезе.

— Ты уверен?

Кириллу хотелось сказать, что эти восторженные гляделки он никогда не забудет и не

перепутает, но ограничился матом.

— Достать алкоголь — не проблема. Выпить в компании коллеги или бывшего учителя — тем более. Осталось узнать, вдвоем они его травили или кто-то один.

— И знали ли про «торпеду».

— Знали. Иначе ему бы стало плохо прямо в скиту и пришлось бы вызывать скорую. А тут — позвали поговорить, типа, чтобы второй не видел, напоили и бросили. Или подождали, пока умрет, и тихо ушли.

— И на кого ты думаешь?

Кирилл бы сейчас многое отдал, чтобы вообще не думать, но лесная нечисть, с довольной улыбкой наблюдающая, как корчится и умирает мужик, едва не сломавший жизнь, встала перед глазами. Может быть, он хотел отомстить за «отца»? Ну конечно, Кирюш, конечно! Как же хочется, чтоб не он. Может быть, это старец, довольно потирая ручки, приговаривал: «Сдохни, гад! Такой хорошей работы меня лишил, мальчика моего обидел!» Как правдоподобней? А?

— Думаю, оба могли. Надо поднимать медкарту Баяринцева и проверять паспорт. Черт знает, может быть, они разлученные близнецы. И Вайс этот мутный. Он иногда смотрит, как будто тоже из психушки сбежал — ласково, прямо в душу.

Руслан принялся что-то писать в компьютере, а Кирилл отошел к окну, перевести дух. С крыльца спустилась Дарья и, радостно улыбаясь, устремилась к скверу напротив, где ее ждал...

— Вот же сволочь!

— Кто? — удивился Руслан.

— Костик, блядь!

Костик вручил букет, дружески приобнял Дарью, и они пошли ко входу в сквер.

— Вот же, блядь! Я же говорил!

Кирилл разрывался: хотелось догнать и хорошенько врезать, а эту дуру трясти, пока мозги не встанут на место, но он же должен быть сейчас в скиту, подставляться нельзя. Оставалось беспомощно материться, глядя, как предположительный псих и убийца уводит девушку под деревья.

— Позвони ей! Пусть вернется, придумай что-нибудь!

— Да нету у меня ее телефона! Не сходи с ума. Что он ей сделает? — Руслан высунул голову в приемную. — Саш, позвони Майской, спроси, с кем это она гуляет после работы. Ну, так, по-женски спроси, типа: «видела тебя, а что за красавчик?» Пусть что-нибудь ответит. Давай, звони.

Саша послушно забормотала, подхихикивая и охая, и Кирилла подотпустило. Если Костик будет знать, что их видели, не станет нарываться. А Дарье нужно вправить мозги. Лешке, что ли позвонить?

Глава 9. Московский гость

Телефон Кирилла напрочь отказался работать. Он вытребовал у Даши отобранный, но и тот не цеплял сеть. Оставалась надежда, что это просто поломка и его как-то починят, а пока Кирилл слонялся по дому, готовый уже лично обыскивать вещи насельников и пытаться их самих, лишь бы не чувствовать себя бесполезным идиотом, которого водят за нос и даже не слишком это скрывают.

Он как раз примеривался к Эмилю, протиравшему резные иконы, когда дверь распахнулась и громкий голос пророкотал:

— Дом, милый дом! Не ждали?

В холл ввалился высокий мужик, обвешанный сумками и пакетами, сбросил их на пол, обнял подбежавшую Дашу, одновременно пожимая руку охраннику и стуча по плечу «физрука» Андрея.

— Ростик! — радостно взвизгнул Эмиль и побежал обниматься.

Ростик, значит. Кирилл столько раз о нем слышал, интересно наконец посмотреть.

Ростик и впрямь оказался интересным персонажем. Во-первых, он был в килте. В натуральной клетчатой юбке и белых гольфах посреди скита, и никого это не удивляло. Во-вторых, у него был роскошный хвост кудрявых длинных волос. И довольная рожа всеобщего любимца. Ну надо же.

— О, а ты новенький? Как зовут?

— Кирилл.

— Здорово! А я Ростик.

— Это Ростислав?

— Ага. Вячеславович. Если хочешь речь потренировать, так и зови. Милька!

Кирилл посторонился и понаблюдал, как Ростик мнет радостного Эмиля.

— А Сам где?

— Господь в городе, в больнице, — сообщила Даша. — Но все уже хорошо.

Ростик немедленно огорчился.

— Опять? Ну что вы! Как можно? А эта гни... ученик любимый куда смотрел?

— Костик с ним.

— Ладно. — Ростик сгреб с пола сумки и выпрямился. — Пойду умоюсь. Ой, погоди-ка!

Поставил половину сумок обратно, порылся в одной и достал коробочку.

— Дашенька, это тебе.

Даша подпрыгнула и поцеловала дарителя в щеку.

— Эмилька, вот это на кухню отдай, пожалуйста. Ну ладно, я пошел, к обеду спущусь.

Эмиль потащил три пакета с продуктами в сторону кухни, Даша распаковывала коробочку, а Кирилл переваривал. Это что за Горец? Прикатил с подарками, все ему рады. «Барин приехали!» Интересно-то как.

К обеду Ростик спустился уже в штанах. Случайно или нет, за столом собрался только ближний круг. Кирилл чувствовал себя лишним, но нагло сидел рядом с Маратом и крутил головой.

— Как же я соскучился! — провозгласил Ростик, вливаясь в трапезную. — Дамы!

Милька! Ну, как вы тут?

Он поставил на лавку спортивную сумку и стал доставать оттуда свертки.

— Еленочка, это вам. Для ваших прекрасных локонов.

Леночка ласково улыбнулась. Ростик склонился поближе и интимно пророкотал:

— Супругу большой привет от меня.

— Передам.

— Благодарю. Наташенька! Гипоаллергенный. Видите, какие у меня гладкие щеки? Это не потому, что я хорошо кушаю. Хотя, поэтому тоже, конечно. Каюсь, просто не знал, что выбрать. Так-то он вам не нужен, у вас кожа, как у юной девушки.

Наташа рассмеялась и взяла крем.

— Вера Сергеевна!

Вера сидела чуть поодаль и не участвовала в общем веселье, пока к ней не обратились.

— Да?

— Как заказывали.

Кирилл присмотрелся. Это точно был не крем или шампунь. Что-то для компьютера. Вера Сергеевна одобритительно кивнула.

— Благодарю.

— Всегда рад! Василисушка, тебе.

Васе досталась банка дорогих на вид витаминов.

— Мужики, вам — только пожрать, извините. — Он метнулся в сторону кухни и забрал у повариhi поднос. — Миль, помогай!

От запаха мяса и пиццы у Кирилла забурчало в животе.

— Нам тут Мария Павловна с Танечкой все любезно погрели.

— А девочкам можно? — смеясь, уточнила Леночка.

— Конечно, мои дорогие! Налетайте!

И снова убежал в кухню с какими-то сверточками в руках. Кирилл проводил его ошалелым взглядом и спросил у Леночки:

— Он всегда такой... дед Мороз?

— Всегда, — подтвердила она и с наслаждением откусила от пиццы. — Жаль, не часто приезжает.

— А почему?

Кирилл помнил, что у Ростика есть своя комната. Значит, должен тут жить?

— У него работа. То в Питере, то в Москве. И Венера.

— А, ясно.

Ростик наконец перестал метаться и уселся.

— Марат, как дела? Как семья? Пишут?

— Спасибо, все хорошо, — покивал Марат.

— Сейчас доедим, и до ужина я весь твой.

Кирилл озадаченно жевал. От Ростика в голове гудело. Его было много, но все радовались, как будто действительно приехал дед Мороз, только что не читали стишки.

После обеда Кирилл то тут, то там натыкался на эту парочку. Они что-то подкручивали на лестнице, меняли в туалете и прибивали в кельях. Видимо Ростик умел работать не только языком, но и руками. А Кирилла поймала Даша и послала в монастырскую лавку, помочь раскладывать по полкам товар.

После ужина и вечерней молитвы, на которой солировал Ростик, Кирилл закрылся в комнате и попытался поймать сеть. Глухо. Он так увлекся, что вздрогнул, услышав громкий стук. Дверь под кулаком стучавшего открылась, не дожидаясь ответа, и Кирилл словил дежавю: на пороге стоял Ростик, в руках у него был пухлый пакет.

— Можно?

— Проходи.

Ростик задел пакетом косяк, внутри подозрительно звякнуло.

— Выпить хочешь?

Это еще что такое? Проверка? Или хваленый Ростик тоже алкаш? Но отрывался бы на гастролях, а вот так пить, прямо в скиту, да еще с первым встречным...

— Ой! — встревожился Ростик. — А ты не запойный? А то тогда тебе же нельзя.

— Нет! — решительно открестился Кирилл. — Можно. Но почему со мной?

— А с кем? Саша с Андреем — алкоголики, Эмиль от двух глотков падает, а с Федькой я пить не хочу.

Ростик выудил из сумки бутылку, две рюмки, расставил на столе, поправил, чтобы стояли симметрично, и принялся выкладывать закуску. На сиротскую пьянку с Костиком застолье походило мало. Кирилл, хоть и поужинал, но от нарезки, хлеба, оливок отказываться не собирался, тем более под еду имелась возможность не напиться в дрова, а Ростик казался находкой шпиона: болтливый, открытый, а если еще и пьющий — вообще красота.

— Почему не хочешь с Федором?

— Злой он, — вздохнул Ростик, разливая коньяк. — Умный, но злой. Ну, за знакомство!

Выпив, Ростик поднялся с кровати:

— Нет, так неудобно. Погоди!

Он выскочил и быстро вернулся, неся стул. И откуда только стащил...

— Вот, другое дело! — довольно поерзав, Ростик налил еще по одной. — Ты давно тут?

— Месяц.

— Месяц. Ну да. Я как раз катался с Иисусом.

— С кем катался?

— С рок-оперой. Пою я там. А ты сам кто?

— Опер.

— Ух ты, — не слишком удивился Ростик. — Бывает. Я вот артист, Евгеша вообще учитель.

— Евгеша?

— Старец. Будем!

Кирилл едва не подавился, соображая: чтобы называть святого старца Евгешей, нужно быть близко знакомым, родственником или очень пьяным, потому что Кирилл вообще-то хрен знает кто с горы, но Ростик с двух рюмок даже не захмелел.

— А ты ему кто? Родственник?

— Почти. Мамы наши в одном классе учились и жили на одной лестничной клетке. Только Евгеша постарше на три года, его со мной оставляли сидеть. А потом меня с ним.

— Почему?

— Читать любил. Как зачитается — то чайник не выключит, то воду забудет закрыть.

Ростик очень заразительно смеялся. Кириллу вдруг захотелось расслабиться и просто

потрепаться с приятным мужиком. Но нельзя.

— Я слышал, он учителем был?

— Был, — помрачнел Ростик. — Душу в этих пиздюков вкладывал, воспитывал, делился прекрасным. Довкладывался...

— А что случилось?

— Так ты, небось, знаешь. — Ростик махнул еще рюмку и откинулся на стуле, неожиданно пронизательно разглядывая Кирилла. — Ваши же тут всех проверяли.

— Немного знаю, — не стал спорить Кирилл. — Что был учителем, уволился и из Москвы уехал.

Уровень коньяка в бутылке сильно понизился. Надо же, Кирилл и не заметил. Ростик, видимо, себе наливал чаще, чем ему. Ну и хорошо.

— Уехал, — протянул он зло. — Жил бы сейчас себе спокойно, если бы не эта поганка бледная.

— Ты о ком?

— Об апостоле нашем, Иудушке. Присосался — не оторвать. Три года с ним возился, учил, кормил, по музеям таскал. Деньги наверняка давал, хотя не сознаётся. С работы из-за него вылетел. А эта сволочь жалостную записку оставила: «В моей смерти прошу никого не винить. Я привык, что меня бросают, не хочу жить никому не нужный». И телефончик внизу приписал: сообщите, мол.

— И что? — подтолкнул Кирилл.

Теперь уже он наливал, а Ростик не смотрел, что себя Кирилл обделяет. Он, кстати, особо пьяным не выглядел, но видно — накипело у мужика, хочется душу излить.

— Сообщили. И чуть следом не свезли. Оклемался и кинулся выручать «сыночка». А тот из психушки девицу с собой притащил. Евгеша им родной матерью и заделался.

— Это Васю?

— Васю, Васю, — вздохнул Ростик. — Вот кому не позавидуешь. Ладно, давай допивать и разбежаться. Завтра поеду за ними. А то Федор занят, а этого к рулю подпускать нельзя, носится, как на метле.

Пока Ростик мыл рюмки, Кирилл сгреб бутылку и остатки еды обратно в пакет.

— Ты, наверное, думаешь, чего я на тебя все это вывалил, — сказал Ростик за спиной почти трезвым голосом.

— Есть такое.

— Костик, если чего-то захочет — не слезет, пока не получит. Так что, когда он за тебя возьмется, ты вспомни, что я говорил. И в глаза ему лучше не смотри.

— Что? — фыркнул Кирилл. — Seriously?

— А чего ты ржешь?

— Он экстрасенс, что ли?

— Может и экстрасенс. А может нечисть лесная. Просто послушай бывалых людей, вдруг поможет.

— А вдруг уже получил?

Ростик покачал головой.

— Я порасспросил — еще нет.

Голова у Кирилла пухла, и не от выпивки. Что за место такое дурное? Что ни человек — у каждого не хватает винтиков в голове. Зато история складывалась. Нужно еще дозвониться Руслану — и можно прикидывать, откуда начать ковырять. Иудушка, значит. Ну-ну.

Утром Ростик уехал, и в скиту снова стало тихо. Даша носилась по лестницам со стопками белья и подгоняла Васю: в комнатах старца наводили порядок и радовались, как будто ждали любимую бабушку.

Кирилл оказался внизу, когда старец приехал. Его вел под руку Ростик, с другой стороны придерживала Наташа, остальные стояли у стеночек и радостно смотрели на своего главу.

— Вот ему только по лестницам не хватало сейчас.

— Давай в молельню.

Старец улыбался и крестил всех общим благословением. Ростик с Наташей завели его в исповедальную, двери закрылись.

— А где Костик?

Ростик хохотнул:

— Не поехал. Дела, говорит.

— А на самом деле?

Наташа с Ростиком беседовали в молельном зале, время от времени заглядывая в приоткрытые двери исповедальни, а Кирилл подслушивал, сидя за углом на корточках.

— Глаз у него горит. Опять нашел приключения.

— И хорошо, — примирительно сказала Наташа. — Может быть...

— Не может! — рявкнул Ростик. — Этому все не впрок. Скоро наестся и прибежит. Не умеет он по-человечески.

— Зря ты так, — вздохнула Наташа. — Он хороший.

— А ты святая! Чем тебе плох Евгеша? Уж по сравнению-то...

— Перестань!

Наташа, судя по звукам, зашла к старцу, а Ростик выругался и убрался в трапезную, так что Кирилл незамеченным ушел наверх.

Вечером к нему постучался охранник. Кирилл его так и звал для себя «охранник», опуская имя. Охранник был невысокий, пожилой и упитанный, все время зевал и разгадывал кроссворды из книжечки.

— Помочь можешь?

— Могу, — отозвался Кирилл, недоумевая. — А что случилось?

Одна из камер, та, что отслеживала заднюю дверь и кусок двора, показывала стену.

— Это как?

— Свернулась, — пояснил охранник. — Может, нога разболталась. Надо пойти подергать, а я...

Он развел руками. Да, с его ростом не дотянешься, а стремянка в гараже, который Марат запирает, уходя спать.

— Я бы Ростика попросил, но он у Господа.

Кирилл оглядел картинку с остальных камер, запомнил на всякий случай, что просматривается и где, отметил предположительные слепые углы, и согласился.

— Ладно. Дай накинуть что-нибудь.

Там два шага от двери, и собак не выпускали с самого праздника. Подергает он эту

камеру, трудно ему что ли.

Охранник выделил какую-то спецовку, Кирилл вышел за дверь, сделал два шага вправо — и застыл, расслышав в полной тишине пугающий звук.

Фонарь над дверью тоже не горел, в темноте Кирилл даже не разглядел, а почувствовал угрозу. Три темные тени пока еще не рычали, обозначая свое присутствие сдержанным рокотом, от которого Кирилл немедленно взмок и вспомнил все просмотренные фильмы ужасов.

Собаки замолчали, припали к земле, напряжились — и тут в Кирилла влетело что-то теплое и костлявое, сбоку, откуда он не ждал нападения. От неожиданности он сжал это что-то руками, услышал сдавленное: «Стоять!» — и застыл. Собаки тоже замерли и снова зарычали. Кирилл разжал руки и прошептал:

— Ты откуда здесь?

— С неба упал, — так же тихо ответил Костик. — Не шевелись.

Он быстро дышал, выставленные руки, ладонями развернутые к собакам, вздрагивали. Как разглядел это в темноте, Кирилл объяснить не мог, да и не до того было.

— Замри.

Кирилл послушно замер и почувствовал, как Костик вжимается в него всем телом, стучается макушкой о подбородок.

— Ты чего?

— Они бьют лапами в грудь, а когда падаешь, выгрызают горло.

Мокрая спина мерзла, зато спереди, где прижимался Костик, было жарко, и непонятно, кто из них дрожал больше, обоих трясло.

— Может быть, отползем к двери?

— Сколько собак ты видишь?

Костик слегка задыхался, но говорил усталым учительским тоном. Нахватался у отца своего...

— Три.

— Значит, одна сейчас где? — и тут же прикрикнул: — Не дергайся!

Спина Кирилла немедленно взмокла снова. Он почти ощущал дыхание адской собаки на загривке.

— Сколько мы будем стоять? До утра?

— Может быть и до утра, — громко заявил Костик в темноту. — Или пока они не уйдут. — И тише добавил: — Если, конечно, я тоже не надоел.

— Что? — не расслышал последних слов Кирилл, но Костик не стал повторять.

Собаки крунулись, из-за спины выскользнула еще одна, и они бесшумно исчезли в темноте. Как будто по приказу.

Или не как будто?

Костик попытался сползти вниз, Кирилл удержал его на ногах.

— Ты в порядке?

— В дом!

Затолкав Кирилла в дверь, он привалился к ней спиной и начал орать:

— Какого ты ночью наружу поперся?! Антон, блядь!

Подбежавший охранник объяснил про камеру, Костика перекосило. Он рывкнул:

— Всем спать!

И выскочил в темноту.

Догонять его Кирилл не пошел, хотя очень хотелось. Но вспоминался тихий рык и бесшумные тени в темноте. Костика собаки не тронули, значит выживет, потом можно будет его расспросить, откуда возник так вовремя и куда слинял.

В голове крутилось: «Они бьют лапами в грудь и выгрызают горло». На рубашке бухгалтера нашли следы земли и траву. Эксперты решили, что это от попыток реанимировать. Горло было не тронуто, но — слабое сердце. Кирилл бы свой паспорт съел, если неправ, но доказать не мог.

— Вы чего орете? — В коридоре показался недовольный Ростик и постучал рукой по стене: — Отца разбудили.

Точно! Коридор огибал молельню, и там, должно быть, все слышно. Ростик покрутил головой и нахмурился.

— Мне этот баньши почудился, что ли?

Антон объяснил про камеру, Кирилл добавил про лампу. Про Костика почему-то оба промолчали.

— Всего-то? Завтра утром сам посмотрю. Кончайте орать.

Они разошлись, но уснуть Кирилл долго еще не мог. Хорошо, что он не особо боялся собак, а то словил бы инфаркт, как бухгалтер. Интересно, зачем Костик его спасал? Не из человеколюбия же.

— Ты совсем охренел?

— Один же раз прокатило.

— Федь, ну включи мозги! Нестарый мужик, сердце в порядке, мент. Ну нельзя так тупить! Случись с ним что, с нас живых не слезут.

— С нас и так не слезают. Иначе чего он тут до сих пор торчит?

— Вот и надо сидеть тише воды.

— Я и сижу, блядь! Это ты к нему липнешь. Что, не клюет? Потерял сноровку?

Федор посмотрел на хлопнувшую дверь, досчитал до десяти и начал раздеваться. Может быть он и сглупил, даже наверняка сглупил, но вот так сидеть и ждать, когда на тебе застегнут наручники, невыносимо. Как у этой сволочи сил хватает улыбаться и подкатывать к тому, кто вот-вот съест? Конченный мазохист.

Глава 10. И не введи нас в искушение

С утра Кирилл ждал объяснений. Ну, хотя бы минимальных: не кот чихнул, его едва не съели вообще-то. Но Федор не пришел на молитву и даже на завтрак, а Костик держался подальше от Кирилла, поближе к Вере; не ловить же его.

После завтрака Ростик позвал Кирилла с собой чинить камеру, справился играючи и вкручивал новую лампу, когда из двери высунулся Костик, проорал:

— Ростик! Там Вася опять! — и снова исчез.

Ростик бросил недокрученную лампу и рванул в дверь, приказав Кириллу:

— Давай за мной, пригодишься.

Они выскочили через парадный вход, пробежали рошу и ворвались в монастырь.

— Что случилось-то? — прохрипел Кирилл.

Надо бы заняться собой, раздобрел здесь на сладких харчах, как потом нормативы сдавать? Уже еле дышит, а бежать еще сколько!

Кстати, сколько?

Оказалось — до главных ворот и на парковку, где Ростик, не замедляясь, влетел в клубок мужчин, запихивающих кого-то в машину, схватил одного за плечо, развернул к себе, врезал в лицо и сразу же под дых — второму. Кинул в руки подбежавшему Кириллу отбитую и помятую Васю, снова развернулся к первому.

— Да что происходит?

Кирилл отпихнул Васю дальше, к воротам, и рванул к Ростику. Тот вертелся в окружении трех противников и отбивался как мог.

Они успели пару раз отоварить оппонентов, Кирилл пропустил в живот и по почкам. Пора бы поговорить. И как по заказу из-за спин донеслось:

— Стоять!

Противники застыли, как недавно собаки, Кирилл и Ростик — тоже. Костик одной рукой обнимал Васю, другой выставил перед собой телефон.

— Я снял ваши рожи и номера. И как вы избиваете сотрудника полиции — тоже. И вызвал наряд. Минут двадцать сюда ехать. Ростик, вы же продержитесь?

— Как нефиг делать! — выдохнул Ростик, стряхивая с локтя руку нападавшего.

— Какого сотрудника?

Кирилл только сейчас разглядел откровенно восточные рожи. Один за рулем и трое махали тут кулаками.

— Кирилл — сотрудник. Кир, у тебя удостоверение с собой?

— Сейчас принесу, — огрызнулся Кирилл.

Но сработало: троица нырнула в салон, машина, взвизгнув тормозами, сорвалась с места.

— И что это было? — спросил Кирилл, но никто ему не ответил.

Ростик стянул резинку с хвоста и поправлял растрепавшиеся волосы, Костик обнимал Васю, что-то ласково ей выговаривая. Кирилл засмотрелся: Вася была на полголовы выше и даже на вид крепче, но держалась за Костика, как за спасение, игнорируя настоящих героев: Ростика и его.

— Ну зачем ты опять вышла? — укорял Костик.

— Он сказал, что привез Тяпу.

— Дурочка. Не отдаст он тебе собаку, просто из вредности. Да и куда бы мы его дели? У отца аллергия. Не к Федькиным же монстрам в вольер.

Ростик подошел и прервал воркование.

— Пошли уже.

— А наряд? — не понял Кирилл.

Костик мотнул головой и убрал руку с Васиной талии на ее же локоть.

— Я не звонил.

Они медленно побрели по монастырю. Костик с девушкой впереди, два героя — сзади.

— Кстати, спасибо. Помог, — проговорил Ростик.

— Объяснишь? Кто это был?

— Васин муж.

— Чего-о?

— Бывший, — поправился Ростик. — Они развелись, но он время от времени пытается ее утащить. Обиделся. Горячий горец и все такое.

— А поподробней?

Звучало довольно бредово: что за киношные страсти в наше время? Но Ростик говорил серьезно и даже печально, чего за этим вечно веселым клоуном Кирилл раньше не замечал.

— Она из цирковых. Делала номер с отцом. Оба разбились. Отец — насмерть, а Вася сломала руки. Когда стало понятно, что больше выступать не сможет, мать ее выдала замуж. Продала этому вот Ахмету. На свою у него денег не было, а наша досталась почти бесплатно.

— А Вася почему согласилась?

— А Вася с диагнозом, — жестко сказал Ростик. — Поэтому брак удалось признать недействительным. Муж — к маме, мама — в отказ, вот он и ездит. Думает, что его обманули и пытается навести справедливость, жену себе обратно добыть.

В скиту Костик сдал им Васю и рванул по лестнице. Ростик взял девушку под локоток и повел вверх. Кирилл потянулся за ними. Вдвоем они завели Васю в ее комнату и усадили на кровать.

Заглянул встревоженный Костик.

— Натка ушла в монастырь, там кто-то рождает. И что их несет, дур! Сидели бы дома...

Вася вздрогнула, и Ростик шагнул вперед, вытесняя Костика из комнаты.

— Не ори.

Дверь закрылась, Кирилл остался с Васей наедине. Она сидела на краешке кровати, зажмурившись и обнимая себя руками.

— Вася? — осторожно позвал Кирилл. — Васенька, все хорошо?

Она вздохнула и открыла глаза.

— Да, все хорошо. Спасибо.

— Не бойтесь, я разберусь, обещаю. Больше он не приедет. Если надо, оформим судебный запрет.

Действительно, что за дела. Если это не первый раз, неужели в полицию не обращались? И сейчас вот Костик не позвонил, только пригрозил. Надо расспросить Ростика и, правда, заняться. Они, конечно, ему никто, но девочку жалко.

Вася стянула со стула какой-то платок и закуталась в него. Кирилл смотрел на разбросанные резинки, заколочки, какую-то помаду, и вспоминал, как жена собиралась в театр или гости, так же разбрасывая все по доступным поверхностям. Вася вдруг заговорила:

— Я, когда в больницу попала, вообще боялась разговаривать. У Ахмета дома нельзя было лишний раз. А Костик никого не боялся. С медсестрами спорил, с врачами, смеялся, анекдоты рассказывал. Волосы мне причесывал. Девчонки в палате дразнились, говорили «жених». А он — нет, он хороший был.

— А с чем вы лежали?

Кирилл предполагал, что в дурке мальчиков и девочек держат отдельно.

— Я — с переломом, а он с сотрясением.

Значит, в травме. А как же тогда диагноз?

— А после больницы вы виделись?

— Меня выписали, а когда я вернулась, он уже в другом отделении лежал.

— Вернулась?

— Ага, с сотрясением, — хихикнула Вася. — А Костик, когда меня выписали, ночью порезался, его и перевели. Медсестры меня дразнили Джульеттой. Типа, меня выписали, а он соскучился. Но меня не было три дня. Если бы он подождал, все было бы хорошо.

— Пстой, — Кирилл прямо чувствовал, как закипает мозг. — Почему ты вернулась через три дня?

— Меня мама Ахмета толкнула и я ударилась головой. Правда, все было нормально, просто я в магазине упала и меня опять увезли на скорой.

Кириллу очень хотелось кому-нибудь врезать. Желательно Ахмету и его маме. Нужно было отвлечься и не пугать ребенка.

— А Костик порезался?

— Ага. Его хотели выписывать, а когда порезался, оставили еще на целый месяц. Я тоже хотела месяц, но порезаться было нечем. Зато у соседки целая сумка таблеток. Я даже проглотить не успела, все забегали, закричали, правда, желудок промывать мне совсем не понравилось. Надо было порезаться, Костик всегда знает, как лучше.

— А потом?

— Потом пришли Ростик с Господом и забрали меня. Костик уже там был.

— Где?

— В комнате. Там был диван и матрасы на полу. Мне сказали спать на диване. Потом Ростик привел Венеру. Она такая красивая! И умная. Сказала, что к Ахмету возвращаться не надо, а надо подписать доверенность, отдать паспорт, и Венера разберется. Я отдала.

— А Костик? Он же тогда был Ярослав? А почему стал Костик?

Когда же сеть починят? Что там Руслан выяснил про паспорт и диагноз предположительных близнецов?

— Это когда мы крестились. У него святой — князь Константин-Ярослав, ему и понравилось больше другое имя.

— Крестились?

— Костик придумал, что мне надо креститься, тогда Ахмет сам откажется, но одна я боялась, вот он и пошел со мной. У нас церковь была через дорогу, Господь там работал, туда и пошла.

Кирилл окончательно запутался, и тут пришло спасение в виде Наташи. Она обняла Васю, кивнула Кириллу, и он пошел к двери.

— Спасибо, Кирилл.

— Спасибо, Кирилл, — повторил Костик, стоящий в коридоре.

Он выглядел усталым и встрепанным.

— Не за что.

— Федор плохо закрыл вольер, они и выбрались.

— Ясно.

— Он извиняется.

— А чего не сам?

— Боится, морду набьешь.

— Надо бы.

— А отец говорит: «Прощайте ближним ошибки их».

— Только ближним?

— Ну, чем ближе, тем больше прощаешь, так ведь?

Кирилл неожиданно вспомнил, как Костик прижимался к нему в темноте, и его дернуло, словно током. А Костик еще и вскинул бездонные глаза с такой надеждой, словно Кирилл и вправду должен был его за что-то простить.

— Ты как имя сменил?

— В паспортный стол ходил. А как еще можно? — нарочито удивился Костик.

— А Вася?

— А Вася Васей так и осталась. Василиса отроковица. Дать почитать житие?

— Костя!

От лестницы звал старец, Костик бросился туда, забыв о Кирилле, и это почему-то было обидно.

— ...а кто еще? Ростик?

Дверь в келью старца закрывалась неплотно, и Кирилл хорошо расслышал пренебрежительное фырканье Костика.

— Не благословляю. Тебе бесполезно.

— А что еще мне бесполезно? Играть с мальчишками? Ходить без шапки?

— Ярослав...

— Да, Евгений Виленович? — прозвучало с недобрый намеком.

Что же у этих двоих случилось такого, что теперь Костик из старца веревки вьет?

— Возвышающий себя падет.

— Не упадешь — не поднимешься.

Старец помолчал и выдохнул:

— Делай, как знаешь.

Кирилл поспешил к лестнице. Интересно, что именно Костик у него выпрашивал? И как они все не путаются в именах? Ладно — Ростик, он больше обзывает, чем называет, но Вася, старец, кто там еще его знал Ярославом, они что, привыкли уже?

Вечером Кирилл спустился на молитву. Паства тихо переговаривалась. Недоумевали: по субботам старец обычно говорил проповедь, да и исповедники были.

Служба началась как обычно: Даша читала, сектанты крестились и кланялись. Дверь исповедальни открылась и оттуда выступил Костик. В светлом подряснике, с причесанными на пробор волосами, он напоминал какого-то неприятного книжного героя. Встал

посередине сцены, внимательно оглядел молящихся, вскинул голову и вкрадчиво начал:

— Еще один день прожит, дети мои. Возблагодарим Господа!

То, что у старца получалось ласково и по-отечески, в исполнении келейника звучало неприятно и даже угрожающе. Все затихли. Пока пел хор, Костик молчал, обводя взглядом паству.

В этот раз Кирилл оказался напротив сцены, и Костик уставился прямо на него. Это раздражало. Кирилл стал смотреть за его плечо, на Ростика и хор.

— Нам ведь есть за что благодарить, правда? — продолжил Костик ласково. — У нас ведь все хорошо. Мы одеты, не голодны, нас никто не гонит и не держит в темницах. Мы любим друг друга. Заботимся. Молимся. Ни у кого нет тайных мыслей, нечистых помыслов. Так ведь? Мы чисты перед Господом и нам не в чем себя упрекнуть?

Кирилл аккуратно скосил глаза. На лицах слушающих отражалось совсем не довольство жизнью или благодарность. Многим было неловко. А Костик продолжал:

— Никто ведь не задумал донести на брата и предать отца?

Он смотрел на Кирилла, тот сморгнул, но не отвел взгляд. К черту твои приемчики, парень. Мы тоже не пальцем деланы.

— Чиста ли наша совесть? Исполняются ли заповеди? Верны ли мы? Не алчем своих тридцати серебряников? Готовы положить душу за ближнего?

От издевки, звучащей в голосе, Кирилл поморщился. «Апостолы» и «мироносицы» стояли с застывшими возвышенными лицами, хмурился только Ростик, но тоже молчал.

— Господь наш, — почти прокричал Костик, подняв руку к небу, — делает это для нас ежедневно. Распинается ради грешников, живет одной молитвой, и чем же мы отвечаем? Непослушанием. Гордостью. Самостью. Злобой. Предательством. Так ли это?

Головы слушающих качнулись, соглашаясь, многие так и остались склоненными. У кого-то тряслись плечи.

— Что же делать? Пасть на колени и возопить к Господу о прощении! Ибо нет здесь невинного! Нет светлого! Ни одного! Все — рабы неверные! Гробы покрашенные, внутри полные костей мертвых и всякия нечистоты! И только любовь Отца защищает вас от геены огненной, Его жертва закрывает от готового пасть огня! Молите же у Всевышнего защиты и милости. Только он спасет от смерти земной и небесной!

Костик обвиняюще протянул руку — и сектанты в едином порыве преклонили колени. Кирилл оглянулся: он один возвышался среди склоненных людей. Костик смотрел прямо на него, и желание упасть со всеми сделалось почти нестерпимым.

— Плачьте! Кайтесь! — приказал Костик, не отводя взгляда, и казалось, что он безумен и уверен в своей правоте, как древние инквизиторы. — Господь простит, нужно только осознать свои грехи и смирить гордыню.

За спиной Костика Вера аккуратно поддержала юбку и опустилась на сцену. Хор последовал за ней. Теперь на Кирилла смотрели все. Костик — в упор, Ростик — задумчиво, стоящие на коленях сектанты — словно готовы вцепиться и усадить силой.

— Не всем дано увидеть свою мерзость сразу. Некоторые живут так долгое время. Но Господь посетит их, как посетил нас. А пока будем молиться о ближних и плакать о них, ибо конец нераскаянных близок и страшен.

подавив ощущение, что за него заступились и запретили трогать, Кирилл сделал над собой усилие и все-таки встал на колени. Костик сдержал улыбку и вскинул руки. Поднявшийся хор запел:

— Ныне отпускаеши раба своего Владыко...

Кирилл затошнило. Он едва не вскочил на ноги, но сдержался. Сектанты уже перестали хмуриться, на лицах появились улыбки, все явно расслабились. Ростик мягким баритоном выводил:

— Яко видеста очи мои спасение Твое...

Костик смотрел на склоненные перед ним головы и тяжело дышал, словно бежал или дрался, и удовольствие на его лице было почти неприличным.

— Свет во откровение языкам...

Дверь исповедальни закрылась, и к ней тут же выстроилась очередь.

— И славу людей Твоих Израиля.

Остаток службы Кирилл бесился. Все время хотелось отряхнуть колени и умыться, словно лицо в чем-то липком. И набить Костику морду. Ишь, нашелся, великий инквизитор! А рожа-то какая довольная! Словно всех нагнул.

«А он и нагнул! — подзуживал гадкий голосок в голове. — И тебя нагнул. И теперь у тебя одно желание — доказать, что ты круче и рога у тебя длинней. Ну, иди, пободайся. Тебя же для этого сюда прислали, с психами малолетними воевать».

И голосок этот был до обидного похож на Костиков, оттого Кирилл даже не заметил, как оказался в очереди, а потом и у двери исповедальни. Толкнул ее и пнул, закрывая. Костик повернулся на звук:

— Да ладно!

Кирилл осмотрелся. В узкой комнатке с занавешенным окном едва помещались кресло, аналой с толстой книгой на нем и подсвечник. Половина свечей догорела, и в полумраке Костик, сидевший в кресле, виден был фрагментами: белым — лицо и руки, серым — подрясник, глаза, когда в них отражался свет, взблескивали ярко-желтым.

В голову сразу полезла всякая дрянь про кресты и осину. Креста на Кирилле не было, и хорошо: с волками — по-волчьи. Он и так слишком долго тут отличника изображал.

Второго стула не было, наверное, посетителям полагалось встать на колени. Кирилл удобно уселся на пол, и Костику пришлось согнуться почти пополам, чтобы видеть лицо собеседника.

— Фиговый ты пастырь, Ярик.

Костик оскалился, выпустив сразу и нечисть, и инквизитора. Еще и глаза блеснули. Вышло настолько странно, что Кирилл напрягся: вдруг кинется, загрызет.

Не загрыз — огрызнулся:

— Ты-то что в этом понимаешь?

— А что тут не понимать? Что ты — ублюдок с манией величия? Хочется власти, а старец не дает?

Костик дернулся, выдохнул, явно пытаясь взять себя в руки. Не так скоро, парень.

— Ты зачем пришел?

— Хочу облегчить душу. У меня есть тайные помыслы. — Кирилл поднялся и навис, с удовольствием наблюдая, как Костик ерзает в кресле, пытаясь отодвинуться, только, вот, некуда. — И желания.

— Я не буду с тобой разговаривать. Жди отца.

— А если мне невтерпеж? Дашь своей водички, как Сашеньке?

— Там было успокоительное! Я сам его пил!

Костик влез в кресло с ногами и вцепился в подлокотники. Кирилл подавил смех: ну

орел! Или бойцовый петух, вон, гребень весь растрепался и глаза горят.

— А тебе как раз полезно: дерганый весь. Совесть покоя не дает? — Кирилл поймал Костика за руку и провел пальцами под рукавом, нащупывая следы. — Ты ведь «не хочешь жить, никому не нужный». Неужели не мог погуглить, что резать надо не поперек?

Костик вздрогнул. Кирилл пригнулся, чтобы лучше видеть лицо — и как провалился. В сумраке глаза Костика казались совсем бездонными, вспыхивали в такт свечам и не давали отвести взгляд. Версия про гипноз уже не казалась такой бредовой.

— А я погуглил, — медленно проговорил Костик. — Мне был нужен месяц до совершеннолетия. Да и с армией потом проще.

Значит, погуглил. Продумал. Время, небось, выбрал, чтобы побыстрее нашли.

— А старца-то за что? — тихо спросил Кирилл.

— А мы в ответе за тех, кого приручили, — зло бросил Костик, оттолкнул Кирилла и исчез в стене.

За занавеской была еще одна дверь, а за ней — комнатка с узкой кроватью. Горела настольная лампа, Костик стоял спиной и пинал коленом тумбочку.

— Ух ты! Это что, для особых грешников? Чтобы сразу епитимью? А горох где?

— Какой горох?

Костик повернулся и смотрел исподлобья настороженным темным взглядом.

— Чтоб на колени ставить. Или ты без гороха? По доброй воле?

Костик гадливо скривился:

— Зачем, Кирюш?

Имя вдруг ударило по больному. Даже не по памяти — по мечтам, которые с таким же «Кирюш» были посланы вслед за «веройнадеждойлюбовью». «Ты же все понимаешь, Кирюш...», и Кирилла снесло.

— Что «Кирюш»? Часто тут бываешь?

— Уходи.

— Да ладно! Давай я тебя исповедаю. Кайся!

— В чем?

— Ты же хочешь на место Бога? Кайся в гордыне. В похоти. Сам же набивался! На колени мне кто залезал? А теперь целочку корчишь?

Кирилл толкнул Костика в грудь. Тот охнул и упал на кровать, задев рукой лампу. Та грохнулась на бок, мигнула, погасла, Костик попытался встать, но Кирилл пихнул его обратно и навалился сверху.

— Пусти! — зашипел Костик ему в лицо.

— А ты ведь мне рад. Или у тебя телефон в кармане?

— А у тебя — уголовный кодекс? Пусти!

Он старался освободиться, но не справлялся, задыхаясь от тяжести и, наверное, злости. Горячие выдохи жгли как пощечины. Попытался ударить головой, но промазал, только вскользь задел щеку, оставив влажный след.

Сквозь одежду ощущался чужой жар, а когда Костик высвободил руку и уперся Кириллу в грудь, ему тоже стало горячо и нечем дышать.

Они были так же близко, как там, с собаками, и было так же темно, но теперь Кирилл был этому даже рад. Возникшее вдруг желание ощущалось как боль, хотелось задушить ее,

выплеснуть, избавиться, и он бил — не кулаками — словами, выплевывая в темноте лицо:

— Со старцем, значит, можно, а я чем хуже? Или с ним — это для карьеры?

— Пусти, сука!

— Подумай, Ярик. Я ведь могу всю вашу шарашку прикрыть. Собачки на грудь, говоришь, прыгают?

Костик замер. В темноте Кирилл различал только голову на белой подушке, волосы, торчащие во все стороны, провал рта и темные пятна глаз. Рука дернулась, сгребая футболку Кирилла в кулак, разжалась. Стало холодно, словно в грудь плеснули водой. Кажется, начинал бить озноб.

— Доходит? На каждого что-то да есть. Но вот лично тебя я готов отпустить. Если попросишь. А если хорошенько попросишь, может быть еще кого-нибудь подарю.

— Ты на работе. Тебе нельзя! — напряженно выдохнул Костик.

Кирилл засмеялся, стараясь сдержать дрожь.

— Я в отпуске. И вообще, кому из нас поверят? Клиенту психушки или сотруднику органов? А?

Ощущение победы портилось напрочь. Тем, что Костик больше не шевелился, не скрипел зубами, не шипел. Он как будто уснул, и пришлось наклониться к самому лицу, чтобы разглядеть, что глаза открыты, а губы скривила не то улыбка, не то судорога.

— Ну так что, Ярик? Готов положить душу за ближних? Или, все-таки, по любви?

Глава 11. Но избави нас от лукавого

Стук в дверь выдернул в реальность. За стенкой Ростик обеспокоенно звал:

— Кости-и-и... Константин, вы еще долго? Нам бы отпуст прочитать.

Слышимость, как в картонном домике. Кирилл постарался дышать потише. Костик набрал воздуха и будничным голосом распорядился:

— Пусть Даша читает.

Дверь закрылась. Кирилл медленно выпрямился. В ушах звенело и немного вело голову. Надыхался чем-то? Пахло пылью, ладаном и гарью потухших свечей.

— Иди, — приказал Костик с кровати.

Не послушаться почему-то не получилось. Кирилл кивнул темноте и пошел к выходу. За спиной было слишком тихо.

Даша уже дочитала завершающие молитвы, почти все разошлись, а те, кто остался, старались не пялиться, но не получалось. Кирилл шел к лестнице, ощущая спиной любопытные взгляды «братьев» и «сестер». Интересно, на Костика они так же будут глазеть, или он, как жена Цезаря, вне подозрений?

У лестницы догнала Вася, тронула за руку и утешающе погладила по плечу.

— Не отпустил? Не расстраивайтесь. Вот Господь поправится, можно будет к нему сходить.

— Кто не отпустил? — не понял Кирилл.

Муть все не проходила. Если бы он что-то пил или ел, точно подумал бы, что отравили. Или это Костик так на него действовал — как мухомор?

— Грехи не отпустил, — пояснила Вася и улыбнулась. — Костик всегда так, всю душу вымотает. Вы лучше к Господу идите, он добрый.

— Спасибо, Васенька.

Она кивнула и отошла. Так вот чего все глазют? Думают: дурак, в первый раз к местному Торквемаде полез, не мог подождать. Кирилл теперь не понимал, на кой его вообще туда понесло.

«Привет! Прости, что так поздно. Солнышко, мне нужна помощь. Завтра увидимся. Спокойной ночи!»

Сообщение прочли и ответили смайликом. Вот и хорошо.

В комнате было пусто.

В голове было пусто.

В душе — гадко до невозможности, как будто это не он, а его прижимали к кровати в темноте и крутили руки. Хотелось оправдаться работой, но сам-то Кирилл помнил злое горячее удовольствие от чужого испуга и слабости, от ощущения собственной власти, и тут никаким «злым полицейским» не убедишь себя, что старался только для дела.

Тошно было физически. Кирилл даже постоял над унитазом, но тошнота отпустила. Еще бы отпустили воспоминания о собственной реакции на то, что должно было стать акцией устрашения, а стало чем-то другим. И отмахнуться от беса, шепчущего, что Костик был не

против, даже если не понимал или не хотел признавать. Но Костик-то оторва, пропащий, сволочь и сектовод, а Кирилл не такой. Он не может. «Но хочет» — хихикал проклятый бес слишком знакомым голосом, и, чтобы заткнуть его, Кирилл саданул кулаком в стену и ногой о кровать.

Холодный душ не слишком помог, только затрясло еще больше. Кирилл выкрутил батарею на максимум, завернулся в одеяло, закрыл глаза и провалился в ледяной сон, в котором за ним гонялись по пустым улицам незнакомого города, потом он бежал за кем-то, искал адрес, но постоянно выходил к заброшенному вокзалу.

Сон был привычным, лет пять как сменившим красочные кошмары, но изматывал так, что, просыпаясь, первые минуты Кирилл не мог оторвать голову от подушки и пошевелиться.

А когда оторвал, подумал, что еще спит: на полу, прислонившись спиной к стене, сидел Костик и шарился в телефоне. Поглазев на подсвеченное инфернальным синим лицо, Кирилл спросил:

— Ты комнаты перепутал? Или гуглишь «как правильно задушить во сне»?

Костик покачал головой, дописал и отложил телефон. Тот остался включенным и подсвечивал творящийся сюр, изредка помаргивая.

— Нет. Надо поговорить.

— До утра подождать не могло?

Кирилл сел, прикрывшись одеялом. Вроде больше не знобило, наоборот, от тепла в комнате нечем было дышать.

— До утра ты мог передумать, — возразил Костик. — Я хочу уточнить: насколько мне нужно постараться, чтобы ты забыл про нас?

— Что?

— Что нужно сделать, чтобы ты отсюда убрался? У тебя есть список желаний? Можно поделить на группы: во сколько обойдется второй этаж? По кельям или по людям? Условный Эмиль меньше Наташи с Васей?

Кирилл растер руками лицо, опасаясь, что еще не проснулся. Он думал, Костик кинется к старцу, будет негодовать или давить на жалость, но вот такого бухгалтерского подхода не ожидал.

— А что не весь монастырь?

Отмахнулся. Не нужен ему монастырь. А кто именно нужен? Ради кого он согласен... Кирилл сжал кулаки, заставляя себя говорить спокойно.

— Список, говоришь? Ну, запиши всех по мере значимости, обсудим.

— А ты пока тоже примерный список составь, ну, чтобы я хоть приблизительно знал...

— Чего ожидать?

Такого стыда Кирилл не испытывал давненько. А этот сидел и смотрел на него светлым иноком, доверчиво сведя брови. Как в меме про колобка: ну как тебя, такого... Блядь.

— Точно.

— А что, ругаться и проклинать не будешь? Геенной грозить?

— Могу. Могу даже поотбиваться, если это тебя заводит. Ты записывай, я потом изучу, обещаю.

Костик слегка улыбался. Кирилл понял, что именно представляет, только наткнувшись на слишком понимающий взгляд.

— Ты трезвый вообще?

— Кирю... Кир, ты как-то не очень выглядишь. Может, водички?

Кирилл хохотнул, и Костик согласно потупился.

— Ок. Давай хоть окно открою. У тебя тут как в бане. Кошмары сниться начнут.

Кошмары, угу. Наяву. А как еще это назвать? Кирилл был женат. Кирилл любил девушек. Кирилл пялился на задравшуюся футболку и глотал слюну. Ну почему, блядь? Почему именно сейчас, именно он? За что?

Костик прикрутил батарею, с сомнением осмотрел Кирилла, подобрал телефон.

— Ну, я пока пойду? Мы договорились?

— Примерно.

Кирилл-то точно договорился. Лет так на «от трех до семи» при удачливом адвокате. Да еще на чувство вины, которое ело поедом и толкало на глупости, и это не говоря о других чувствах. Да его не на больничный надо, а пинками из органов. Прав был тесть, абсолютно прав: «Кирюш, ты лох серебристый, эта служба не для тебя».

Утром Кирилл проспал: откликнулся на молитву и рухнул снова. Глаза открылись, когда по коридору засновали с ведрами. Уборка шла вовсю, пришлось поспешно сдирать с кровати белье и тащить в цоколь. Даша устроила выговор за то, что не пришел на утреню, а на обратном пути на глаза попало прекрасное: Александр прислонился к перилам и выставил ногу, а Костик присел и завязывал ему шнурок.

— Ух ты! Это что же за композиция? Пророк на коленях? Что скажет паства?

Костик вскочил и спрятал за спину руки, как ребенок, пойманный с ворованной шоколадкой:

— Привет.

Александр радостно улыбнулся:

— Доброе утро. У меня спина болит, а тут шнурок развязался.

— Ты в гости? Надолго?

— До вечера.

— Ладно, не буду задерживать, еще увидимся. — И повернулся к Костику: — Список жду.

Тот неопределенно кивнул и пообещал:

— В понедельник вечером.

— Сашу туда впиши.

— Обязательно.

Улыбкой то, что перекосило лицо светлого инока, Кирилл бы и в страшном сне не назвал, но остановиться не мог.

— Отдельной строкой.

— Как скажешь.

Александр, успевший подняться на пролет, позвал сверху: «Кость?», и Костик на секунду замешкался, словно ждал разрешения. Кирилл кивнул, отпуская, и побрел застилать постель.

Само паскудное: ему нравилось; вот эта игра в хозяина положения, и измываться над беззащитным Костиком нравилось тоже. И то, что тот не может скрыть уязвимость, дает увидеть, где его пробивает, было так сладко. В пору действительно исповедаться: настолько гадкого нутра в себе Кирилл не подозревал.

— Кирилл, можно вас на минутку?

Вера Сергеевна снова подошла неслышно. Кирилл привычно утонул было в голубых омутах, но обнаружил, что они, хоть и хороши, не дотягивают до Костиковых ни голубизной, ни бездонностью, ни размером, хотя Верины были аккуратно подкрашены, а Костик с утра хлопал опухшими и красными от недосыпа глазами.

— Да, Вера Сергеевна?

— Не могли бы вы еще раз мне помочь?

— Конечно.

В комнате на первый взгляд все было на месте. Кирилл ждал, что скажет хозяйка, но она молчала. Зато постель была красноречиво разобрана, белела отглаженным чистым бельем. Если хочешь — пойми правильно, если нет, просто отвернись.

— Кирилл?

Он мог бы, конечно. И никакие сомнения ему бы не помешали. И даже то, что ее звали как бывшую — мало ли Вер на свете — но, глядя на призывно приоткрытые губы, он вспоминал другие, тоже узкие. Они с Костилом были в чем-то похожи — глаза, губы, тонкие носы, внимательный взгляд. Раньше бы Кирилл подумал, что хочет ее, теперь — что она напоминает...

— Вера!

Костик влетел и затормозил на пороге, рассматривая их, как внезапно вернувшийся муж. Вера повернулась к нему:

— Что?

— Я передумал!

Она пожала плечами.

— Кирилл, пожалуйста, помогите Костику отнести фоно к нему в комнату.

Кирилл подхватил пианино, сдержал желание извиниться и подтолкнул Костика к выходу. Вера закрыла за ними дверь.

В комнате за компом сидел Федор, а Костик так явно не хотел разговаривать, что Кирилл поставил пианино, куда показали, и ушел. Ничего, в одном доме долго бегать друг от друга не получится.

За обедом Александр сидел рядом, а вот Костика нигде не было.

— Где наш герой? — не сдержался Кирилл.

— Кто?

— Вы же все утро не разлеплялись, а теперь он куда делся?

— А, Костик, — сообразил Александр. — Ему позвонили, пошел встречать.

— Это кого?

Ответ стал не нужен: в трапезную влетел Костик, таща за собой Дарью.

— Здравствуйте.

Она остановилась в дверях, неуверенно кивнула сектантам, улыбнулась Кириллу и Саше, и села напротив. Довольный Костик плюхнулся рядом.

— Здорово, что ты приехала. Правда?

Кирилл кивнул, покосившись на Александра. Тот явно был не в восторге, но когда Костик вот так горел и сиял глазами, остановить его могла только стена.

— И как же так получилось?

Дарья нахмурилась от его тона, но пожала плечами как можно безмятежнее.

— Интересно. Вот вы, Кирилл Борисович, тут уже почти месяц. Наверное, вам нравится И Костик приглашал. Вот и...

От еды она отказалась, умиленно смотрела, как Костик торопится побыстрее все проглотить, а потом они убрались на улицу. Александр тоскливо уставился в тарелку. А ты думал, тут тебя ждут, все глаза проглядели в окошко?

— Пошли погуляем.

Кириллу нетрудно было вытащить Александра из дома: тот погрузился в задумчивость и просто побрел, куда звали, но по мере приближения к беседке начал проявлять признаки жизни. Кирилл же не смущался нисколько: раз он теперь плохой полицейский, может творить, что вздумается, по крайней мере до понедельника.

— А что это вы здесь делаете? — возгласил он, вваливаясь в беседку и таща Александра за собой. — А мы соскучились! Да, Саня?

— Да? — неуверенно отозвался тот.

Парочка, хоть и сидела близко, ничем неприличным не занималась, Кирилл даже расстроился: он-то готовился изображать Отелло, а тут даже за ручки не держатся. Детский сад. Зато Александр взбодрился.

— Я, наверное, поеду.

— А ты на чем добирался? — засуетился Костик. — Дашуль, подбросишь Саню до города?

Он полез в карман.

— У тебя телефон работает? — удивился Кирилл.

— Ну, да. А что?

— У меня уже пятый день не пашет. Пишет, сети нет.

— Да? Бывает. Саш, можно на пару слов? Дашенька, подождешь?

Дарья проводила обоих спокойным взглядом. Явно не ревновала кавалера, не то, что Александр, готовый на Северный полюс за парой слов.

— Ну и что ты тут делаешь? — спросил Кирилл.

— В гости приехала. К другу.

— К другу, значит... Как там Леша, кстати, поживает?

— Спасибо, все хорошо.

— Даш... Ты бы поосторожней.

Понятно было, что все его попытки — об стенку горох. И что можно сказать? «Этот парень псих и манипулятор, держись подальше»? Кто вообще слышит чужие советы, когда влюблен?

— Костик говорил, что вы его не любите, — кивнула Дарья. — И совершенно зря. Он добрый и честный. И заботливый. Вы вот знаете, что когда у него заболел друг, Костик продал квартиру и все деньги отдал на лечение, а сам жил в съемной комнате и подрабатывал в хоре, чтобы было, чем за нее платить?

Информация была новой. Альтруист Костик в нынешнюю картину мира не вписывался. Но мог же и голову девочке задурить.

— В каком хоре?

— В церковном. У них через дорогу церковь была.

— И батюшка в ней работал...

— Тем более, раз вы знаете, должны понимать. Он хороший.

— Ну конечно, хороший. — Для друзей и красивых девушек. — Всех любит, всех утешает...

— Когда старец лежал в больнице, Костик ночами не спал, все время проверял почту.

— А ты-то откуда знаешь?

— Так он у нас ночевал. По полночи в кухне сидел, чтобы не беспокоить.

— Мы же недолго? — ворвался в беседку Костик. — Солнышко, ты не соскучилась?

— Я развлекал, — уверил Кирилл.

Костик слегка замутился, но тут же бодро позвал всех гулять в лес. Александр за спиной был явно согласен, а Кирилл, как ему ни хотелось понаблюдать за треугольником, отказался. Пусть погуляют. Интересно, Костик надеется переключить их друг на друга или нацелился на гарем?

— Я тебе что говорил про Дарью? — угрожающе прошипел он, когда она вышла. — И вообще, ты что вытворяешь?

— До понедельника, — отрезал Костик командирским голосом и сбежал.

Вот же сволочь.

— Перестань глушить его телефон.

— Не перестану. Он в моем компе рылся!

— У него работа такая — рыться. Только не говори, что он что-то нарыл.

— Даже не смог войти! — возмутился Федор.

Чтобы какой-то мент, да сквозь его защиты!

— Вот видишь. Он попробовал, ты ответил, хватит. Включи. А то его потеряют и примчатся вызволять с автоматами.

— Но ты же, Костик, удачно девушку пригласил. Продемонстрировал, что все живы. — Вера расправила юбку и подняла взгляд. — Кстати, хотела предупредить: я увольняюсь, мальчики. Что-то меня в последнее время на море тянет. Вас — нет?

Их если и тянуло, то только выругаться, но при ней все держали себя в руках.

— И когда ты думаешь уезжать?

— Завтра утром.

— А раньше предупредить не могла? Как мы без бухгалтера?

— Найдете другого. Вся документация в ноуте и папках. И проверьте свои счета, а то скажете потом, что там было больше.

— Блядь! — не сдержался все-таки.

Вера поморщилась. Детский дом, как деревню из девушки, не вывести до конца.

— А если проверка?

— Не волнуйся, у меня все в порядке. Вы же за это мне и платили, правда?

— Но почему? Все же нормально! Если ты из-за этого... Извини. Не надо было тебя заставлять.

— Заставлять?

Вера сдержалась, чтобы не взлохматить и без того торчащие волосы. Он ей и правда нравился: такой важный, такой уверенный, что умней всех, такой гадковатый.

— Просто ветер переменялся. Время улетать, мальчики. А по поводу Кирилла... Понимаешь, Костик, вот ты сперва смотришь на мою грудь, а потом выше, а он — сразу в глаза.

Костик отвел взгляд от выреза блузки и замотал головой.

— Он же был женат!

— Не показатель. Но могу дать совет. — Вера склонилась ближе, со смешком наблюдая, как взгляд снова сползает в вырез. — Сверху ты, конечно, неотразим, но снизу смотришься лучше.

— Что?

— Поменьше темного властелина, побольше девы в беде, Ярик, и герой кинется тебя спасать, сам не поймет, как.

Все-таки потрепав возмущенного Костика по голове, Вера встала.

— Ну, как говорится, с вами было приятно работать, мальчики, но дальше сами.

— Я тоже уезжаю, — спустя минуту выдал Федор.

Он совершенно никуда не собирался, пока за Верой не закрылась дверь.

— Крысы вы, — обозлился Костик. — Еще ничего не случилось...

— А надо, чтобы случилось? Это тебе похуй, а я с деньгами работаю.

— И что, я один теперь должен со всем ебаться?

— А мне похуй! Я уезжаю!

— Ну и катись! Крыса! Сам разберусь!

— Разберись! Вера плохого не посоветует! Я жопу ментам подставлять не нанимался, а ты — давай! Вперед! Может еще понравится!

Федор хлопнул дверью и выдохнул только на подходе к вольеру. Нужно сперва успокоиться, а потом соваться к животным.

Телефон заработал так же внезапно, как отключился. Кирилл даже не сразу заметил: весь понедельник носился по поручениям. То в монастырь, то в подвал, то на крышу. Так и ждал, что отправят в лес за подснежниками. Он бы подумал, что Даша ему за что-то мстит, но та смотрела умильными глазами и улыбалась так ласково, что Кирилл просто кивал и шел, куда посылали.

Только после вечерней молитвы, дождавшись, когда в коридоре перестанут ходить и хлопать дверями, набрал Руслана. Тот что-то жевал.

— Слушаю.

— Это я слушаю. Что-то новое есть?

Руслан пошуршал бумажками, сказал кому-то: «Нет, по работе», вздохнул.

— Ты мне сейчас семейную жизнь ломаешь. Ладно. Про что тебе рассказать?

— Про Биевского.

Костик опять от него бегал. Кирилл уже готов был перевести их договоренность в шутку, но сообщить об этом было некому: Костика как корова слизала. Не утопился же он от перспектив?

— Про Биевского... Так. После попытки суициднуться наш клиент лежал в частной клинике, вышел аккурат в день совершеннолетия. Дееспособен.

— А что за диагноз?

— Депрессия. Не помню, как по-научному, но не псих.

— Ладно. Откуда у сироты деньги на клинику? Либо он кому-то сильно задолжал...

— Либо ему был кто-то сильно должен, — хмыкнул Руслан. — Да иду, иду уже! Прости, не тебе.

— Я понял.

— Примерно тогда же его любимый учитель продал двушку в хрущевке и переехал в съемную комнату на задворках. А Биевский вышел из клиники здоровенький и исчез с радаров.

— Думаешь, Вайс ему заплатил, чтобы Костик молчал, и вся эта история — не школьные сплетни? А к нашим делам каким боком? Ладно, Крылов мог старца шантажировать, но бармен-то местный. И что там с фамилией?

— Действительно, поменял при заключении брака. Под обеими нигде не проходил, даже свидетелем.

— Зачем тогда менял?

Дверь аккуратно закрылась. И ведь даже не скрипнула, зараза. Интересно, сколько он тут услышал, пока Кирилл хлопал ушами?

— Хотелось забыть о прошлой жизни, наверное, — расслабленно пояснил Костик. — И Наташкина красивее.

Он вошел и привычно уселся на пол. Кирилл оборвал звонок и вопросительно посмотрел на гостя.

— Удалось забыть?

— Не особо.

— Зато под дверью подслушиваешь, как профи.

— Тяжелое детство, детдомовские привычки.

— И прибедняешься. А, может, ты от кого-то прячешься? ФИО сменил, в глуше забрался, прикрылся старцем? Может, тебе помощь нужна? Ты расскажи, покайся, я помогу.

— Ты очень поможешь, если уедешь отсюда.

— Ну, раз я тебе так противен... Список составил?

Кирилл и сам себе был противен. Что ему дался этот проклятый список? Просто, чтобы посмотреть, как Костик хмурит брови и досадливо выдыхает?

— Я же сказал, мне нужны все.

— Обычно спасают близких людей. Или ты здесь со всеми уже... сблизился?

— Ты обо мне слишком хорошего мнения.

— Не надейся. Ну что, пройдемся по именам? Просто интересно, кого ты еще не успел трахнуть. Вася?

— Побойся бога.

— Наташа?

— Наташа — не трахнуть, Наташа — законная супруга. Прекрасная женщина. Быстро от меня устала.

— Кто еще? Леночка?

— От нее устал я. Но мы это не афишируем, если что.

— Понял. Кто еще у нас есть? Ростик?

Костик рассмеялся.

— Ростик? Вот убил бы он меня с удовольствием. И у него — Венера.

— Сколько слышу про эту Венеру, прямо хочется посмотреть.

— Не надо, — покачал головой Костик. — А то Ростик убьет тебя. Я серьезно.

— Ладно. А старец? С какого-то фи́га он же тебя пригрел? Сколько тебе было?

— Пятнадцать. Отец очень много для меня сделал.

— То есть с ним — по любви? Я понял.

Костик вздохнул и поднялся.

— Кирюш, что-то ты слишком заиклен на теме. Нет, развод, нервы, давно без секса...

Но если ты всегда больше любил поговорить, чем сделать, я понимаю твою жену.

Он потянул со спины толстовку, и Кирилл удобно ухватил оба запястья, спутанных рукавами, а второй рукой — за подбородок, чтобы не увернулся.

— Ах ты, сучонок.

— Так и будем стоять? — поинтересовался «сучонок», нагло щурясь. — Устанешь.

И Кирилл сразу же устал так, что потяжелела голова и заныли ноги. Он разжал руки, отпихнул нагло лыбящегося Костика от себя и сел на кровать.

— Уматывай.

— Что так?

— Не понравился ты мне.

— А наобещал-то!

Костик, совершенно не удивившись, натянул толстовку обратно и пригладил волосы.

— С тобой вообще все в порядке? Может, таблеточку?

— А у Наташи и виагра найдется? — через силу «удивился» Кирилл.

— Это я настолько тебя не возбуждаю?

Возбуждаешь, сука. И, сдается мне, специально. А вот спать ты со мной не хочешь. А чего хочешь — хрен тебя знает.

Костик внимательно всматривался Кириллу в глаза, и тот, запоздало вспомнив совет Ростика, зажмурился. Надо бы рывкнуть на наглеца, но было ужасно лень. А Костик уже стаскивал с него кроссовки.

— Давай, уложу. Тебе кошмары не снятся?

— Ты точно не снишься, не надейся.

— Вот и хорошо.

Под это воркование Кирилла раздели и запихнули в кровать, как маленького. Костик и одеяло ему подоткнул, и по голове погладил.

— Спи. Скоро уедешь, пойдешь на работу, а там — последнее дело закроют, и забудешь о нас.

— Три, — пожаловался Кирилл в полусне.

— Одно осталось, — утешил его шепот в ухо. — И все. И успокоишься.

Как хорошо. Кириллу уже сейчас было спокойно. Он улыбнулся, обнял одеяло и уснул. Костик еще постоял над ним, судорожно вздохнул и поморщился, заметив, как дрожат руки.

— Ну ты и твердый, Кирюша.

Твердый Кирюша всхрапнул. Костик очнулся, пошарил по стене, выключил свет и вышел.

Глава 12. В страну далече

Утром Кирилл смутно помнил, что разговаривал с Костиком. Морды друг другу не били, и, упаси боже, не трахались. Но, поняв, что это скорее печалит, чем радует, решил, что надо сваливать, да побыстрей. Прицепиться тут точно не к чему: деньги несут и пахнут на общину по доброй воле, а что старца считают богом — это, скорее, к психиатру. Даже если оба «несчастливых случая» подстроены — не докажешь. Нужно рыть по третьему, а для этого сидеть в скиту и пускать слюни на местного гуреньша не обязательно. Но только Кирилл решил напроситься на аудиенцию, как старец сам вышел на крыльцо и обрадовался ему, как родному.

— Как кстати! Наташенька, отдохни. Мы с Кириллом погуляем.

Наташа молча вернулась в дом.

— Магдалина? — спросил Кирилл, поддерживая старца на лестнице.

Тот улыбнулся и покачал головой. Они медленно побрели в сторону беседки.

— Можно и так сказать. Кирилл, вы уже давно живете с нами. Вместе молитесь, вместе трудитесь и преломляете хлеб. Семья приняла вас. Не хотите ли вы принять ее? Стать посвященным?

Кирилл напрягся. Похоже, старец решил, что зря его кормит. Пора и пользу приносить, Кирюша, дружочек. Ладно, он все равно собирался валить.

— Посвященным во что?

— Вы слышали про Второе пришествие?

Разумеется, слышал. Мама читала ему Апокалипсис на ночь вместо сказок, попробуй забудь.

— Это когда вернется Бог и всех будут судить?

— Бог уже здесь и собирает верных. Уверовавшие — спасутся, отвергнувшие спасение снидут во ад.

— А как же: «Не ходите, если вам скажут, что он в пустыне»?

Старец покачал головой:

— Матфей ошибался. Я Пастырь добрый и собираю достойных и чистых.

— А остальных?

— На их голову падет.

Кирилл поежился и заставил себя выпрямить спину. Рядом с невысоким старцем тянуло сгибаться и кланяться. И фанатиком он не выглядел. Вот Костик — горел и давил, а старец ждал ответа, спокойный и собранный, уверенный в своей правоте.

— А вот у меня соседка есть, пенсионерка, троих усыновила, подняла, всем помогает, но к вам не ездит. Значит — не спасется? Тоже в ад?

— Увы.

— И не жалко людей?

— Конечно жалко. Но каждый выбирает путь сам. Что выбираете вы? Спасение или смерть?

Кирилл передернул плечами: на секунду показалось, что в спину целятся, и от ответа зависит, спустят курок или нет. Совсем нервы стали ни к черту с этими психами.

— Я же могу уйти?

Старец медленно кивнул:

— Можете. Иуда тоже ушел с Тайной вечери, но это не принесло ему добра.

— Ну, сам я не повешусь, разве что кто-то поможет.

А ведь действительно, могут помочь. «Апостолы», к примеру, ребята спортивные, да и Ростик в неплохой форме. Старец укоризненно вздохнул:

— Ну что вы, Кирилл. Если хотите уйти, Семья будет горевать о вас и молиться. В миру отрекшегося от благодати ждут беды, болезни и горе, но блудный сын всегда найдет любовь в отчем доме. Милосердие мое безгранично. Помните об этом в стране далече и возвращайтесь.

Он уже собрал рюкзак и присел «на дорожку», проверяя, не забыл ли какой мелочи, как дверь стукнула в стену и снова захлопнулась.

— Уезжаешь? — Костик хмуро оглядел комнату. — Почему так внезапно?

— Внезапно? — удивился Кирилл. — Ты же сам меня отсюда выпроваживал. Вот и еду.

— С отцом говорил? — не принял подначки Костик.

Он выпрямился и построжел — перестал валять дурака.

— Говорил.

— И?

— Ну что ты от меня хочешь? Чтобы я серьезно поверил в его бредни? Я вам не Леночка! Вот ты сам веришь, что он — бог? — Костик смолчал — Во-от! И что мне, в ножки ему кланяться, Господом называть? Да вам сюда надо бригаду психиатров вызвать!

— Не уезжай. Завтра Саня с Настей приедут, поможешь их тут устроить.

— Куда устроить? Зачем?

— У них отпуск, здесь поживут. И Дарья будет. Погуляем, поговорим...

— Зачем вам пятый лишний? Да и старец четко сказал...

— Оставайся.

— Чтобы выгнали силой?

Костик перебил:

— Я, по твоей логике, получаюсь сын божий. И отец дал мне власть и суд творить. Вот я и творю. Ты тут живешь, на исповеди был, на моления ходишь. Никто не станет спрашивать: ты уже наш.

— Да уж, исповедь...

Кирилл передернулся, отводя глаза от ухмыляющегося Костика. Стыдно было до сих пор.

— Что было в молельне, остается в молельне. Ну так что? Останешься?

Вот же настырный.

— А старец? — Костик отмахнулся. — Да зачем я тебе нужен?

— Скучно тут. Нормальных людей нет, поговорить не с кем.

Кирилл сморгнул и обнаружил Костика прямо перед собой, тот смотрел вверх распахнутыми глазами, как будто видел что-то прекрасное, и счастливо улыбался. Нет уж, нафиг, надо уносить ноги.

— В городе полно нормальных. Сам отсюда никогда не хотел свалить? Попробуй.

— Ой, Кирюш, это ты меня с собой зовешь, да? — заюродствовал Костик. — А мы поженимся? А жить где будем, у тебя? А...

Кирилл аккуратно отодвинул его за плечи. Что за мелкая пакость? Только заговоришь,

как с человеком, сразу начинает кривляться.

— Прости, Костик, я еще не отошел от развода. Травма, алкоголизм, все такое. И отпуск кончается.

— Поматросил, значит? — фыркнул Костик. — А как же списки?

— В твоём возрасте пора уже не верить всему, что говорят чужие дяденьки.

Костик пожал плечами.

— Ладно, злой полицейский, как знаешь. Если что — возвращайся.

— Про блудного сына мне уже твой отец рассказал, так что не трудись.

Костик по обыкновению хлопнул дверью.

Кирилл хотел уйти по-английски, но провожать его собралась вся «семья». Снова обнимали, звали приезжать, навещать почаще. Так и кружились вокруг, пока не разлетелись в стороны, как рыбки, вспугнутые акулой. Костик на акулу был не похож, но что-то в улыбке намекало на острые зубы.

— Отец передал благословение в путь.

— Спасибо.

Еще постояли, Кирилл вскинул на плечо рюкзак и вышел из терема. Нужно было успеть к паломникам и попроситься в автобус, а он шел, пиная опавшие листья, и не хотел торопиться, как будто правда уходил из дома «в страну далече», оставляя друзей и родных. Надо же, как привык.

На работе встретили буднично, как будто Кирилл и не уходил. Только начальство вопросительно подняло брови.

— Без толку там сидеть. Да и хреновый из меня Штирлиц.

— Ну, что-то же ты узнал, — утешил Руслан.

— Узнал. Что такое отпуск, кто с кем спал, у кого муж богатый. Очень тайная информация. А уж как поможет найти злодеев и дела закрыть!

— Расслабься, — сочувственно посоветовал Руслан. — Закружили уже.

— Что закрыли?

— Два дела закрыли — Крылова и бухгалтера. Я вчера подписал.

— Два закрыли? — в голове что-то забрезжило. «Одно осталось»? Не приснилось, значит? — Блядь! Дарья!

Руслан озадаченно почесал бровь карандашом:

— Почему Дарья — блядь?

— Потому что больше некому! А я думаю, что он хвостом метет? «Солнышко!»

— Поясни.

Кирилл пояснил. Наверное, излишне жестко. Но, встретить он сейчас это «солнышко», белокурую головку точно бы открутил.

— То есть, ты думаешь, она ему все сливает? Ладно...

Руслан мечтательно уставился вдаль. Выдумывает, небось, новую комбинацию, режиссер хренов.

Кирилл встал, дождался рассеянного кивка и пошел к себе. Пока он отдыхал, наверняка горы мусора накопились. Пора разгрести макулатуру, да и отчет написать. «Как я провел отпуск».

— Деев, к начальству!

Кирилл выключил компьютер и потянулся, разминая спину. Что там еще Русу приспичило?

— Вызывал?

Не отрываясь от экрана, Руслан поманил рукой:

— Иди, глянь, чего ребята нарыли.

На снимке в каком-то клубе Костик стоял рядом с высоким парнем.

— Это кто?

— Не узнаешь? — Руслан был так взбудоражен, что чуть не подпрыгивал в кресле. — Наши потерпевший и фигурант.

— Ну, были они знакомы. И что?

Кириллу почему-то не нравилась фотография. Стояли оба слишком близко друг к другу, Костик щурил подведенные глаза (вот же клоун, спер у Васи подводку?) улыбался, но Кирилл, зная его, видел — был зол настолько, что улыбка вот-вот расплзется в знакомый оскал.

— А ты на кофту его посмотри. А? Мало того, что были знакомы, на нем еще тряпка, кусок от которой у потерпевшего в кулаке. Все! — Руслан откинулся в кресле и удовлетворенно выдохнул. — Есть контакт! Теперь не отвертится.

— Точно эта кофта? Ее нашли? Проверили на микрочастицы? Откуда вообще эта фотка? Через месяц после начала следствия?

— Девица, которая их снимала, уехала в отпуск. Недавно вернулась и выложила кучу всего в инстаграм. Паша случайно заметил, просто повезло.

— Повезло...

Кирилл даже не удивился. Наверное, подсознательно был готов к такому повороту.

— Звони и вызывай на допрос.

— А если сбежит?

— Может. — Руслан почесал в затылке. — Значит, бери повестку и дуй туда, а я пока подготовлю материалы.

— Будем задерживать?

— Сначала поговорим.

— Я поприсутствую?

Руслан задумчиво уставился на него, прищурился, потер нос.

— Посмотрим. Поедешь — Пашку с собой возьми, мало ли что.

Кирилл вышел в коридор, достал телефон, рассеянно погладил экран и убрал обратно. Брат он или не брат? Пустят в скит, никуда не денутся. Интересно, Иуда так же паршиво себя чувствовал? Но Костик точно не Иисус, и ему есть, что предъявить, так что совесть Кирилла чиста.

Глава 13. Дева в беде

— Кирилл! Ребята, Кирилл приехал!

Теперь *его* встречали, как Деда Мороза, вот только вместо мешка с подарками в кармане лежала бумажка с печатью, и рука сама ныряла туда — проверить, не испарилась еще? Шуршит? Ждет? Кирилл заставил себя собраться. Это его работа, чего тут стыдиться? Того, что Костик — двуличная мразь и, может быть, убийца? От таких нужно избавлять общество, даже если общество — чокнутые сектанты.

— Кирилл! Мы скучали!

Вокруг снова был хоровод любви. Даже неудобно перед Пашей, но тот молчал и с любопытством оглядывался.

— Где Костик?

— Костик у Господа, — ответила Даша. — А что...

— В кабинете? Пошли.

Перед ними расступились и пристроились следом. И пошли — впереди Кирилл, за ним — Пашка, следом Даша, Эмиль, Леночка, кто-то еще. Так и лезли по ступенькам, таким крестным ходом. Стучаться Кирилл не стал, они с Пашей вошли, остальные остались за дверью.

Старец с келейником одновременно подняли лица от ноутбука. Костик выпрямился и шагнул назад, почти скрываясь за спинкой кресла.

— Здравствуйте, Кирилл. Рад вас видеть! Вы с другом сегодня?

— Добрый день, Евгений Виленович. Это мой коллега.

— Лейтенант Петров, — представился Паша.

— Добро пожаловать.

— Мы, собственно, по делу, — продолжил Кирилл. — И не к вам. Гражданин Биевский...

Он вытащил и развернул повестку, протянул ее в сторону Костика. Старец встал.

— Что это?

— Повестка с вызовом на допрос. Свидетелем.

Свидетелем Костик явно будет недолго, но старец тер левую сторону груди, и Кирилл его неожиданно для себя пожалел.

— Когда?

— А вот сейчас и поедем, — заявил Паша. — Видите, как удобно, прямо до места подвезем.

Костик все-таки взял повестку, но смотрел не на нее, а пялился на Кирилла. Тот на всякий случай отвернулся, но продолжал чувствовать на себе тяжелый, почти осязаемый взгляд. Очень хотелось поднять глаза и узнать, как он смотрит: с ненавистью, осуждением, а, может, страхом? Да, наверняка со страхом. Он ведь знает, что виноват.

— Вы переодеваться будете или прямо так, в рясе поедете? — продолжал излучать добродушие Паша.

Костик расстегнул пуговку на вороте, потянул пояс, задергал полу, в полголоса выругался. Кирилл следил за его руками, чтобы не поднимать лицо. Почему-то представилось, что сейчас он скинет подрясник, а под ним ничего нет. Или эта самая кофта. Ну что он возится?

— Что там у тебя?

— Крючок, сволочь, застрял.

Кирилл машинально дернул Костика на себя, нащупал крючок на боку, отцепил. Паша удивленно хмыкнул, и тут старец начал сползать на пол.

— Эй! Что такое?

Костик обернулся, кинулся к старцу и заорал:

— Вася!

Кто-то сунулся в дверь.

— Вася! Наташу! — прокричал Костик.

У входа начался шум, кто-то толкался, кого-то звали. Кирилл распахнул дверь и рывкнул:

— Пропустите врача!

Наташа с чемоданчиком протискивалась сквозь толпу. Втянув ее в комнату, Кирилл огляделся и сел на стул: они тут явно надолго. Костик звонил в Скорую, Паша жался к стене рядом с остановившимися часами, забытая повестка валялась на полу.

Приехавшая фельдшер ругалась на лестницы, но обрадовалась, когда нашлось достаточно человек, чтобы нести носилки. Ростик, «апостолы» и Эмиль спустили старца вниз и уложили на каталку. Наташа поехала с ним. Кирилл проследил, как отъезжает Скорая, дождался Пашу с Костиком, усадил в машину. Костик так и поехал — в расстегнутом подряснике, с рюкзачком, всунутым в руки Васей. Ростик, стоящий поодаль, приобнял ее и пророкотал:

— Еленочка, а не поздно ли вашего супруга побеспокоить?

Леночка потянула из кармана телефон. Кирилл сел в машину и хлопнул дверью. Его теперь демонстративно не замечали и это почему-то было обидно. Ведь никогда же он не принимал всерьез сектантские нежности, а вот поди ж ты. Смотрят мимо, как будто он прозрачный. Даже Вася, наткнувшись, просто обошла.

Зажатый между Кириллом и Пашей Костик сосредоточенно сверлил взглядом темный экран. Паша покосился, но отнимать не стал, а Кирилл поймал себя на том, что не сводит взгляда с побелевших пальцев. Так и ехали.

На ступеньках УВД в Кирилла влетел Руслан.

— Ты куда? А допрос?

Руслан замахал руками:

— Сашку рожать увезли! На два месяца раньше.

— А свидетель?

— Давай сам. Или отпускаяй, вызовем еще раз.

Паша переглянулся с Кириллом и почесал в затылке:

— И что делать будем?

— Сейчас решим. Биевский, пройдемте.

Паша остался внизу, на лестнице было пусто. Время к вечеру, какой уж тут полноценный опрос, провозились они со Скорой. Костик все еще не сводил глаз с телефона.

— Как там дела? — неловко спросил Кирилл.

— Пока молчат. Наташа должна написать, когда станет понятно.

— Ясно.

Они свернули в коридор. Костик неожиданно выпрямился и сунул руки в карманы. Кирилл выругался про себя: навстречу шла Дарья. С сумочкой, ключами от машины в руке, явно собралась домой. Вот сейчас начнутся расспросы. Но Дарья скользнула по ним взглядом, посторонилась и пошла дальше. Неожиданно. Разругались, что ли?

— Что ты ей сделал? — спросил Кирилл уже в кабинете.

Костик уселся на стул, подобрал полы подрясника и пожал плечами.

— «Тогда он начал клясться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух».

— Даже так? Ты с собственной значимостью не перебираешь?

Костик не слушал: скрючился на стуле и с кем-то быстро переписывался. Как у себя дома!

Кирилл почувствовал, что заводится.

— Ну что, гражданин Биевский, поговорим?

— Не, — мотнул головой гражданин, не отрываясь от экрана, — я не буду разговаривать без адвоката.

— Ишь ты, какой образованный. У нас не допрос, просто беседа. Видишь, я даже протокол не веду.

— Я не хочу беседовать.

— А придется. Иначе я тебя задержу на трое суток и посажу к бомжам.

Костик поморщился и скинул рюкзачок на пол.

— Ну, ладно, злой полицейский, чего тебе?

Как Кирилла бесил этот снисходительный тон! А Костик еще и презрительно шурился, так и хотелось обломать рога.

— Ты его знал?

Фото из паспорта было в меру уродским. Костик взгляделся и покачал головой:

— Нет.

— А так?

Снимок из бара Кирилл показал не целиком, по плечи, но оба стояли близко, и потерпевший Костика приобнимал.

— Не помню.

— Как это не помнишь?

— А ты каждого помнишь, с кем в баре пил?

Телефон неожиданно зазвонил. Кирилл слышал, как в трубке что-то быстро рассказывает Наташа. Костик угукал, ответил «Скоро буду» и отключился.

— Мне пора.

— Сидеть! — рявкнул вконец разозленный Кирилл. — Ты оборзел? Кто тебя отпускал?

— Ну так отпускай! — так же зло огрызнулся Костик. — Мне надо к отцу.

— Поговорим и пойдешь. Сел быстро!

Костик свалился на обратно на стул и уставился прямо в глаза, но Кирилл был на взводе, пусть хоть дырку просверлит, а делает, что говорят.

— То есть потерпевшего ты не знаешь?

— Нет.

— Ты же понимаешь, что автор фотки тебя помнит? И фотка такая может быть не одна?

И бар известен. Кстати, тебе вера не запрещает шляться по барам и клеить мальчиков?

— А тебе погоны — людей насиловать? Или в отпуске — можно?

Ах ты дрянь! Кирилл старался выкинуть из головы свою дурость в молельне, и Костик, казалось, выкинул тоже. Оказывается, нет. И криво скалился, выпустив нечисть. Волосы топорщились, как рога и только хвоста не хватало, а в горле, кажется, слегка перекатывалось еще не рычание, но мурашки бежали по спине, как от тех собак.

— А если я покажу вашему богу пару фоточек погорячее, тебя из дома не выкинут? В тьму кромешную?

Костик вскинул глаза и Кирилла облило светом, вот только что там полыхнуло — радость или страх — он понять не успел.

— Если ты покажешь ему пару фоточек, — медленно проговорил Костик, — богом стану я.

— Только что тебе пользы, если посадят?

— С чего это посадят? Я этого бармена пару раз видел.

— Бармена?

— Когда его в башне нашли, фотку всему монастырю в нос тыкали. А пил я с ним один раз, и то в компании. Там человек восемь было, всех будешь сажать?

— Ладно. А учителя своего бывшего ты напоил? А потом так удачно нашел — явно знал, где лежит подарочек.

Костик снова строчил в телефоне.

— Дай сюда! — Кирилл выдернул трубку и бросил на стол. — Отвечай!

— Не я.

— Есть такая штука, экспертиза называется. Микрочастицы всякие, на руках, на одежде, на бутылочном горлышке...

— Дело закрыто!

— А ты уверен? Может твоя девочка не нас сливала тебе, а тебя нам? Хочешь, позовем, спросим?

— Нет!

— Что нет? Не хочешь видеть? Прошла любовь?

Экран телефона опять засветился. Костик уставился на него, словно хотел прочитать силой мысли, потом перевел взгляд на Кирилла и вдруг поплыл из нечисти снова в светлого инока. Кирилл впервые видел эту перемену так близко, и засмотрелся: изменилась улыбка, словно попрятались острые зубы, разгладился лоб, брови расправились и легли ровными стрелами. Вроде бы и то самое лицо, и — совсем другое. Умоляющий светлый взгляд затягивал в себя, как в сказках — лишая воли.

— Кирюш, мне очень надо уйти. Отец зовет.

— Что там?

— Предынфарктное состояние. Покой нужен, а он думает, что меня посадили. Кирюш, пожалуйста! Давай, я завтра приду и все расскажу?

— Что расскажешь?

— Все! Все, что захочешь, то и расскажу.

— Правду хочу.

Кирилл уже и отвечал почти на автомате, стараясь помнить, что они тут по делу, а сам соглашался: действительно, завтра Руслан его еще раз вызовет, и пусть разбираются сами, кто там кого и куда.

— Конечно правду!

— Прекрати сейчас же!

Кирилл стряхнул морок и зло уставился на подобравшегося Костика, но не в глаза, а в переносицу. Ну, просто на всякий случай.

— Ты как это делаешь?

— Что делаю?

— Не валяй дурака! Вот это все! Глаза отводишь, глазишь, гипнотизируешь... хрен его знает. Ну?

— Не знаю, Кирюш, — Костик пожал плечами и виновато улыбнулся. — Я ничего не делаю.

— Не делаешь?

Кирилл сдернул Костика со стула и потянул на себя, тот покорно шатнулся навстречу.

— Собак на бухгалтера кто выпустил?

— Они сами!

— А с Крыловым кто пил? Ну?

— Я с ним не пил! — затрепыхался Костик.

— Говорили о чем?

— Пусти! — Костик отшатнулся к столу, ударился, зашипел, потирая задницу. — Мало было этому гаду, что мы уехали, сюда добрался, всем, говорит, расскажу, что их старец пидор и педофил!

— Ну, ты и дал ему бутылку.

— Нет, — ухмыльнулся Костик. — Я ее просто переставил из шкафа на подоконник и отлучился. Он ведь мог не брать? Правда же? Сам виноват.

— А бармен тоже сам упал с лестницы?

— Да!

Костик осекся.

— Ну, не останавливайся, — подбодрил его Кирилл, — ты уже почти все рассказал. Давай, облегчи душу.

Костик застыл, не сводя с Кирилла испуганных глаз, они заблестели, медленно заполняясь слезами, губы некрасиво скривились, лицо сморщилось. Слезы потекли по щекам, скапливаясь под подбородком, Костик смахивал их, хлюпал, вытирал нос рукавом и не отводил умоляющих глаз.

— Он сам! Сам! — шепотом повторял он и вдруг закричал: — Это не я!

— А кто? — тихо спросил Кирилл, хотя хотелось сейчас не допрашивать, а прижать к себе и пообещать, что все будет хорошо, они во всем разберутся.

Он же и разбирается, правда? Не мог же Костик хладнокровно убить? Конечно не мог!

— Он сам упал!

— А как вы там оказались?

— Он меня выследил. Я его тогда еще, в баре, послал нахуй, а он следил. Приперся прямо в церковь, сука! «Поговорим», типа. Лизаться полез, а мне же нельзя, нельзя, чтобы видели, а башня не запиралась, он меня туда заволок! Я — наверх, он за мной. Кирюш, я не хотел... Я не толкал, он сам.

— А почему никого не позвал?

Эксперты установили, что парень сломал шею, труп пролежал на ступеньках несколько дней, пока на него не наткнулись дети паломников, из любопытства влезшие в заброшку. И все это время Костик ходил на моления, пел свои песни, общался с сектантами. И что, нигде

не тянуло?

— Я сперва звал, подходить боялся, потом потрогал — он мертвый был.

— Сбежал-то зачем?

— Да кто мне поверит? — заорал Костик. — В психушке лежал? Детдомовский?

Накурился и пошел убивать, наркоман.

— А ты накурился?

— Накануне. Ничего серьезного, для настроения. Но вам же все равно, лишь бы посадить.

Кирилл разглядывал хлюпающего Костика и сомневался. Нет, не в его рассказе — тут все примерно складывалось в картину, которую прикинули они сами. Он сомневался в себе. Он ведь тоже был бы уверен, что накурился и наркоман, если бы не знал Костика, но что он о нем знал? Сколько масок: благочестивого инока, наглой нечисти, заботливого сыночка, теперь вот, девы в беде и соплях. Которая настоящая? Чему верить? И ладно бы попытлся повлиять, смотрел бы в глаза, заколдовывал — нет, хлюпает, пачкает рукава подрясника, губы кусает, вон, распухли уже. Кирилл порылся в ящиках, отыскал упаковку платочков.

— На.

— Спасибо. Не веришь, да?

Телефон на столе зашелся истошной трелью. Костик подскочил, протянул руку и замер:

— Можно?

Кирилл кивнул. Костик схватил трубку, послушал, прежним уверенным тоном пообещал, что скоро приедет, отключился и повернулся, протягивая телефон обратно. Рука дрожала.

— Что?

— Они меня ждут. Кирюш, отпусти меня, а?

Кирилл чуть не выронил телефон.

— После того, что ты тут наговорил? Я не...

— Меня же посадят?

— Ну, может быть, как за самооборону...

— Посадят же, да? — не слушал Костик.

— Скорее всего.

— Отпусти! А я завтра вернусь. Ну, чтобы сам, понимаешь? Чистосердечное. Как будто я сам пришел! Тогда же меньше дадут? Он же ко мне приставал, я отпихнул, и он сам... Я все-все расскажу, как было: и про бухгалтера, и про Крылова, и про этого гада...

Костик шагнул вперед, запнулся за рюкзачок и чуть не свалился. Кирилл поймал его и инстинктивно прижал к себе. Костик прильнул — костлявый, горячий, его колотило, а голос звучал глухо, прямо Кириллу в грудь.

— Кирюш, пожалуйста! Вдруг отец, пока я буду там... у него здоровье плохое. Вдруг я его в последний раз видел? Отпусти, а?

— А что ты ему скажешь?

— Скажу, что ухожу. Уезжаю. Что нашел человека. Что буду звонить.

— Он поверит?

— Поверит. А ребята сделают так, что он ничего не узнает.

Костик поднял голову, смаргивая слезы, щурясь, чтоб разглядеть Кирилла, а тот снова засмотрелся — утонул в мокрых, излучающих надежду глазах.

— Кирюш?

Он почти потянулся к приоткрытым губам, почти, но опомнился, а тут и Костик моргнул и отвел взгляд.

— Ладно, иди.

— Правда?

— Иди.

— Я завтра утром приду! Я обязательно! Спасибо, Кирюш! Спасибо!

— Уматывай! Ну?!

Костик выскочил за дверь. Кирилл сел прямо на стол, расстегнул ворот рубашки и крутанул забытый Костиком телефон. Поздно. Нужно пойти поспать.

Глава 14. Будете искать Меня, и не найдёте

Васёк любил дежурить. Сидишь себе, пропуска проверяешь, никто тебе на мозги не капает, тем более вечером в пятницу. Все уже разбежались по домам отдыхать, а у Васька дома мать, отчим, сестра, ее муж-придурок и двое племянников. Нет уж, спасибо. Он лучше тут в тишине кроссворды порешает, и пиццу закажет попозже. Ну, красота же?

— Прибор для измерения артериального давления...

— Тонометр. Привет, Васёк!

Бухгалтерша Ваську всегда нравилась: красивая, улыбается, разговаривает нормально, а не через губу. Спросила, вон, как лучше называть. Он от Василия ежился: так только перед ремнем в детстве звали, а просто Вася не нравилось. Вот Васёк — это да.

— Здрасьте.

— Кроссворд отгадываешь? И как? Трудный?

Чего-то она была не в себе: теребила ремень сумки, звенела ключами.

— Ага. Вот: «церковная утварь — подставка для книг». Хрен его знает.

— Аналой.

— О, точно! Спасибо. Дарья Дмитриевна, хотите сушку? У меня есть, вот.

— Спасибо, Васёк. И что ты меня по отчеству? У нас же разница небольшая. Давай не «ТЫ»!

— Давайте! Давай то есть. У тебя все в порядке?

Дарья посмотрела на засыпанную крошками юбку, смахнула ладонью, тряхнула волосами.

— Да все нормально. Домой что-то не хочется.

Это Ваську знакомо.

— Ясно. Хочешь еще сушку?

— Давай. Что там дальше?..

— ... Наука о грибах.

— Микология.

Из коридора почти бегом выскочил парень. Васёк на всякий случай приподнялся: бегут — лови. Но следом никто не бежал, да и парень замедлился, подошел нормально. Дарья повернулась, задела сумочку и та опрокинулась на пол.

— Ой!

— Простите! — парень согнулся, помогая собирать ключи, косметику и еще что-то.

— Ничего, это я сама.

Парень сгрузил вещи на стол, попрощался и вышел. Дарья убрала все обратно в сумку, посмотрела на часы на стене и вздохнула.

— Ой, как поздно уже. Пойду я, пожалуй. Спасибо тебе, Васёк.

— За что? — не понял он.

Жаль, что уходит. Почти весь кроссворд разгадали, и не скучно.

— За сушки и за компанию.

— С собой возьми, — спохватился Васёк, — по дороге еще погрызешь.

Она как-то жалобно улыбнулась и ушла. Васёк посмотрел на дверь, потом на кроссворд,

и решил, что в понедельник купит еще сушек. И шоколадку. И, может, порасспросит девчонок из бухгалтерии, чего это Дарья не хочет домой, может, помочь чем?

Домой Кирилл так и не пошел. Сидел, крутил в руках телефон, несколько раз попытался подобрать пароль, но не справился. Смотрел в темноту за стеклом, жалел, что бросил курить, потом, видимо, задремал. Когда поднял голову от стола, в окно уже било солнце. Часы показывали половину девятого, в коридоре кто-то хлопнул дверью, и еще раз. Наверное, это и разбудило.

В полдесятого тоже никто не пришел, а в пол-одиннадцатого Кирилл уже и не ждал. Но зачем-то досидел до полудня и только потом, словно сбросив оцепенение, рванулся к выходу. Так, значит? Ну, погоди, Иудушка. Сам виноват.

В больницу его пустили благодаря документам, но у двери палаты торчал «апостол» Андрей, и смотрел очень неласково.

— Доктора запретили.

Кирилл махнул удостоверением. Не сработало.

— Где ваш Костик? — прошипел Кирилл.

Он полнился какой-то едкой злостью, даже руки тряслись. Видимо, на лице тоже отражалось, потому что апостол подался назад, но от двери не отошел.

— Не знаю.

— Он тут был?

— В чем дело?

Незнакомый голос позвал обернуться. Этого типа Кирилл раньше не видел: вертлявый модник его лет, в узких джинсах, с короткой рыжей бородкой и выбритыми висками. Что еще за мудила в очках и что тут забыл?

— Вы кто?

— Это вы кто? — ощерился Кирилл, тыкая в лицо оппоненту удостоверением.

— Моя фамилия Федоренко, я — адвокат, — ответил мужик, изогнувшись в пародии на поклон.

— Чей?

Кирилл таких терпеть не мог. Хлыщ упакованный, молодится, весь в браслетах, с маникюром, в ухе серьга, а уж самомнения-то...

— В данный момент я представляю интересы Биевского Константина Игоревича. Кстати, это ведь вы его вчера увезли? — Адвокат посмотрел на «апостола», тот кивнул. — Можете прояснить его нынешнее местонахождение?

— Конечно, — зарычал Кирилл. — Вот как найду, так сразу и проясню. Вы уже адрес следственного изолятора выяснили?

— Выяснил, но его там нет.

— Будет. А пока вы мне проясните, куда эта сволочь делась. Он же сюда приходил вчера?

— Простите?

Адвокат стянул очки и пронзительно уставился на Кирилла. Тот машинально отвел глаза, спохватился и разозлился еще сильнее. Вот же пакость какая!

— Вы хотите сказать...

— Вчера ваш Костик ушел в больницу. Куда он делся потом?

Оба вопросительно повернулись к апостолу, тот даже замялся от такого внимания.

— Андрей? — потребовал адвокат.

— Не было его, — заверил Андрей. — Я с вечера не отходя, заметил бы.

— Прямо не отходя?

— Ну, отходил. За едой там, в туалет. Но я заглядывал потом: Наташа с Господом, а Костика точно не было.

Кирилл развернулся и пошел к выходу. Уже понятно, что к любимому старцу гаденыш не заходил. И где он тогда? Интуиция советовала объявлять розыск, но Кирилл малодушно надеялся на чудо: сегодня субботнее моление, старец в больнице, неужто наследник устоит от соблазна снова попробовать власти?

Свободная машина на удивление была, и Кирилл поехал в скит, про себя усмехаясь прозорливости старца: блудного сына снова тащило к «отчому дому». Так себе юмор у судьбы, не смешной.

В скит его сперва не пускали, но потом калитка открылась. Прямо за ней стоял Ростик.

— Где этот гад?

Ростик невесело хмыкнул:

— И тебя допекло, гражданин начальник? Сочувствую, но помочь не могу. Наша радость что, сдернула из претории? Плохо следили?

Кирилл раздраженно отмахнулся от насмешки.

— Я спрашиваю: он тут?

— Нет.

— А если найду?

Ростик откровенно фыркнул и покачал головой.

— Не советую. Во-первых: ордер. Во-вторых: может случиться несчастье.

— Ты что это, мне сейчас угрожаешь? — не поверил ушам Кирилл.

— Я? Нет. Я только рад буду, если ты Евгешу от прилипалы избавишь. Но народ... в их глазах ты — Иуда. Сперва с Костиком чуть не целовался, а потом приехал, устроил тут Гефсиманию.

— Я устроил?!

— Но выглядит все по классике, согласишься. Да еще Евгеша в больнице, заступиться за тебя некому.

Кирилл помотал головой, нужно себя ущипнуть и проснуться в нормальном мире.

— Слушай, ну ты-то нормальный мужик!

— Поэтому не кидаюсь с вилами, а спрашиваю нормально: у тебя ордер есть? Ясно. Давай так: ты ищи, а я, если он вернется, тихонько тебе сообщу. Хорошо?

Как же, поверили мы в бескорыстную помощь следствию! Уже куда-нибудь увезли, небось, и адвокат тут как тут. Мигом докажет, что подписки о невыезде не было, значит мог укатить хоть в тундру, хоть на Мальдивы, а ты, Кирюша, ищи, раз такой дурачок.

— Мне сообщишь? Или адвокату?

— Уже познакомились? — разулыбался Ростик — Ну и как тебе?

Кирилл неопределенно поморщился.

— Ну да, ну да. Михаил Германович, на вид рок звезда, но зубы у него крокодилы. Боюсь, не посадить тебе Костика. Не вашего уровня специалист.

— Посмотрим! — рявкнул Кирилл и хлопнул калиткой, жалея, что не попадет по наглomu актерскому носу.

До него со всей ясностью доходило, что если Костик сейчас не сидит возле его двери (как же, мечтай, Кирюша), дальнейший путь — в кабинет Руслана. Вот там-то Кирюшеньку и распнут, и хорошо, если ограничатся этим. Он и сам бы себя убил за идиотизм и доверчивость. Лох серебристый. И провели тебя, как лоха.

Руслан был на месте, небритый, с красными глазами, но в целом — бодрый. Кириллу даже стало стыдно: у человека ребенок родился, ему бы праздновать, а не сидеть тут после бессонной ночи, идиотов выслушивать.

— Поздравляю! Как оно, как Саша? Кого родили?

— Дочка! — Руслан потер руками лицо и просиял широкой улыбкой. — Два двести. Дышит, орет. На Сашку похожа.

— Отпуск брать будешь?

— Теща должна приехать, так что нет. А ты по делу или выпить за новорожденную?

Кирилл сел поудобнее, положил руки на стол, убрал на колени, сцепил пальцы, спохватился, что выглядит идиотом, вздохнул и покачал головой.

— Рус, тут такое дело...

Руслан нахмурился и тоже уселся:

— Ну, давай, слушаю.

И действительно слушал. Не перебивал, не ругал даже. Хмыкнул, когда дошло до «исповеди», и остановил запинаящегося Кирилла:

— Это ты, конечно, зря. Но смотри: что мешало фигуранту выйти в другую дверь? К людям? Что бы ты ему сделал? Укоризненно посмотрел вслед? Но он поперся в уединенный угол с кроватью, и никого не позвал, хотя сам говоришь: стены картонные. А потом к тебе заявился давить на совесть и «договариваться» — время тянул, пока Дарья в понедельник с работы в файлы влезла. Так что вел ты себя, конечно, не по уставу, но и жертву из Костика своего не делай. Давай дальше, по существу, а про свои угрызения совести в церкви попу расскажешь.

По существу получилось коротко и позорно. Руслан выдохнул, хлопнул ладонями по столешнице, привстал.

— Ты понимаешь, что я тебя должен уволить?

Кирилл понимал, еще как понимал. Он бы и сам уволился.

— Увольняй. Но по-дружески прошу, Рус — дай мне эту погань поймать! А потом можешь с ним под суд за пособничество или халатность.

Руслан долго смотрел в стол, поднялся, отошел к окну, постоял, трогая подоконник кончиками пальцев, наконец обернулся.

— Значит так. Дело Петрова закрыто. Инфаркт подтвержден, собак не допросишь, а их хозяин, если не идиот, тоже будет молчать. Крылова можно будет возобновить, если появятся показания, но главное — работаем по Иванову. Объявим поганца в розыск, а как поймает, тогда и про Крылова можно будет поговорить.

— А я? — не понял Кирилл.

— А ты побеседовал и домой отпустил. Понял? Закроем дело — уйдешь по собственному.

— Спасибо, Рус!

— Работай. Ордера я тебе подпишу. Возьмешь ребят и дуйте завтра с утра в скит. Найдем твоего волшебника.

— А теперь — с ордером!

Кирилл сунул под нос Ростуку бумажку с печатью и, не тормозя, двинулся к крыльцу. За спиной присвистнул эксперт, что-то пробурчал бывавший тут Пашка, а Кирилл уже взлетел по ступеням, ворвался в комнатку охранника и скомандовал:

— Созывай народ, Антоша! Общий сбор!

Настроение было прекрасным, и изумление на лице охранника веселило: я вам сейчас покажу, кто тут избранные, а кто погулять вышел.

Сектанты послушно собрались в зале, встали рядами, как на молитву, и очень недружелюбно уставились на Кирилла с сопровождением.

— Значит так, граждане, — заявил он, рассматривая собравшихся. — Ставлю в известность, что сейчас тут будет проведен обыск и опрос всех, кто находится в доме, пока как свидетелей. Это ясно?

Сектанты согласно побурчали, даже не переглядываясь. Ожидали, значит. Эх, как медленно все, так хочется ухватить время за хвост и повернуть назад, хоть на пару денечков — никуда б эта сволочь от него не ушла, поймал бы.

— Ну и славно. Значит, всем разойтись по кельям и не покидать их до разрешения. Документики приготовьте. А мы приступим. Понятые здесь?

Прихваченные по пути через монастырь парень и средних лет женщина протолкались вперед.

— Прекрасно. — Кирилл еще раз оглядел продолжавших стоять сектантов. — Свободны пока.

В доме Костика не оказалось, но Кирилл и не надеялся, зато в комнате все осталось, как было. Вроде бы убрали собачьи шутки, а так — тот же бардак.

— Понятые, подойдите поближе...

Упаковали ноутбук, покрутились по комнате, не понимая, где другие вещи. Один из парней сообразил нагнуться и потянул из-под кровати короб на колесиках.

— Так себе гардеробчик. Что брать-то?

Кирилл осмотрел несколько новых, еще в упаковках и с бирками, толстовок, футболок, кучку трусов и мотнул головой на валяющуюся на кровати ту, которую Костик точно носил:

— Эту берите.

А сам беззвучно выругался: эта тоже новая. Той, рукавом которой Костик протирал горлышко бутылки, тут не было. Кирилл ее хорошо запомнил по детскому принту с покемонами.

Ладно. Теперь поговорим с контингентом. Кирилл хотел было расположиться с исповедальне, но решил не оскорблять чувства верующих и свои: ему все чудился Костик за занавеской. Хотя Кирилл точно знал, и дважды проверил — нет. Но отвлекать от опросов будет. Поэтому он решительно полез по ступеням вверх, в кабинет старца.

— Вы кто?

Вошедшую женщину Кирилл точно раньше не видел — ни тут, ни в монастыре. Она положила на край стола паспорт и присела напротив.

— Остапова Венера Михайловна.

Так вот ты какая, Венера. Кирилл пролистал паспорт, отметил отсутствия штампа о браке и детей, прикинул — ростом не ниже Васи, темноволосая, собранная, спину держит прямо и смотрит абсолютно спокойно.

— Здравствуйте. Оперуполномоченный МВД капитан Деев.

— Добрый день...

— Адвокат? — Как интересно. — Не многовато ли вас на маленький скит?

— Михаил Германович — адвокат по уголовному праву, я — по гражданскому, — улыбнулась она. — Мало ли что. Пригодится.

Ну да. Вдруг тут разборки по имуществу или налогам. Грамотно.

— Вы всегда в паре работаете? Или для богоугодного дела собрались?

Нужно Русу подкинуть мысль, пусть проверит этих адвокатов. Слишком быстро они появились. И кто им платит тоже хорошо бы узнать.

В общем-то, она ему была не нужна. В скит приезжала второй раз, первый был в декабре прошлого года, про Костика сказала «сын Божий» и даже не покривилась, беспокойства не выказывала. Вот разве что...

— Вопрос не по этому делу можно? Вы помните Василису Смирнову?

— Васю? Конечно. Я ее опекун.

Вот это неожиданно.

— Опекун?

Венера с улыбкой протянула подписанный протокол. Тоже мне, Мона Лиза! Ты, значит, опекунские получаешь, а девочка в лесу сидит с тронутыми сектантами, чтоб жить не мешала?

— А вы в курсе, что на вашу подопечную недавно было совершено нападение? Не боитесь лишиться опекуна за ненадлежащий уход?

Венера нахмурилась, и Кирилл даже пожалел, что рявкнул. Но она же не гимназистка, а адвокат, переживет.

— Мы подали заявление на продление запрета. Ждем решения суда. Если у вас все...

— Пока все. Можете идти, но не уезжайте. Кто там следующий?

— Видимо я.

Ростик протиснулся в дверь мимо Венеры, намеренно задев ее плечом, убедился, что Кирилл заметил, уселся и толкнул по столу паспорт в пятнистой обложке.

— Ну, спрашивай.

Нет, где Костик — не знает (знал бы — притащил к Евгеше, Евгеша волнуется); нет, кофту эту не видел (у него этих кофт, как грязи, шмоточник бешеный, ну тут ясно — детдом). Кто будет вместо старца, пока Костика нет?

— Апостолы. Леночка.

— Леночка? Я думал — Наташа.

— Наташа не отойдет от своего Господа. Она и за Костика пошла, чтобы ему угодить. Лишь бы Евгеша был доволен. А он доволен, когда его мальчику хорошо.

— Да ладно. — Ну ни фигя себе — высокие отношения! — Вот прямо так? А ты?

Ростик хмуро хохотнул:

— А я отдельно. Знаешь, тип был такой, Никодим, тайно ходил к Христу, начальства боялся? Вооот. Вроде и верный, а вроде и сбоку.

— Удобно, — согласился Кирилл. — А если, положим, старец умрет, что будет?

— Нарисуют икону и будут ждать возвращения, — огрызнулся Ростик.

— А если Костик сядет?

Кирилл давно отложил протокол и не понимал, зачем задает все эти вопросы. Какое ему дело до секты и сектантов? Он ведь не с ними. Он просто работает.

— Тоже будут ждать. Ты еще не понял? Им все равно — рядом Господь или нет: их выбрали. Они избранный народ, царственное священство. А сын божий уже страдал за людские грехи, пострадает опять. А вернется — займет место Господа.

— Он же, ну, не знаю, злой, немилосердный. После старца-то...

— Скажут: им это за грехи и для искупления.

— Я не понимаю! — Кирилл оглядел кабинет, молчащие часы, потухающую лампадку. — Как это получается? Вот, жил человек — Вайс, и вдруг ему в голову взбрело стать богом? Как?! Он нормальный?

— Нормальный. Был. Добрый слишком, жалостливый.

— Ага: «все, кто не со мной — сдохнут» — это жалость? С чего вообще все началось, можешь мне объяснить?

Ростик потеревил волосы — сегодня заплетенные в косичку с зеленой резиночкой на конце, почесал в затылке, вздохнул:

— Объяснить... Он, когда уволился, всякие слухи, сам понимаешь. В школы не брали. Квартиру продал. Снял комнату в хрущевке и нанялся сторожем в храм — был там через дорогу. Костик, когда вышел, туда же устроился, в хоре петь. Даша, кстати, оттуда — регентовала, Андрей тоже — спивался, у Евгеша в сторожке спал. Сколько у него там побывало, кого-то к себе таскал ночевать, деньги воровали, пару раз били, он спускал, молюсь, говорил, за них. Советоваться бегали, тетки особенно. А там — сарафанное радио, стали специально к нему ходить. Настоятель пытался с ним поговорить раз, два, да и уволил. Тогда уже, вроде, была Леночка? Я не помню... А, вроде была. В ее дом еще переехали, всем скопом. Человек семь. Вот с этого, наверное, и началось. Я же не всегда с ними — гастроли, работа. Старался отговорить, а он мне: смотри, сколько птиц под крылом — как я их брошу. И этот еще, за плечом, триндит: отец — то, отец — се, избранные, семья. Наверняка он и подбил: Евгеша после записки с него только что пыль не сдувал, от себя отпускать боялся. Документы в училище подавать — вместе, Васю забирать — я тоже поеду.

— Спал с ним? — вставил Кирилл.

— Уж лучше бы спал! Тогда б хоть понятно. А тут — как заколдовали. Нахрен академию, хочу поступать в Питере — все собираемся и премяся в Питер. Веру с Федором тоже Костик приволок, уже там. Шушукался все с ними. Потом стал задвигать про грехи и чистых-особенных. Или это Евгеша? Да, блин, не помню уже. Оба хороши. Только Костик хотел командовать, а Евгеша — людям помочь. Ну и вышло — вот...

Отпустив Ростика, Кирилл свалил опрос остальных на Пашку и пошел погулять. В голове было беспокойно. Все-таки зря он тут столько жил: привык, сектанты стали знакомыми и работать с ними не получалось. Может, стоило уволиться, и пусть Руслан

разбирается? Но внутри горела обида: сперва найти этого гадика, потом можно и уходить.
Победителем.

Глава 15. Вот, оставляется вам дом ваш пуст

На улице ощутимо похолодало. Газоны пожухли, цветочки тоже скуксились, держались только бархатцы и цинии — торчали, как будто им нипочем осенние ночи с холодной росой. Кирилл глубоко вдохнул сырой воздух и завернул за угол. Клетки были пусты. Возле хозблока Марат ковырялся в бензопиле. Кирилл постоял, оглядывая задний двор, и подошел поздороваться.

— Привет, Марат.

— Здравствуй, здравствуй.

Обычного радушия не было. Видно, и Марат знал о его «предательстве». Ну, или просто боялся, что вспомнят про регистрацию.

— А где собаки-то?

— На выставку увезли.

— Куда?

— А я знаю? Федор так сказал. Пришел, посадил в ровер и выехал. Мне-то какая разница? Только спокойней.

— Давно?

— В субботу.

Это когда Кирилл в калитку стучался да с Ростиком препирался, значит.

— А еще кто-то уехал?

— Саня с невестой уехали, но они еще раньше. Вера Сергеевна. Венера приехала с этим... бритым.

— Вера Сергеевна?

— Так она давно уже. Уволилась — и до свидания.

Уволилась. То есть работала за зарплату? Интересно как. Кирилл думал, тут все из любви к старцу вкальвают, а оказывается — нет. Может, еще и Костику за место сына божьего официально платили?

В зале Кирилл наткнулся на Дашу, придержал за руку, указал на скамью.

— А меня уже допросили.

Пока Кирилл возился с верхушкой секты, Пашка устроился в трапезной и вызывал к себе жителей второго этажа.

— Да я спросить, — успокоил Кирилл. — Помощь мне нужна, понимаешь?

Даша сразу смягчилась. Безотказность и доброта — Кирилл уже знал, на чем ловить.

— Костик сбежал, — озабоченно вздохнул он. — Дурачок. Сам себе хуже делает. Так бы свидетелем был, а раз скрывается, сразу под подозрением. Вот если бы его найти и объяснить, что в его интересах вернуться...

Даша кивала, слушала, и Кирилл надеялся, что до нужного человека его слова дойдут. И, чем черт не шутит, вдруг до Костика донесут. Или подскажут, где найти. Кирилл ведь хочет помочь, он же свой, пусть и бывший.

На парковке Кирилл остановился, увидев, как из знакомой машины выгружается Александр с сумками, Рыжая и — неожиданно — Дарья. Хотя почему неожиданно? Руслан же подписал ее заявление. Кирилл тогда вошел в кабинет невовремя, застал стоящую

навытяжку Дарью, и услышал лишнего:

— ... шарила в файлах!

— Я не шарила, — ровно сказала Дарья, но таким напряженным голосом, что Кирилл подошел поближе: вдруг свалится, придется ловить. — Я просто поболтала с Сашей за чаем.

Руслан рявкнул матом и чуть не отбил ладонь об столешницу:

— ... твою мать! Говорили мне: не бери жену в секретарши! Язык без костей, а мозгов у вас у обеих нет! Так...

Он выдохнул и кивнул:

— Садись. Значит, он выкрал ключи и угнал машину.

Кирилл вместе с Русом тогда смотрел видео с камер парковки. Костик пикнул сигнализацией, спокойно сел в машину и укатил.

— Бери ручку, пиши заявление об угоне. Хоть будем знать, куда он подался.

— Он не угонял.

Оба развернулись к Дарье, не веря своим ушам. Она нервно пожала плечами и повторила: — Он не угонял. Я ему разрешила.

— Еще скажи — выписала доверенность!

Кирилл уже успел расспросить дежурного и примерно картину знал. Конечно, она могла специально уронить вещи и сунуть ему ключ. Но что она вытворяет сейчас? Зачем под статью подставляться?

— Дашенька, — смягчился Руслан, — ты понимаешь, что получаешься соучастницей? Даже если тебе он... небезразличен, времени прошло много, фора была достаточной. Не зарывай себя еще глубже. Пиши.

Дарья придвинула лист и решительно написала несколько строчек. Руслан прочитал и изменился в лице.

— Дура!

Кирилл осторожно окликнул:

— Рус...

— А ты почитай, почитай! Жанна Дарк, блядь! Зоя Космодемьянская! Пойдешь под суд, а он и думать про тебя забудет! Ты и нужна-то была, чтобы инфу сливать!

Кирилл подержал в руке заявление об увольнении, положил на стол и отошел к окну. Дарья молча ждала, и под ее взглядом Руслан подписал и заверил лист.

— До свидания.

— Пошла... вон.

Кирилл пошел тоже: Рус бесился, надо было дать ему остыть. Наверняка понимал: по сути предъявить Дарье нечего, ГИБДД без заявления торопиться не будет, а, значит, будут неспешно искать ее мазду, и, если повезет, найдут.

И вот она стоит со своим рюкзачком и тербит кончик шарфа. Александр радостно улыбнулся, Рыжая кивнула вполне дружелюбно. То ли не въехали в ситуацию, то ли не прониклись настолько, чтобы возненавидеть «Иуду» вместе со всей Семьей.

— Здравствуйте.

Кирилл кивнул и задумался: что ей сказать?

— Его тут нет.

— Я знаю.

— Он тебя подставил, ограбил и свалил в закат.

— Да.

— Даш, не нужно тебе сюда. Ехала бы домой, к мужу...

— Я развожусь.

Даша обошла Кирилла, кивнула стоящим у служебного бобика операм, Рыжая забрала ее рюкзачок, и женщины пошли к церкви. Александр пошуршал пакетами, что-то хотел спросить, но не стал, двинулся следом.

— Ты-то хоть как? — не удержался Кирилл.

— Норм. В январе свадьба.

Ну да, кто-то разводится, кто-то женится. И только Кирюшенька как цветок в проруби. Носится, ищет, ловит. А колобок-то давно ушел, сволочь хитрая. Ржет, небось, радуется: так надурил мента, так развел, только что вот не трахнул, но и это тоже почти получилось.

Хотелось поджечь тут все к чертовой матери. Церковь эту, скит их поганый. Кирилл представил, как из дверей выскакивают испуганные люди, рушится крыша, кругом все орут, горячий воздух бьет в лицо, обжигает... Хлопнул дверцей машины и выдохнул, будто с дымом, короткое и задушенное:

— Поехали.

Кирилл зашел к начальству просто так, в надежде на кофе и потрепаться. Ему не сиделось: у гаишников сегодня был уже дважды, в третий раз встретили бы матом. Отчеты написаны, заявления приняты, соседи по кабинету куда-то разбрелись, а нервы не давали сидеть на месте.

Руслану было не до кофе: он кивнул Кириллу на стул в углу, хотел что-то сказать, но в дверь постучали. Вошли старец и адвокат, в дверях показалась Наташа, но осталась в коридоре.

Старца усадили, адвокат крутанулся, заметил Кирилла, без всякого удивления кивнул и, наконец, представился Руслану:

— Добрый день. Федоренко Михаил Германович, адвокат.

Руслан, когда надо было, умел произвести впечатление. Царским жестом указал на второй стул, покровительственно кивнул:

— Здравствуйте. Чему обязан?

Адвокат раскрыл папку, достал какие-то листы, двинул по столу.

— Мой клиент хочет сделать заявление.

— И о чем заявляете?

— Мой клиент своевременно не донес до сведения органов правопорядка о несчастном случае, которому оказался свидетелем. Теперь он желает исправить свою оплошность.

Кирилл понял, что привстал от удивления, сел обратно. Ну-ка, ну-ка? Руслан пробежал глазами поданный лист, угукнул.

— А ваш клиент что, разучился разговаривать?

Адвокат снова полез в папку.

— Вот медицинское заключение. Евгений Виленович болен и выпущен из больницы под расписку, до вечера. Только чтобы подать заявление.

— Нет, — глухо возразил старец, — я могу.

Сидел он согнувшись и, насколько Кирилл мог видеть, выглядел действительно

больным, но ласковые интонации остались. Его очень хотелось пожалеть, и Кириллу пришлось напомнить себе о «все, кто не с нами — умрут». Вот только кто-то может умереть раньше.

— Тут написано, что вы с потерпевшим не были знакомы, — уточнил Руслан.

— Не был. Я шел, потерпевший выскочил из-за башни, стал что-то кричать, богохульничал. Я даже не слушал, просто хотел уйти. Он схватил меня за руку, затолкал в дверь. Я испугался, побежал вверх по лестнице, наверху повернулся — он поднимался за мной.

Старец рассказывал монотонно, словно учил по бумажке. Адвокат внимательно слушал, чуть поводя головой в знак одобрения.

— Потерпевший схватил меня за одежду, тряхнул и начал падать назад. Я не успел его удержать. Он упал. Я спустился, проверил...

— Что? — перебил Руслан.

— Пульс.

— Как именно?

— Потрогал шею. На руке я не найду, не специалист.

— Ясно. Дальше.

— Дальше... Я вышел, прикрыл дверь и пошел домой. И только потом подумал, что нужно было, наверное, вызвать полицию.

— Шок, — вставил адвокат.

— Но не вызвали. Когда тело обнаружили, — нажал Руслан, — сотрудники полиции опрашивали всех. Почему вы...

— Простите. — Из папки появилась еще бумага. — Мой клиент во время следствия находился в больнице. Как раз ночью после происшествия ему стало плохо. Вот.

— Вы говорите — схватил за одежду. Во что вы были одеты?

Кирилл кивнул: молодец, Рус.

— В кофту. Знаете, такую, типа мантии. Не свою. У моего келейника взял.

— Биевского Константина Игоревича, — педантично уточнил адвокат.

— Ваш келейник, кажется, довольно сублильный юноша. А вы — нет.

— Оверсайз, — снова встрял адвокат. — У молодежи сейчас модно.

— У молодежи, — с нажимом повторил Руслан.

— Я... мне нравится этот стиль. — Старец смущенно хмыкнул. — Но, понимаете, в моем положении...

— И вы носили одежду келейника. Он не возражал?

— Нет.

— И что вы сделали с кофтой?

— Выкинул. Она порвалась. Я сказал Костику, что отдал ее паломнику.

— Он возмутился?

— Нет. Он не привязан к вещам.

— А зачем соврали?

— Наверное, не хотел, чтобы он касался произошедшего хоть как-то.

— Какие у вас отношения с келейником?

— Это к делу не относится! Евгений Виленович...

Старец покачал головой:

— Вы наверняка слышали эти сплетни.

— Это сплетни? И распространял их, кстати, тоже уже покойный гражданин. Вы говорили с Крыловым?

— Да.

Кирилл сидел так, что не мог видеть лица Вайса, а вот адвокат был как на ладони. И недовольно хмурился.

— О чем?

— Он пришел, жаловался на жизнь. Говорил, что уволили с работы. Я предложил пожить в монастыре, он отказался. Больше мы не виделись.

— А что делал ваш келейник в лесу?

— Девушку ждал.

Дальше старец изложил Костикову версию событий: про Васю и измену жене. Адвокат подрасслабился. Руслан, наоборот, выглядел напряженным, и Кирилл его понимал: старец явно выгораживал ученичка, сам готов был на нары, но и прижать его было нечем, даже убийство по неосторожности не пришьешь. Плюс диагноз, плюс покровительство сверху. От силы — домашний арест, а настоящий виновник — гуляй себе.

— Врет!

— Вижу, что врет.

Руслан выстукивал пальцами по подоконнику, рассеянно наблюдая, как старца усаживают в машину.

— А что мы можем сделать? Потерять заявление и сжечь протокол? Так у адвоката все копии есть.

— А Костик?

— А Костик твой теперь может гулять, где вздумается. Потому что ты как раз протокол не писал, а значит он тебе ни в чем не признавался.

— Но это же...

— Что?

Машина отъехала. Руслан повернулся и хмуро уставился на Кирилла.

— Что «это»? Оба утверждают, что не толкали. Эксперты, в принципе, согласны. Оба «не были знакомы», значит не имели причины, то есть в суде пойдет как неосторожность максимум. А бесишься ты, Кирюш, не потому, что хочешь виновного найти, а потому что тебя заело. Именно твое доверие обманули и хочется наказать дрянь. Так ведь? Как человек я тебя понимаю, а как начальник — ну, извини. Единственное, что могу сделать — поговорю с прокурором, расскажу все, что ты узнал, но сам понимаешь: решат передавать в суд — значит, будем передавать. Раскрываемость, мать ее. Да и с чего ты взял, что это старец келейника прикрывает, а не наоборот?

Кирилл хлопнул дверью, пролетел коридор и выхватил из стопки пустой лист. Все он понимал. И прав был Руслан: старец отделается условкой, Костик вывернется. И вовсе не жажда справедливости им сейчас крутит, а желание отомстить. А, значит, пора что? Правильно!

Кирилл проставил число и понес заявление Руслану. Хватит. Надо поискать себе спокойное место где-нибудь на проходной, чтобы сидеть, кроссворды разгадывать, пропуска проверять — и все.

Зачем он притащился в больницу, Кирилл и сам не знал. Злость так и бурлила внутри, требовала что-то делать, шевелиться, бежать. Только бежать было некуда, вот Кирилл и мотался. Старец был в палате один, выглядел бодрей и пригласил присесть.

— Добрый вечер, Кирилл Борисович. Что же вас привело на этот раз? — с улыбкой спросил он, и Кирилл предсказуемо взбеленился.

— Вы зачем врете? Зачем покрываете? Тоже мне, спаситель: явился, наплел всякого, прикинулся умирающим — пожалейте!

— Ну, не совсем прикинулся. Второй инфаркт, знаете ли, мало кому удавалось пережить.

— Вы ж бог? — съехидничал Кирилл.

Старец не смутился.

— Вам знакомо понятие аватары? Умерло бы это тело, нужно приходиться снова... лишняя суета. Да и Семья на этот раз очень удачная.

— Я вот смотрю на вас, — протянул Кирилл, — и гадаю: вы псих или притворяетесь? Ну нельзя в здравом уме...

— А что есть здравый ум?

— Хватит! Где Костик?

Старец уставился пронизывающим взглядом, помолчал, отрицательно повел головой.

— Я уже однажды отдал сына своего на поругание. Больше такого не будет!

— Ну что ты несешь, мужик? — не выдержал Кирилл. — Не знаю, кто он тебе, но он же тебя бросил! Всех вас! Смылся и оставил разгребать за собой! А ты его прикрываешь! Не обидно? И чем он вас всех берет? Дашка вон, тоже...

Старец неожиданно улыбнулся.

— Любовь милосердствует, не мыслит зла, все покрывает, всему верит.

— То есть можно позволять по себе топтаться?

— Все прощает, всему радуется...

Этой дверью Кирилл тоже хлопнул. Он вообще в последнее время уходил откуда-нибудь не пересравшись с собеседником и спокойно? «Любовь»!

А также надежда и вера. Хватит быть лопухом.

Кирилл сменил пароль в телефоне, собрал вещи и купил билет в Питер. Нерезиновая его бортанула, посмотрим теперь на Культурную, а не понравится — Россия большая.

Глава 16. Зона поражения

— Вот ты год тут, а что видел? Коммуналку свою и склады? — упрекал нетрезвый уже Олег, открывая новую банку пива.

Кирилл мотнул головой, отказываясь, и возразил:

— Метро еще.

— Вот, «метро»! Ты в культурной столице год живешь, а сидишь в комнате, как сын. Сходил бы куда, бабу себе нашел.

— Нахер баб! — отмахнулся Кирилл.

И с пивом надо завязывать, а то опять живот вылезет, вон, как у Олежека. Напарник же не унимался, его под градусом всегда тянуло поучить всех вокруг жизни.

— Не осуждаю. Но все время дома торчать — я б спятил.

Кирилл поднялся. Вроде не слишком пьян: ноги держат, пол не шатается.

— Пойду я, Олеж.

— Ну, давай. Пока!

— Пока.

В метро Кирилл привычно пялился в темноту за окнами и думал: а, действительно, почему? Ну ладно, год назад, когда он сюда переехал, видеть никого не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Вселился в первую попавшуюся комнату в коммуналке, ткнул в первую вакансию на сайте и устроился охранником складов. Дом не обживал, после смены больше лежал, глядя в потолок, пока не отрубался, брал переработку. Потом привык, огляделся, оплатил курсы по 3D, увлекся даже. Жилье менять не стал: соседи тихие, комната угловая, в окна не дует, чего еще надо. Работу тоже пока не искал, «делал карьеру». Из охранника пошел до инспектора. Нормально жилось.

А вот Питер полюбить так и не вышло. Холодно, сыро, народу кругом, туристов... Поэтому на улицу выползал по необходимости: дом-работа-магазин, ну, бар иногда. Что еще нужно? «Бабу или еще кого»? Нет уж. До сих пор вьетнамские флешбеки от бывшей и от...

Нахуй. Сам отлично справлялся.

Но вообще — прав Олежа. Пора уже вылезать из берлоги, пока окончательно мхом не оброс. Завтра нужно поискать, куда сходить.

«Завтра» случилось где-то неделю спустя. Кирилл нехотя набрал в поисковике «Куда сходить в Питере?» — и поморщился: вкладок открылось столько, что сразу расхотелось выбирать. Потыкав в однотипные «Топ-10 достопримечательностей Петербурга», Кирилл нажал на «Афишу», скрольнул вниз, поймал что-то краем глаза, вернулся и уставился в телефон: с фотографии на него смотрел Костик.

Всклоченный, в неоновом гриме и каком-то модном рванье, под лучами софитов, с микрофоном в руках. Кирилл увеличил фото, прочел: «концерт Ярослава Баяринского «Альфа и Омега». Перечел еще раз, ткнул в плашку «купить билеты» и только тут осознал, что ему не чудится.

Костик за год неплохо поднялся: ролики на ютубе, какие-то концерты, стримы... Кирилл читал все подряд, перепрыгивая с биографии на фанатские арты и обратно. Даже проснулся забытый азарт: вот он ты! Я тебя нашел! Но потом вспомнил, что уже вроде бы и

не надо. Вот только посмотреть поганцу в глаза все равно хотелось. Может быть, пару слов сказать. Или просто полюбоваться, как струсит и будет дергаться. Кирилл прямо предвкушал встречу.

До клуба он добирался в толпе дев в эльфийских ушах и мантиях. Рядом шли воздушные красотки в кружевах с декольте и вполне себе цивилизные дамы.

Получив браслет, Кирилл отошел в конец зала, устроился у стены и стал ждать.

Костик вылетел из кулисы одновременно с музыкой, сразу запел, и Кирилл поймал дежавю: публика у сцены закачалась в едином ритме, подняв вверх руки, двигаясь и застывая как по приказу. И тут гребаная секта!

Костик носился по сцене, командовал залом и музыкантами, зрители визжали и хлопали, подпевали, кто-то утирал слезы в объятьях зареванных подруг. В перерывах он пил воду и общался с залом. Кирилл слушал и поражался. Больше, конечно, наглости и умению переобуться: раньше в секте он был пламенным инквизитором, теперь же выбрал другую роль.

— Спасибо вам за вашу любовь! — вещал Костик, нависая над залом.

Зал отвечал мощным эхом и цветными фонариками.

Или:

— Мы вместе! Мы — армия! Мы — семья!

Сплошное «возлюбим друг друга». Отец был бы им доволен: мальчик вырос и нашел себе новую паству.

Прожекторы мигали, басы отдавались внутри, били в уши, вибрировал пол и, кажется, сам воздух. И вдруг все стихло, свет потух и сменился одиноким прожектором, выхватившим из темноты лицо Костика с широко раскрытыми, полными слез глазами. Кирилл сморгнул, не понимая, почему так отчетливо это видит, и заметил, что стоит уже не у дальней стены, а в двух шагах от ограждения, возвышаясь над всеми почти на голову.

Костик смотрел в зал, проговаривая под музыку:

— ... Молитесь, бодрствуйте со мной!

Его глаза остановились на Кирилле, расширились еще больше. Он подался назад, замер, а потом медленно, не отводя взгляда, двинулся к краю сцены. И запел:

О Господи, скорбя, я прошу тебя:

Да минует уст моих эта чаша — чаша смерти.

Страшно пить мне.

Я ослаб. Я не уверен так, как прежде.

Кирилл опознал рок-оперу. Он слышал ее в классическом — английском — исполнении, и был не уверен, что именно поет Костик. Кажется, это называлось «Гефсимания». Слегка повело голову. Кирилл сморгнул. Звук стал чище, отчетливей, а слова словно шептали ему прямо в уши.

Ныне дух мой стал скорбен и устал.

Все, что так во мне кипело,

Все давно перегорело

*За три года,
Словно бы прошло не три, а тридцать лет.*

И правда. Кирилл вдруг почувствовал, как устал за этот проклятый год. Как его измучило постоянное одиночество, которым он вроде спасался, а на деле — наказывал себя за глупую доверчивость; невозможность согреться, поверить, да просто откровенно поговорить. Хотел спастись от злого мира, а попал в одиночную камеру.

Костик опустил на колени, оказавшись лицом к лицу с Кириллом, протянул руку и требовал:

*Я должен знать, я должен знать, Господь!
Ради чего я должен жизнь отдать?
Я должен знать, я должен знать, Господь,
За что умру? — резануло по ушам.*

Кирилл вздрогнул. Он помнил, что хотел отомстить, но за что? За собственные проблемы и обиды, за нелюбовь? А Костик, поникнув и прижимая руку к груди, устало обещал:

*Ты суров, Бог мой, но слово за Тобой!
Я испью до капли чашу,
Претерплю и крест, и муки,
И вдруг вскочил, вытянулся вверх, к небу, и отчаянно попросил:
Но пока силен я духом, Бог, скорей, пока я — твой.*

Прожектор еще несколько секунд освещал раскинутые крестом руки, запрокинутую голову — и погас. Зрители потрясенно молчали. В темноте и тишине Кирилл опомнился и начал пробираться к выходу, не обращая внимания на возмущенные взгляды аплодирующих и орущих от восторга людей.

«Зона поражения, — всплыло в голове. — У кого-то больше, у кого-то меньше, зависит от опыта и силы, конечно».

Кого только не встретишь в барах Питера. С экстрасенсом Кирилл пил впервые и к концу вечера вывалил на него все свои вопросы.

«Если глаза в глаза — почти всегда будет контакт. Чем ближе, тем сильнее. Дальше — куда достанет. Если работает на толпу — отойди в сторону. Сам удивишься: все орут, дергаются, этакий зоопарк. Сделаешь пару шагов к ним — и не заметишь, как начнешь подпрыгивать вместе со всеми. Иногда даже границу видно. Если персонально работают на тебя — расслабься и получай удовольствие. Нет таких, кто совсем не поддается. Есть трудные, непробиваемых практически не бывает. Влюбиться, приворожить? Фигня и бабкины сказки. Заставить хотеть? А смысл? Очнешься и перехочешь. Может и есть любители трахать зомби; всякие причуды бывают, конечно. Ну, еще не убедишь сделать что-то, к чему человек не предрасположен: убить, например, или самоубиться. В остальном, зависит от мастерства».

У выхода Кирилл оглянулся. Костик показывал «сердечки» зрителям. Отсюда голосащая

толпа действительно выглядела странной — слишком шумной, слишком упоротой и заведенной.

«Отойди в сторону...»

Кирилл закрыл двери, отсекая от себя шум и музыку.

Костик появился в дверях с музыкантами и свитой из девиц, несущих охапки цветов. Прятаться было тупо. Кирилл жестом попросил еще пива и отвернулся, толком не понимая, хочет он, чтобы Костик прошел мимо, «не заметив», или заговорил.

Костик выбрал третий вариант: сел рядом и заказал кофе.

— Это ночью-то? — не сдержался Кирилл.

Свита и музыканты куда-то делись, цветы тоже.

— О. А мирносицы где?

Костик дернул плечом, дождался кофе, отпил:

— Я думал, ты ушел.

— Я тоже думал... — И лучше бы, наверное, ушел. Потому что — ну о чем им говорить? — Ну, ты, конечно, поднялся за год.

— Старые знакомства. Ты за мной приехал?

— Много о себе думаешь, — хмыкнул Кирилл.

— А... дело?

— За тебя там другой на Голгофу пытался.

— Кто?

— Что, правда не знаешь?

Кирилл и сам не интересовался. Один раз созвонился с Русланом, узнал, что старца признали невиновным, а больше и не звонил. Но что Костик по-прежнему думает, что его ищут, и при этом дает концерты и светится на ютубе, не верилось.

— Новая жизнь, с чистого листа, ну и все такое, — пояснил Костик.

— Можешь расслабиться, дело закрыли. А ты, смотрю, и тут не унимаешься, новую «семью» себе завел?

— Сиротские травмы: один совсем не могу. А ты как?

— А я могу.

— Врешь.

Откуда-то сбоку подскочила девчонка, перебила:

— А можно фото?

Костик привстал, пристроил на лицо «светлого инока», взял программку, написал «К...», зачеркнул и вывел витиеватую «Я» с хвостиком.

— Запутался? — усмехнулся Кирилл. — Сам не помнишь, кто ты теперь?

Костик оглядел его сверху вниз, устало вздохнул:

— Ладно... Давай начнем заново. Я — Ярослав.

Кирилл посмотрел на протянутую руку, поднял взгляд — и его ослепило знакомым светом.

Голубым и зеленым.

— А сам не хочешь вернуться?

В кафе было безлюдно, Вера резала на кусочки омлет и больше внимание уделяла телефону, чем собеседнику.

— Нет. У меня теперь своя «Семья».

— И каково это — быть богом?

— Хлопотно, — хмыкнул Ярослав. — Много трат.

— И зачем тебе я?

— Не мне, отцу. Новый бухгалтер не справляется.

— Ты же уже большой. Заработал сам. Дети должны содержать родителей, даже святые.

Ярослав нахмурился. Вера отодвинула тарелку и тихо рассмеялась.

— Ну, не сердись. Будут морщины, а ты теперь должен следить за лицом. Я поняла: старые счета кончаются, пора заводить новые... Куда ты смотришь?

Они сидели на втором этаже, и отсюда прекрасно были видны столики первого.

— Да так...

Вера проследила за его взглядом и улыбнулась.

— Понятно. Знаешь, позвони мне через неделю. И я хочу свою старую комнату.

Ярослав положил банкноту в счетную книжку, поцеловал руку довольной Вере и поспешил вниз.

— Машину? Нашли. На штрафстоянке в Москве. Миша пригнал.

— Миша?

— То есть Михаил Германович.

Посвежевшая Дарья ела мороженое, выбирая ложечкой ягоды, и светилась от удовольствия. Интересно, это развод на пользу пошел или «Миша» постарался?

— Понятно. А что с работой?

— Ну, я немного поработала в общине, пока Михаил Германович не привез нового бухгалтера, а со следующего месяца буду в Москве, в адвокатской конторе.

У «Михаил Германовича», — закончил про себя Кирилл.

— А здесь как?

Они встретились совершенно случайно, на улице, договорились посидеть в кафе, вот сидели. А Дарья оглядывалась на широкие окна, как будто кого-то ждала. Ну, то есть понятно, кого.

— Решила съездить на концерт. А тут так удобно — Михаил Германович, оказывается, тоже любит Князя. И он на машине.

— Подвез.

— Ага.

За окном припарковался черный джип, и Дарья заторопилась.

— Ой, мне пора. Рада была повидаться. И, Кирилл Борисович... Мы все молимся о вас.

Дарья вспорхнула со стула, неожиданно чмокнула Кирилла и унеслась. Он пронаблюдал, как она садится в машину, потер щеку и вздрогнул: Костик подошел неслышно и тоже провожал взглядом отъезжающий автомобиль.

— Ты тут откуда?

Костик уселся напротив и сделал знак официанту.

— Мимо проезжал. Ну, как прошло?

— Нормально.

— Вечером расскажешь? У меня сейчас времени — только на кофе. Ты будешь что-нибудь?

Кирилл отказался и просто смотрел, как Костик пьет кофе и думает о чем-то не слишком приятном.

— Все хорошо? — спросил он.

Костик перестал сверлить взглядом стол и оглянулся на окно, как до него Дарья.

— Абсолютно.

Раньше Кирилл не спрашивал, хотя и очень хотелось. А тут и повод есть:

— А ты не хочешь вернуться?

Костик накрыл ладонью руку Кирилла и улыбнулся светлой, такой знакомой улыбкой.

— Нет. У меня теперь своя семья.

Кирилл счастливо улыбнулся в ответ.

За его спиной от лестницы к выходу прошла Вера, жестом показав: «позвони».

Ярослав улыбнулся и ей.

Больше книг на сайте - Knigoed.net